

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2015 г., том 22, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Титова Л.В. Две версии Послания дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу	5
Бондаренко А.А. Ставленные листы метрики королевы Боны как исторический источник	10
Сабурова Т.А. «Стрелка моей жизни повернулась на сто лет назад...»: биографическое и автобиографическое в «Жизни Пушкина» А.В. Тырковой-Вильямс	16
Тимофеева Ю.В. Читательские интересы жителей Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период	22
Лизунова И.В. Российская книжная индустрия: интерактив в виртуальном пространстве	27
Панченко А.М. Сибирская издательская фирма «Наука» и Сибирское отделение РАН: перспективы сотрудничества.	31

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Из истории Персидского похода Петра I: битва под Эндиреем 1722 г.	36
Каменецкий И.П. Генералы Скалоны в России (1735–1812 гг.)	41
Зверев В.А. Белорусский демографический календарь: ежегодный круг рождаемости, брачности и смертности (конец XIX – начало XX в.)	46
Румянцев П.П. Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов: история деятельности	52
Симонов Д. Г. Ротация высшего командного состава Русской армии в период Первой мировой войны	58
Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака	64
Кротт И.И. Социальная мобильность сельских предпринимателей в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.)	71
Алексеев В.В. Драгоценности Романовых на службе сталинской модернизации	76
Пискунов С.А. Обеспечение сельскохозяйственных переселенцев домами в РСФСР во второй половине 1940-х – 1980-е гг.	82
Орлов Д.С. Аграрный кризис в Западной Сибири в начале 1980-х гг.	88
Лаврентьев А.В. Транспортное обеспечение труднодоступных территорий российского Дальнего Востока (середина 1980-х гг. – начало XXI в)	93
Рыгалова М.В. Геоинформационные системы в изучении истории социально-демографических явлений: историографический аспект.	98

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жеребчиков Д.П. Пьянство в городах Тамбовской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)	103
Введенский В.В. Элементы сельской среды в городском пространстве Западной Сибири в 1930-е гг.	108
Плясуля А.А. Управление совхозами Сибири в 1920-е – середине 1930-х гг.	112
Недзелюк Т.Г. Рец. на кн.: ANTONI KUCZYŃSKI. Syberia. 400 lat Polskiej diaspory. (Wrocław: Wydawnictwo “Kubajak”, 2015. 694 с.: ил.)	116
Журавель О.Д. Об актуальных проблемах отечественной истории, источниковедения и археографии (конференция, посвященная 85-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Покровского, Новосибирск, 18–20 июня 2015)	117
Сибирский исторический форум (г. Красноярск, 1–3 декабря 2015 г.)	120
Институту археологии и этнографии СО РАН – 25 лет!	122

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 18.12.15. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 287.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2015, vol. 22, N 4

CONTENTS

BOOK CULTURE

Titova L.V. Two Versions of the Dean Fyodor's Epistle to Ioann Avvakumovich	5
Bondarenko A.A. Stavlenkiye Listy of Queen Bona Sforza's Metrica as a Historical Source	10
Saburova T.A. "I am living in that distant past...": biography and autobiography in "Zhizn' Pushkina" (Pushkin's Life) by Ariadna Tyrkova-Williams.	16
Timofeeva Yu.V. Reading Interests of the People in Siberia and the Russian Far East during the Post-Soviet Period	22
Lizunova I.V. Russian Book Industry: Interaction in Virtual Space.	27
Panchenko A.M. The Siberian Publishing Company "Nauka" of the Russian Academy of Sciences: Its Future in Cooperation with the Siberian Branch of RAS.	31

PROBLEMS OF HISTORY

Abdusalomov M.-P.B., Chekulaev N.D. From the History of the Persian Campaign of Peter I: Battle of Endireem, 1722	36
Kamenetskiy I.P. Generals Skalon in Russia (1735-1812)	41
Zverev V.A. Demographic Calendar in Belarus: Annual Circles of Fertility, Nuptiality and Mortality (Late XIX – Early XX Centuries)	46
Rumyantsev P.P. "Society for Assistance to Gold Mine Workers and Employees": History of Activity	52
Simonov D.G. Rotation of Senior Officers in the Russian Army during the World War I	58
Zhuravlev V.V. "Political Hagiography" in the Civil War: Structure of Biographical Texts in the System of the Leader Cult of A.V. Kolchak	64
Krott I.I. Social Mobility of Rural Entrepreneurs During the Revolution and Civil War (1917-1920s)	71
Alekseev V.V. The Romanov Jewels for Stalin's Modernization	76
Piskunov S.A. Providing Accommodation for Migrant Agricultural Workers in the RSFSR in the Second Half of the 1940s-1980s	82
Orlov D.S. The Agrarian Crisis in Western Siberia in the Early 1980s	88
Lavrentiev A.V. Provision of Transport Services in the Remote Areas of the Russian Far East (Mid-1980s-Early XXI Century)	93
Rygalova M.V. Geographic Information Systems in Studying the History of Social and Demographic Phenomena: Historiography Aspect.	98

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Zherebchikov D.P. Drunkenness of Urban Population in the Tambov Province (Second Half of the XIX - Early XX Century).	103
Vvedenskiy V.V. Elements of Rural Environment in the Urban Space of Western Siberia in the 1930s	108
Plasula A. A. State Farm Management in Siberia in the 1920s – mid 1930s	
Nedselyuk T.G. Rec.ad op.: ANTONI KUCZYŃSKI. Syberia. 400 lat Polskiej diaspory. (Wrocław: Wydawnictwo "Kubajak", 2015. 694 str.: il. (Antoni Kuczynski. Siberia. 400 years of Polish Diaspora. Wrocław: Publishing House "Kubajak", 2015. 694 p.: ill.).	112
Zhuravel O.D. On the topical issues of national history, source studies and archaeography conference dedicated to the 85 th anniversary of Academician of RAS N.N. Pokrovsky. Novosibirsk, June, 18-20, 2015).	117
Siberian Historical Forum (Krasnoyarsk, December, 1-3rd, 2015)	120
On the 25th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography!	122

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
(HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>; <http://www.hssiberia.info>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20150401
УДК 821.161.1

Л.В. ТИТОВА

ДВЕ ВЕРСИИ ПОСЛАНИЯ ДЯКОНА ФЕДОРА ИОАННУ АВВАКУМОВИЧУ

Любовь Васильевна Титова,
канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: titova_istochnik@mail.ru

В статье предпринят анализ полемиического Послания дьякона Федора сыну протопопа Аввакума Иоанну о священстве, написанного им от имени всех пустозерских узников (протопопа Аввакума, инока Епифания и попа Лазаря). Оясняются причины появления краткого варианта Послания, приписываемого протопопу Аввакуму. На основе текстологического анализа дается характеристика этой компилятивной версии Послания, представляющей собой тщательную выборку из «эпистолии» дьякона Федора к Иоанну Аввакумовичу с использованием смягченного Аввакумовского варианта толкования 13-й главы Апокалипсиса. Цель статьи – охарактеризовать обе версии этого текста о священстве, очень важного в идеологическом плане для старообрядчества в целом, о чем свидетельствует широкое использование его старообрядцами в XVIII в. при составлении полемиических сочинений в защиту староверия.

Ключевые слова: Послание о священстве, полемический текст, старообрядчество, текстология, дьякон Федор, протопоп Аввакум.

L.V. TITOVA

TWO VERSIONS OF THE DEAN FYODOR'S EPISTLE TO IOANN AVVAKUMOVICH

Lyubov V. Titova,
Candidate of Philology, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: titova_istochnik@mail.ru

The article deals with one of the ideologically most significant Old-Believers' texts – Epistle of Dean Fyodor to the Archpriest Avvakum's son Ioann (John) about the priests who had accepted the reforms of Patriarch Nikon. This work was written by the Dean Fyodor in the summer of 1669 on behalf of all Pustozersk prisoners in response to Ioann's question about the newly ordained priests. For the whole Old-Believers' world this writing served as a guide to action explaining how to behave toward the priests installed by Patriarch Nikon after he was removed from a position of Patriarch.

Along with the answers given by the Pustozersk prisoners to the questions about priests it also includes Fyodor's interpretation of the 13 Chapter of Apocalypse focused on his reflections on "the horns of Antichrist" who will cause Russia's last "renunciation of faith": "And from that time on it will be more bitter owing to the ungodly tsars: they are horns of Antichrist... The Divine saw two horns coming up out of the earth: one of them already exists; after it there will be another one, accomplice of the evil". By the "horn that already exists" the Dean Fyodor meant the Tsar Aleksey; Fyodor repeatedly called him "an evil horn" and "Antichrist". In Fyodor's letter there is no personification of the "second horn", however the text is clearly stating that it will also be a Tsar, "accomplice of the evil", who will come after Aleksey Mikhailovich.

Avvakum's interpretation of the same chapter of Apocalypse is quite different from that proposed by Fyodor: "The beast has two horns – it marks two powers: one is a winner, another is an accomplice". Aleksey is assigned the role of only an "accomplice", while in Fyodor's interpretation he was presented as the main bearer of evil. Avvakum's interpretation of Patriarch Nikon and Tsar Aleksey as two horns of Antichrist was accepted by some of the Old-Believers. This has been witnessed by creation of a new version of "The Epistle Addressed to a Certain Ioann", compilatory in nature.

Its textual analysis showed that it contains only abstracts from the Dean Fyodor's "Epistle" with a milder variant of Avvakum's interpretation of the 13th chapter of Apocalypse. The article proves that "The Epistle Addressed to a Certain Ioann" attributed to Avvakum was compilatory in nature. The author characterizes both texts and determines the textual evolution of this Old-Believers' ideologically significant document.

Key words: Epistle about priesthood, polemical text, Old Belief, textology, Dean Fyodor, Archpriest Avvakum.

«Послание в Москву из Пустозерска», впервые опубликованное Н.И. Субботиным в 6-м томе «Материалов для истории раскола за первое время его существования»¹ [1, с. 60–79], адресовано старшему сыну Аввакума, заключенному в земляной тюрьме на Мезени. Оно было написано дьяконом Федором летом 1669 г. в ответ на вопрос Иоанна о новопоставленных попах. Находясь в пустозерской ссылке с 1668 г. и отвечая в письме Иоанну на вопрос, волнующий весь старообрядческий мир, о том, как надо теперь после того, как Никона лишили патриаршества, относиться к священникам, поставленным самим Никоном или архиереями, принявшими никоновскую церковную реформу. Это послание Федора было отправлено из Пустозерска на Мезень (для дальнейшей отправки в Москву)².

Послание Федора к Иоанну носило коллективный характер, который подчеркнут и в его названии. В рукописях это сочинение надписывается по-разному, но наибольшее количество списков сохранило следующий заголовок: «Список с епистолии великих отцов и страдальцев за святую соборную и апостольскую церковь, еяже должно всякому о Христе живущему прочитати и творити, и да угоден будет Богу, занеже несть ничто лестно zde, но вся истина имущим ум от Господа истиннаго. Аминь».

Послание подкреплено одобрительными подписями Аввакума и московского инока Авраамия, получившего «епистолию» тогда же, в конце 1669 г. [2, с. LXIII, 133–136; 3, с. 142].

Что же представлял собой этот неоднозначный ответ дьякона Федора о прежде посвященных и вновь поставленных попах?

После небольшого традиционного вступления, в котором дьякон Федор призывает единоверцев к твердости в вере, он дает обстоятельное разъяснение вопроса, можно ли без вреда для правой веры принять благословение от священника, прежде посвященного, но не устоявшего в вере, затем раскаявшегося и вернувшегося к истине. «...От та-

ковых, – поясняет Федор, – достоин благословение приимати и во всем сообщатися, помянувшу Петра верховнаго апостола, яко по отречении своем, плача горко, прият Христом бысть и от апостольства не отлучен» [1, с. 63]. Хотя, как рассуждает он далее, и к раскаявшимся священникам можно обращаться только по крайней нужде, при чрезвычайных обстоятельствах, поскольку они нарушили свой долг в отношении веры.

Постоянно же сомневающимся наставников, как уверяет Федор, лучше избегать, лучше обходиться вообще без пастыря. Они, хотя и служат по-старому, но «мыслят двоедушно, егда понуждени будут от отступников к прелести новых догмат, второе и третье отступить хотят, паки вертящися, яко прах ветром в разуме своем и в неигрательных играти смышляюще: а от таковых, яко от Иуды предателя, чуждатыся православным, яко на время веруют, и во время напасти отпадают...» [1, с. 63].

Более категорично высказывается дьякон Федор относительно вновь посвященных пастырей, которые «от Никона отступника ставлены и от никониан ... – поставляемии от них попы и дияконы не священи суть, по правилом, вси они отступницы сами и еретицы глупии и поставленнии от них канону суду подлежат и анафеме. Православным христианом ныне не подобает их благословения приимати, ни службы, ни крещения, ни молитвы, и в церкви с ними не молитися, ниже в дому. То есть часть антихристов полка ...» [1, с. 64]. И далее, разъясняя вопрошавшим его единомышленникам, как относиться к священникам, и понимая, какое важное решение он должен принять в это трагическое для всех приверженцев старой веры время, апеллирует к Священному Писанию и с его помощью подкрепляет свои суждения относительно создавшейся ситуации, связанной со священством и авторитетными текстами. Как известно, многие старообрядческие писатели для большей убедительности свои богословские трактовки подкрепляли примерами из ветхозаветной истории, ставили в один ряд исторические события настоящего момента с событиями ветхозаветными. Обращается к этому литературному приему и дьякон Федор. В параллель с никонианскими попами он ставит Вааловых жрецов.

По мнению дьякона Федора, формально всех никонианских попов можно разделить на две категории: на «студных» и «мерзких», в параллель жрецам Ваала, истребленным пророком Ильей³. В библейском тексте «студными» названы те жрецы Ваала, которые имели законное священническое достоинство до отпадения

¹ В рукописи, по которой издан текст (ГИМ, собр. Хлудова, № 260), он назван: «Список с епистолии великих отцов и страдальцев за святую соборную и апостольскую Церковь, еяже должно всякому о Христе живущему прочитати и творити, и да угоден будет Богу, занеже несть ничто лестно zde, но вся истина имущим ум от Господа истиннаго, Аминь». Н.И. Субботин во введении, кратко характеризуя сочинения 6-го тома, ошибочно идентифицировал Послание с Ответом православных. Авторитетными исследователями старообрядческой литературы XIX в., такими как А.К. Бороздин и П.С. Смирнов, не установлен был адресат письма, «тезоименитый Иоанн» оказался не идентифицированным с определенным историческим лицом.

² Дьякон Федор упоминает о нем в письме семье Аввакума на Мезень от 1 сентября 1669 г. (см.: [4, с. 351–353]).

³ См.: III книга Царств, гл. XVIII: 1–40.

от веры царя Ахава⁴, а приминительно к никонианам Федор этот эпитет дает священникам, которые поставлены прежними патриархами до Никона и которые при Никоне приняли его новшества. Точно так же к «мерзким» Федор относит Вааловых жрецов, поставленных тогда, когда Ахав был уже идолопоклонником и в параллель им – никонианских попов, рукоположенных при Никоне, «егда совершенно православие все отринуша древняго предания святых апостол и богоносных отец, и оболгаша их лстивно и охулиша, нечестие же всяко прияша, и оправдаша, и укрепилша, и новоразвращенныя и богомерския книги со многими неисчетными ереси в них похвалиша, и всех еретик крещение римское и священство их гнусное прияша, их же вси святыя отцы наши проклинаша и от святыя церкви отметаша, понеже Рим всех ересей приятелще, источник всякаго нечестия латынское мудрование богомерское» [1, с. 63–64]. От «студных» попов можно принимать всякую святыню, крещение, исповедание, причащение и пр., «непорочнаго ради на них благословения первых наших святых пастырей» [1, с. 62]. Это дозволяется по случаю крайней необходимости, так как «лучше тех ныне и невозможно обрести праваго священства» [1, с. 62]. Однако даже при приеме «студных» попов, переходящих из никонианства, надо поступать с известной осторожностью: если они обращаются к «истинной службе» без колебания, вполне искренно, безвозвратно, с готовностью умереть за старое благочестие, то с ними разрешено сообщаться, но следует опасаться таких священников, которые могут по несколько раз переходить от одних к другим. Что касается попов «мерзких», то они, как поставленные незаконными архиереями, «не священни суть... канонному суду подлежат и анафеме» [1, с. 64], даже если и «по старому служат, отнюдь не подобает благословение приимати, по правилу, ни мало, ни велико: понеже от еретик поставлены не освящены суть, но осквернены от рук их...» [1, с. 75], – так завершает дьякон Федор основные рассуждения об отношении к пастырям настоящего времени – времени, приближающему по его мнению, антихристов приход.

Перед пришествием же в мир антихриста, по убеждениям Федора и судя по эсхатологическим представлениям всех защитников старой веры, должно произойти повсеместное оскудение веры православной. По словам Федора, «в недавнее время совершилось на Руси последнее отпадение от истины. Инаго уже отступления нигде не будет: везде бо бысть, последнее Русь zde. И то от часа сего на горшее происходит будет цари нечестивыми: то суть рози антихристовы, – ими сильно дело все отступническое, без тех же не мощно» [1, с. 66].

⁴ Как известно из ветхозаветной истории, израильский царь Ахав по наущению своей нечестивой жены Иезавели стал идолопоклонником. Заметим, что нечестивые цари нередко сравниваются с идолопоклонником Ахавом, можно думать, что его появление на страницах Послания Федора неслучайно, поскольку далее следует его рассуждение о «рогах антихристовых», под которыми подразумеваются нечестивые монархи, в том числе правящий.

Это упоминание о нечестивых царях указывает на некий поворот во взгляде на царя всех защитников «древнего благочестия», которого до сих пор они считали православным, возлагали на него большие надежды; теперь эти представления о правящем монархе резко изменились. В их глазах он был споспешником антихриста. Далее Федор выражается еще более определенно: «Во время се ни царя, ни святителя. Един бысть православный царь на земли остался, да и того не внимающего себе, западни еретицы, яко облацы темнии, угасили христианское солнце, и свели во тму многия прелести и погрузили, да не возникнет на истинный свой первый свет правды. Увы, увы, бысть!» [1, с. 72].

Как видим, Послание Федора было не только откровенным обличением никонианского священства, но оно знаменательно и необычайно смелой для того времени характеристикой «помазанника Божьего». В центре Послания – толкование Федором 13-й главы Апокалипсиса, его рассуждение о «рогах антихристовых». Он вводит более сложное понимание апокалипсических «рогов антихристовых» как царей, с помощью которых будет происходить на Руси «последнее отступление» от веры: «И то от часа сего на горшее происходит будет цари⁵ нечестивыми: то суть рози антихристовы... Два рога от земли исходяща виде Богослов: един от тех есть, второй же по нем будет, пособитель же злу» [1, с. 66].

Такие дерзкие рассуждения дьякона Федора о «рогах антихриста» как о царях, причем не только о ныне правящем монархе, но и о тех правителях, которые последуют за ним, звучат здесь впервые и проводятся им последовательно в дальнейшем во многих сочинениях, касающихся данного вопроса. Эта мысль высказана им и в Письме к семье Аввакума. Пересказывая якобы пророчество некоего суздальского пустынника Михаила⁶, Федор Иванов писал: «Егда седе на царство он (Алексей Михайлович. – Л.Т.) и пришедши нецыи христороубцы в пустыню ко святому Михаилу, рабу Божию, и возвестиша ему: «Иной царь-государь воцарился ныне после отца своего». И Михаил рече им: «Несть царь, братие, но рожок антихри-

⁵ Безоговорочным и наглядным подтверждением того, что не только адресат и адресант осознавали опасность такого категоричного суждения о «рогах антихриста» как о «нечестивых царях», и более того, о правящем царе, но и все единоверцы, которым предназначалось это Послание, служит один из списков XVII в. Послания дьякона Федора Иоанну, где в этом фрагменте текста слово «цари» тщательно выскоблено (см.: РГБ, собр. Ундольского (ф. 310), № 518, л. 9), а в другом списке (ИРЛИ, собр. Карельское, № 550, л. 50 об.) заменено словом «князьми».

⁶ К сожалению, письменных данных о пустыннике Михаиле суздальце, практически нет, он упоминается лишь в допросных речах 1666 г. некоего чернеца Савватия (см.: [5, с. 110]). Все же остальные исследователи истории старообрядчества при упоминании Михаила пустынника (отшельника) ссылаются на Письмо дьякона Федора семье Аввакума 1669 г. (см.: [6, с. 324, 333; 7, с. 120, 244–245]). Сам же дьякон Федор в этом Письме сообщает, что о пророчестве суздальского пустынника Михаила узнал от «стража моего темничного, Артемия суздальца» (см.: [4, с. 352]).

стов». И далее уже рассуждает сам дьякон Федор: «Еже и бысть ныне – видим брань его на Церковь Христоу... Да и впредь, братие моя вы о Христе, аз глаголю вам: добра от него не будет Церкви и миру, в том ему и пропасть, в своем лукавстве, не обратен бо...» [4, с. 352]. Из приведенных фрагментов обоих писем совершенно ясно, что под «рогом антихристовым» подразумевается дьяконом Федором царствующий Алексей Михайлович.

Столь резкое обличение царя не обещало ничего хорошего его автору, да и сам Федор трезво оценивал ситуацию. Он прекрасно понимал, какому риску подвергается, поэтому в конце письма неспроста приписал: «А письмо раздерите мое, мучителя ради имени» [4, с. 353]. Подобное предупреждение сделано было в этом же письме к семье Аввакума и относительно Послания Ивану Аввакумовичу: «А послание, что к тебе писано, брате Иоанне, от меня, и ты того в Соловки и не посылай... отступником бы не попал: они руку мою знают, и сам рог антихристов знает, знает руку мою. Дела его тако наречют» [4, с. 352]. Опасения дьякона Федора были ненапрасными. Авраамий был арестован в Москве в 1670 г., власти его допрашивали о письмах, изъятых у него при аресте, среди которых были и письма пустозерцев, возможно и Послание к Иоанну Аввакумовичу (на одном из списков Послания есть подпись Авраамия [6, с. 315–316]). Автограф письма дьякона Федора к семье Аввакума попал в Тайный приказ. Некоторые исследователи склонны считать, что «казни» старообрядцев, последовавшие на Мезени и в Пустозерске в конце 1669 – весной 1670 гг., были реакцией правительства на их обличительные послания.

Следует отметить, что толкование этой же главы Апокалипсиса есть и у Аввакума, но оно заметно отличается от толкования, предложенного дьяконом Федором. У Аввакума истолкование «двух рогов антихриста» иное: «Два же рога у зверя – две власти знаменует: един победитель, а другой – пособитель; Никита, по Алфавиту, или Никон, а другой пособитель – Алексей» [8, с. 224]. Заметим, что в этом тексте Алексею отведена только роль «пособителя», тогда как в толковании дьякона Федора он был представлен основным носителем зла.

Такое истолкование Аввакумом «двух рогов антихриста» как патриарха Никона и царя Алексея было принято частью старообрядцев. Свидетельством этого является создание нового варианта «Послания к некоему Иоанну», которое в списках имеет название: «Выписано из епистолии великих отцев и страдальцев за истинную соборную и апостольскую церковь испустозерской темницы» [8, с. 224]. Собственно этот текст представляет собой тщательную выборку из Послания дьякона Федора к Иоанну Аввакумовичу с использованием смягченного Аввакумовского варианта толкования 13-й главы Апокалипсиса⁷. Возможно, это

и позволило Н.И. Субботину поместить его в 5-м томе «Материалов для истории раскола...», объединившем сочинения Аввакума, прямых указаний на его авторство в этом Послании не имеется.

Начинается эта версия Послания так же, как и полный федоровский вариант текста – с обращения к адресату: «Брату верному о Господе, благодати тезоименитому Иоанну... и всем верным братиям...» [8, с. 224]. Здесь опущены сведения об авторе (ср.: «Неключимый раб великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа дьякон, Божий дар нареченный от крещения, Федор...» [1, с. 60]). Далее Федор призывает единоверцев стоять «неподвижно в вере», несмотря на преодолевающие их беды, нужды и скорби, чего нет в компилятивной версии Послания, автор которой сразу же переходит к ответу на главный вопрос, который был задан пустозерским сидельцам, а именно, рассуждениям о священниках, «рукоположенных от прежних православных святителей» и нового поставления.

Автор этой версии умело сокращает ненужные для его замысла подробности источника: так, здесь полностью отсутствуют рассуждения Федора о «мерзских» и «студных» священниках, нет в ней и его размышлений о «лжеучителях». А это одна из самых ярких картин его толкования Апокалипсиса. Федор, призывая «испытывать» Писание «опасно» (тщательно. – Л.Т.), вдумываться в видения «Откровения» Иоанна Богослова. Он пишет о священниках, служащих по-новому, как о лжеучителях, «а лжеучителие настоящего века сего – кони сатанины, их же виде Иоанн Богослов. Главы у них лвовы, то есть рыкание их зверское являет, и обтичют бо сушу и море, ища вернаго поглотити в прелесть свою. И в хвостах их жало; то есть учение их смертоносное – жало, егоже аще кто примет прельщенный от них, то жив не будет во веки, умрет душою и телом. А хвост – то лесь знаменует их: прежде бо льстят и обманывают, а потом же мучат не приемлющих в хвостах их жала пагубнаго, сиречь прелести учения их смертоснаго. Того ради судиша богоноснии отцы каноны своими правильными ничего же от еретик не примати – ни благословения, ни молитвы» [1, с. 66–67]. Завершается эта версия Послания толкованием этой же 13-й главы протопопом Аввакумом. Ее текст составляет всего одну треть объема Послания Федора.

В настоящее время не представляется возможным назвать автора этой компиляции. Вполне вероятно, что полное текстологическое обследование всех известных в настоящее время списков Послания к Иоанну дьякона Федора (нам в настоящее время известно более 30 его списков), а также компиляции, созданной на его основе (нам известно лишь два ее списка), в дальнейшем позволят прояснить и рукописную судьбу обоих вариантов текста Послания.

Отметим лишь, что автор данной версии Послания отобрал очень экономно материал; осветив самые насущные проблемы староверия – священства и наступления последних времен, прихода в мир антихриста, он соединил две точки зрения на антихриста и его по-

⁷ Подробнее о толковании Аввакумом 13-й главы Апокалипсиса (см.: [9, с. 96–108]).

мощников – Федоровскую, более резкую, и более мягкую Аввакумовскую.

Эти темы оставались долгое время актуальными в старообрядческой среде, оба варианта Послания к Иоанну Аввакумовичу как в выписках, так и полностью очень широко использовались старообрядческими писателями в XVIII в. при составлении полемических сочинений в защиту староверия [10, с. 87–125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М. 1881. Т. 6. 336 с.
2. *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. 237, 121 с.
3. *Бороздин А.К.* Протопоп Аввакум: очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900. 175 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. 661 с.
5. Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы приказа тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг. / сост. В.С. Румянцева. М., 1986. 212 с.
6. *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. 389 с.
7. *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. 418 с.
8. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М. 1879. Т. 5. 388 с.
9. *Демкова Н.С., Титова Л.В.* Из литературного наследия пушторских узников: неизвестная компиляция «Се ныне прииде час искушения на всю вселенную...» // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 2. С. 96–108.
10. *Гурьянова Н.С.* Сочинения лидеров раннего этапа старообрядческого движения и оформление эсхатологического учения

в XVIII в. // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 93–125.

REFERENCES

1. Materials for the History of Schism during the Early Stage of Its Existence / ed. by N. Subbotin. Moscow, 1881, vol. 6 (In Russ.)
2. *Smirnov P.S.* The Internal Issues of the Schism in the XVII Century. SPb., 1898 (In Russ.)
3. *Borozdin A.K.* Archpriest Avvakum. Essays from the History of Intellectual Life of the Russian Society in the XVII Century (In Russ.)
4. Library of the Old Russian Literature. SPb., 2013, vol. 17: XVII Century (In Russ.)
5. Popular Anti-Church Movement in seventeenth-century Russia. Documents from the Prikaz of Secret Affairs about the Old-Believers, 1665–1667. Comp. by V.S. Rumyantseva. Moscow, 1986, 212 p. (In Russ.)
6. *Barskov Ya.L.* Monuments of the First Years of the Russian Old-Belief. SPb., 1912 (In Russ.)
7. *Lukin P.V.* Popular beliefs about the state power in seventeenth-century Russia. Moscow, 2000, 418 p. (In Russ.)
8. Materials for the History of Schism during the Early Stage of Its Existence / ed. by N. Subbotin. Moscow, 1881, vol. 5 (In Russ.)
9. *Demkova N.S., Titova L.V.* From the literary heritage of the Pustozersk prisoners: unknown compilation “The hour of temptation shall come upon the entire world...”. *Uralskij sbornik. Istorija. Kultura. Religija*. Yekaterinburg, 2009, issue 7, part 2, pp. 96–108 (In Russ.)
10. *Guryanova N.S.* Writings of the Leaders of the Early Stage of the Old-Believers’ Movement and the Formation of the Eschatological Teaching. *Religioznye i politicheskiye idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kultury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2015 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150402
УДК 930.22(093)

А.А. БОНДАРЕНКО

СТАВЛЕННЫЕ ЛИСТЫ МЕТРИКИ КОРОЛЕВЫ БОНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Андрей Андреевич Бондаренко,
независимый исследователь (Москва),
e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru

Статья посвящена изучению ряда терминологических проблем дипломатики кириллических актов Великого княжества Литовского. На основании документов архива канцелярии королевы польской и великой княгини литовской Боны Сфорца разрабатывается определение одной из разновидностей грамот, выдававшихся ею православному духовенству Литовского государства, – ставленного листа. На основании анализа истории употребления в историографии и источниках Великого княжества Литовского терминов «привилей», «лист» и «грамота» автор приходит к выводу, что термин русской дипломатики «ставленная грамота» представляется наиболее уместным для обозначения актов Литовской метрики, утверждавших права на священноначалие. В дипломатике Литовского государства, таким образом, следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного патроната.

Ключевые слова: дипломатика, акты, Литовская метрика, метрика королевы Боны, привилей, ставленный лист, Великое княжество Литовское, Бона Сфорца.

A.A. BONDARENKO

STAVLENNIYE LISTY OF QUEEN BONA SFORZA'S METRICA AS A HISTORICAL SOURCE

Andrey A. Bondarenko,
Independent researcher (Moscow)
e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru

The paper discusses a range of disputable issues concerning the terminology of the Cyrillic acts from the Queen Bona Sforza's Metrica which is the basis of the archives at the chancery of Polish Queen and Lithuanian Grand Duchess Bona Sforza. These acts are related to the social institute of clerical investiture. The purpose of this article is to elaborate a definition of the notion "stavlenniy list" using the key classificatory category of source studies – "kind of historical sources". The author considers the history of the use of such terms as "priviley", "list", and "gramota" in historiography and sources of Grand Duchy of Lithuania. The Russian diplomatics term "stavlennaya gramota" is deemed the most appropriate for designating the Lithuanian Metrica's acts approving the rights to hierarchy. In the diplomatics of the Lithuanian state there should be distinguished 1) bishop's stavlenniy lists issued by the church authorities in accordance with the canon law and 2) secular stavlenniy lists which obtained a wide circulation owing to the application of the right of church patronage. A secular stavlenniy list is a document by which the representatives of secular authority conferred the right of one-man management upon any churchman with respect to a certain church, monastery or bishop's throne and also transferred him the rights to real estate. In Queen Bona's Metrica this sort of acts of a contractual and legislative nature is represented by four subsorts of lists: 1) for the office of priest; 2) for the office of hegumen; 3) for the office of bishop; and 4) confirmatory.

Key words: historical sources, diplomatics, acts, the Lithuanian Metrica, Queen Bona's Metrica, priviley, stavlenniy list, dozvolenniy list, Grand Duchy of Lithuania, Bona Sforza.

В среде источниковедов, дипломатистов и археографов нет единства относительно использования понятийного аппарата дипломатики, в том числе кириллических актов Литовской метрики. Исследователи архива канцелярии Великого княжества Литовского

XIX–XX вв. использовали главным образом терминологию источников. Начало разработке понятийного аппарата дипломатики литовско-русских актов было положено составителями Методических рекомендаций по изданию и описанию Литовской метрики 1985 г. [1].

Дальнейшее изучение внутренней формы актов Литовской метрики, составление дробной схемы классификации образующих ее документов должны способствовать избавлению от терминологической путаницы и развитию актового источниковедения Литовского государства в целом.

В первую очередь, необходимо остановиться на истории употреблении терминов «привилей», «лист», «грамота» в историографии и источниках. Применительно к значительной по объему части документов Литовской метрики XV–XVI вв. в историографии утвердился термин «привилей». Он же предлагается для использования составителями Методических рекомендаций 1985 г. как пришедший на смену термину «грамота» в конце XV в. [1, с. 20; 2, с. 52].

Под названием «привилей» М.Н. Ясинский предполагал «три рода совершенно различных по характеру и предмету содержания актов правительственной деятельности», интерпретируя это понятие как совокупность нескольких разновидностей актов договорно-законодательного вида: данных, уставных, льготных, дозволенных, подтвердительных [3, с. 10–25].

Широкое употребление данного термина в исследовательской литературе связано с тем, что большинство писарских заголовков, составленных к документам метрики при их копировании уже на рубеже XVI–XVII вв., определяло пожалования разного рода именно как «привилеи», что было вызвано усилившейся к этому времени полонизацией канцелярского языка Литовского государства¹. Польское слово «przywilej» произошло от латинского «privilegium», означавшего «privā lex» (от *privus* «особый» и *legis* «закон»). В качестве самоназвания актов XV и XVI вв. термин «привилей» не встречается, употребляется в текстах в качестве названия других документов значительно реже, чем «лист», и, как пишет О.И. Хоруженко, относится в этих случаях к великокняжеским грамотам [4, с. 359–360].

В текстах грамот метрики королевы Боны «привилеями» чаще всего называются пожалования великих князей, в том числе грамоты на имения, полученные самой королевой от Сигизмунда I Старого². Наиболее употребительная формула, относящаяся к документам, которые являлись доказательством прав землевладельца на имения, другое недвижимое и движимое имущество, – «листы, привилья и всякие твердости». «Привилеями» не назывались грамоты урядников («листы», «даты»), но в ряде случаев так именовались пожалования удельных князей: Ф.И. Ярославича

и его супруги Олены³, Марьи Олелькович⁴. Этот же термин употреблялся и в отношении некоторых грамот Боны («привилья нашо», «хотечи твердость и привилей от нас мети») ⁵. Так, в одном из документов книги записей 36 королева называла «привилеем» свою уставную грамоту, которая должна быть составлена и выдана жемайтской волости Новая Воля только после ее «волочного» измерения и создания реестра повинностей местного населения «посланцами» Боны⁶. Таким образом, «привилеями» назывались не только великокняжеские грамоты, но и просто «господарские» пожалования – то есть пожалования, исходявшие от представителей центральной власти в той или иной местности.

В работах по источниковедению и археографии истории Украины Н.П. Ковальский одновременно употреблял и термины «лист», «привилей», «грамота», и обобщающие понятия «записи», «документы». Основываясь на номинальном анализе документов, составляющих книги записей Литовской метрики, исследователь называл следующие их основные «разновидности»: «лист» (грамота), «подтверждение» (подтвержденная грамота), «признание» (акт признания соответствующих прав), «привилей» [5, с. 15]. В составе книг записей 22, 37, 38, 47 Н.П. Ковальский выделил 20 «форм актов записей», «исходя из их разновидностей и содержания» [5, с. 14]. Наименования этих «разновидностей» соответствуют писарским заголовкам конца XVI в., помещенным как перед текстами документов, так и в виде отдельно составленного реестра⁷. В основе этого деления лежит тематический принцип; исследователем учитывались и критерии авторства и адресата, и сфера социального воздействия документа.

«Привилеями» Н.П. Ковальский считал документы, фиксировавшие «пожалования магнатам, шляхтичам (“земьянам”), представителям местной королевской администрации на недвижимое имущество, организацию ярмарок, мещанам – на беспроцентную торговлю». В отличие от близких к ним «листов», «привилей не содержат распоряжений, наказов и других норм подобного императивного характера» [5, с. 18]. По логике исследователя, к «привилеям» в таком случае следует относить те же данные, дозволенные и льготные грамоты, идентичные по своей функции одновременно нескольким «разновидностям» листов.

³ РГАДА. Кн. 33. Л. 95 об.; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 224.

⁴ РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 58–58 об.

⁵ Там же. Кн. 18. Л. 57 об.–58; Там же. Кн. 32. Л. 4 об.–5; Там же. Кн. 33. Л. 104 об.; Ревизия пущ и переходов. С. 148, 234, 284.

⁶ РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 77–78.

⁷ См., напр.: Lietuvos metrika. Knyga Nr. 22 (1547). Uzrasymu knyga 22. Vilnius, 2010. P. 3–8; Lietuvos metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Uzrasymu knyga 37. Vilnius, 2011. P. 54–90.

¹ На примере документов книги литовских 6 записей О.И. Хоруженко рассмотрел бытование терминов «привилей», «грамота» и «лист» в канцелярской практике Литовского государства в конце XV – начале XVI в. Проведенный анализ позволил ему уточнить ряд представлений, изложенных в Методических рекомендациях 1985 г. [4, с. 359–360].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.; Там же. Кн. 36. Л. 113 об.

Г.В. Боряк и С.В. Абросимова насчитали 45 различных наименований документов в книгах записей и 98 в книгах судебных дел Литовской метрики. По мнению авторов, номинальный анализ актов подтверждает отсутствие в канцелярии Великого княжества Литовского «терминологической чистоты» в названиях грамот одной и той же разновидности [6, с. 86–88].

Выявление, учет и анализ устоявшихся номинальных признаков источников – их самоназваний и названий, встречающихся в тексте, – имеют важное значение в развитии дипломатики литовско-русских актов. В то же время построение классификационных схем актовых источников не может быть основано только на номинальном признаке. Некоторые современные литовские и украинские археографы продолжают «типологизировать» документы Литовской метрики в соответствии с терминологией писарских заголовков конца XVI в., поэтому «привилеи» (наряду с «листами» и «потверженьями») в их представлении являются одной из основных разновидностей документов архива канцелярии Литовского государства⁸.

Проанализировав около 5 тыс. актов Литовской метрики, относящихся к 1522–1552 гг., В.С. Менжинский «по содержанию и видовым признакам» различил пять «подгрупп» документов: 1) «жалованные и подтвердительные акты»; 2) указные грамоты («листы»); 3) судебные акты; 4) акты-записи; 5) акты частноправовых сделок между феодалами» [7, с. 8–9]. В соответствии с классификационной схемой С.М. Каштанова 1988 г. здесь одновременно представлены акты договорно-законодательного, договорно-распорядительного, судебно-процессуального, договорного видов, а также делопроизводственные источники [8, с. 150–154].

В.С. Менжинский, следуя, вероятно, Методическим рекомендациям 1985 г., относит к «листам» только указные грамоты [1, с. 25]⁹. Подобную трактовку данного термина О.И. Хоруженко считает «неправомерно зауженной», что подтверждается номинальным анализом документов любой из книг Литовской метрики, относящейся к концу XV – первой половине XVI в. [4, с. 360].

В источниках изучаемого времени термин «лист» употребляется широко, зачастую неопределенно и по своему объему, причем как и московско-русская «грамота», совпадает с понятием «документ». В этой связи использование термина «лист» (а не «привилей» или «грамота») при построении схем систематизации и составлении издательских заголовков к актовым источникам Литовской метрики представляется наиболее целесообразным. Термин «грамота» в дипломатике литовско-русских актов вполне возможно употреблять как общепринятый и синонимичный «листу».

⁸ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549). Uzasarymu knyga 32. Vilnius, 2012. P. XII.

⁹ При публикации актов их архива канцелярии Радзивиллов М.М. Кром точно так же сохранил самоназвание многих документов «лист» «только в отношении грамот распорядительного характера» [9, с. 21–22].

А.Л. Хорошкевич провела классификацию «жалованных грамот» Великого княжества Литовского конца XV в. Ею назывались следующие разновидности грамот: данные, несудимые, меновные, отдельные, купчие, льготные, на устройство торгов, на аренду мыт, на устройство става [2, с. 52]. Большая часть действий, совершавшихся представителями публичной власти в пользу того или иного контрагента, оформлялась в виде пожалования, поэтому в качестве обобщающего наименования такого рода актов действительно можно использовать термин «жалованные грамоты». Очевидно, что их следует относить к договорному и договорно-законодательному видам.

Юридическая сущность сделки, закрепленная в диспозитивной части актов, которыми осуществлялось то или иное пожалование, чаще всего выражена глаголом «дал» (не «пожаловал»). Таким образом, значительную часть жалованных грамот Литовской метрики следует трактовать все же как «данные листы». Встречаются их различные самоназвания и названия – «листы», «привилеи», «данины», «даты».

Определение разновидности акта на основании инфинитивной формы его юридической клаузулы предпочтительно, но не всегда оправданно. Так, сущность пожалований, временно освобождавших определенных лиц или категорий населения от выполнения повинностей, может быть выражена глаголами «отпускаем»¹⁰, «вызволяем»¹¹, оборотом «воли дали и сим листом даем»¹². Очевидно, что определение таких грамот как «отпускных», «вызволенных» или «данных на льготу» нецелесообразно, так как в историографии вполне утвердился термин «льготный лист», который полностью характеризует правовое содержание подобных документов. Арендные листы могут иметь в диспозиции и глагол «арендовали», и глагол «запродали», однако наименование этих грамот «продажными листами на аренду мыта (корчмы, озера)» едва ли уместно.

Ставленные листы в своем большинстве имеют форму данных грамот и содержат в диспозиции глагол «дать». Учитывая, что 1) целеполагание создания этих документов заключалось в регулировании конкретной сферы социально-экономических отношений (общественный институт церковного патроната); 2) термин русской дипломатики «ставленная грамота» имеет схожее правовое содержание; 3) этот термин известен литовским источникам первой половины XVI в.¹³, – он может быть использован в терминологии литовской дипломатики для обозначения акта, утверждавшего права на священноначалие.

Методическими рекомендациями 1985 г. подобные акты, судя по всему, предлагается называть «жалованными уставными», то есть грамотами, «уста-

¹⁰ РГАДА. Ф. 389. Кн. 32. Л. 25 об.

¹¹ Там же. Л. 71.

¹² Там же. Кн. 36. Л. 40 об.

¹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси, Кн. 1. С. 9.

навливающими юридический статус должностных лиц или различных групп населения». Здесь остается непонятным их отличие от «привилеев» (просто «жалованных грамот»), «согласно которым передаются права на занятие должностей или даруются чины». Для первого случая в качестве примера составителями Методических рекомендаций приведен лист на архимандритство, для второго – лист на воеводство и канцлерство [1, с. 21, 23]. Великокняжеским пожалованием, выданным на тот или иной уряд (светский или духовный), в любом случае фиксировался статус получателя и передавался ряд определенных полномочий – даже если это не было специально оговорено в тексте источника. Под уставными грамотами все же следует понимать только «грамоты, регламентирующие основные принципы управления и суда различных социальных категорий населения» [1, с. 23]. Пожалования светских административных должностей целесообразно именовать данными листами (на воеводство, на войтовство и т. д.); пожалования духовных санов – ставленными листами.

Выдача ставленных грамот в древней христианской церкви практиковалась с V–VI вв., в Северо-Восточной Руси с XI–XII вв. [10, с. 120]¹⁴. Ставленные грамоты «представляют собой документ о том, что получивший его священнослужитель был... последовательно возведен из мирянина в чтеца, поддиакона, диакона и пресвитера и поставлен к определенному храму епархии. Благословенная грамота подтверждает права священнослужителя, уже имевшего ранее ту или иную степень священства, совершать богослужения и обряды» [11].

Принимая во внимание особенности функционирования института церковной инвеституры в Литовском государстве, под ставленным листом следует понимать документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. Ставленные листы являются разновидностью актов договорно-законодательного вида и образуют подразновидности: 1) на священство (поповство), 2) игуменство, 3) на владычество (епископство).

В диспозиции ставленных листов на священство обороты, выражающие юридическую сущность акта, формулируются как «церковь дали», «мает церковь держати», «мает попом быти». Ставленные листы на игуменство содержат в диспозиции обороты «манастырь дали», «мает монастырь держати»; листы на владычество – «владыцтво дали», «мает владыкою быти», «мает владыцтво держати».

При подтверждении королевой Боней пожалований «хлебами духовными», которые были осуществлены ее урядниками или предшественниками,

соответствующие грамоты следует называть подтвердительными ставленными листами. Они содержат отсылку к более ранним ставленным листам, выданным тому же адресату, и так же являются самостоятельной разновидностью. Таким образом, акт, подтверждающий права священнослужителя на конкретный объект «подавания» – например подтвердительный лист на поповство в определенной церкви, – образует уже подразновидность. В их диспозиции употребляются обороты «потвержаемь», «дали» и т. д.

Вероятно, среди актов Великокняжества Литовского следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного патроната. Ни один из известных ставленных листов королевы Боны и ее урядников не содержит отсылок к благословенным и рукоположенным грамотам (хиротониям) церковных иерархов. Сам документ предписывал ставленникам исполнение культовых обязанностей в соответствии с канонами – «водлуг закону греческого». При этом факт получения иерейского или архиерейского места, вероятно, приравнивался к занятию административной должности, связанной с исполнением определенного набора обязанностей: священники проводили церковные службы в соответствии с «урядом и повинностью своею».

При сочетании видовой классификации с классификацией по признакам происхождения схема систематизации актов выглядит довольно громоздко. Однако подобное сочетание позволяет в большей степени конкретизировать социальные и правовые функции акта той или иной разновидности. Например, подтвердительный ставленный лист королевы Боны Федору и Василию Рябцам «на половицу» церкви Рождества в г. Кобрин, на условии опеки старого попа Бориса Еремеевича (1550 г.)¹⁵ следующим образом вписывается в схему систематизации актов источников:

надвид: акты;
вид: договорно-законодательный;
разряд: публичный акт;
подразряд: публичный светский акт;
подвид: ставленный лист;
разновидность: подтвердительный ставленный лист;
подразновидность: подтвердительный ставленный лист на священство;
надподразновидность: подтвердительный ставленный лист на священство при условии опеки.

В отношении передачи права опеки над тем или иным объектом «подавания», вероятно, следует отличать ставленные грамоты от данных и дозволенных. Наличие между ними различий объясняется особенностями функционирования института церковного патроната в Литовском государстве и находит от-

¹⁴ Появление русских благословенных и ставленных грамот среди документов церковных властей С.М. Каштанов относит к XV в. [8, с. 151].

¹⁵ РГАДА. Ф. 389. Кн. 33. Л. 46–47 об.

ражение в оборотах диспозитивной части некоторых документов.

Ставленными листами, как уже было сказано, за получателем закреплялся весь объем прав, связанных с проведением священнослужительской деятельности и распоряжением церковным имуществом. Ставленники утверждались пожизненно («до живота»). Передача права опеки над патронируемым церковным учреждением другому лицу, очевидно, не означала перехода патроната как такового и носила временный характер. По своей форме опекунов скорее приближалось к праву попечительства или покровительства (*jus patronatus*). В изучаемое время опекунами большей частью являлись светские лица, поэтому назначение великокняжеской или частновладельческой властью опекуна для церковного учреждения, возможно, следует рассматривать как его передачу в кормление. Прерогативами опекуна было управление экономической и хозяйственной деятельностью опекаемого объекта, право взимания податей, поступавших в его пользу, право выбора и поставления священнослужителя (либо рекомендации кандидата своему господарю). Объем этих прерогатив, передававшихся патроном опекуну, и срок их использования разнился в зависимости от характера каждого конкретного пожалования опекунов или дозволения пользоваться теми или иными привилегиями в отношении церковных учреждений.

В случае, когда в грамоте патрона (господаря) специально не оговаривается право опекуна на пользование материальными ресурсами церковного учреждения, и правовое содержание этого документа сводится только к разрешению на осуществление каких-либо действий в отношении внутрицерковного устройства, такую грамоту предлагается называть дозволенной. В отличие от нее данная грамота предусматривает полную передачу прав по церковному управлению опекуну (но не передачу права светского патроната)¹⁶. Грамота, содержащая временное разрешение на управление церковным имуществом (или его частью) и участие во внутрицерковной жизни, может именоваться данной дозволенной.

Под «дозволенным листом» литовский Статут 1529 г. подразумевает документ, которым великий князь или его урядники разрешали осуществление частнопроводных сделок купли-продажи, мены или дарения¹⁷. С формальной стороны дозволенный лист должен был предварять заключение любой сделки, однако на самом деле многие совершенные правовые действия приобретали законную силу уже через подтвержденные великокняжеские листы [12, с. 586].

Представляется целесообразным рассматривать дозволенные грамоты как самостоятельную разновидность актов договорно-законодательного вида,

а не приравнять их к подтверждающим листам, как это предлагает О.И. Хоруженко [4, с. 362–363]. Эти грамоты являлись буквальным разрешением центральной власти на осуществление какого-либо действия (или действий), но не утверждением уже произошедшей сделки или события.

Автор надеется, что предложенные им определения – ставленный и дозволенный лист – могут быть учтены в разработке практической дипломатики кириллических документов Литовской метрики и получат дальнейшее развитие. Очевидно, что для выяснения особенностей функционирования и эволюции церковного патроната как одного из социальных институтов Великого княжества Литовского в период, предшествовавший Брестской унии 1596 г., необходимо выявление максимального количества разновидностей документов, устанавливавших правоотношения между представителями светской власти и православным духовенством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич. Вильнюс, 1985. 133 с.
2. Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47–74.
3. Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. 210 с.
4. Хоруженко О.И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 347–363.
5. Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. 73 с.
6. Боряк Г.В., Абросимова С.В. Разновидности актов документов Литовской метрики // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988. С. 85–89.
7. Менжинский В.С. Феодалное землевладение в Белоруссии во второй четверти XVI в.: автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1988. 32 с.
8. Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. 231 с.
9. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2002. Т. VI: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. 267 с.
10. Черкасова М.С. Корпус актов источников по севернорусским епархиям XVI–XVII вв. // Проблемы дипломатики, кодологии и актовой археологии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М., 2012. С. 113–127.
11. Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII веков из фондов отдела письменных источников Государственного исторического музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1995. Вып. VIII. С. 49–57.
12. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского Статута. М., 1892. 998 с.

REFERENCES

1. Methodical Recommendations for the Publication and Description of the Lithuanian Metrica. Compiled by S.M. Kashtanov, A.L. Khoroshkevich. Vilnius, 1985, 133 p. (In Russ.)

¹⁶ «З воли и порученья в опеце и обороне маючи» // РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 28–29.

¹⁷ Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudziej rozprawy sejmowe o tychze prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznan, 1841. S. 155–156.

2. *Khoroshkevich A.L.* Zhalovannaya Gramotas in the Lithuanian Metrica of the Late XV Century and Their Classification. *Istochnikovedcheskiye Problemy Istorii Narodov Pribaltiki*. Riga, 1970, pp. 47–74 (In Russ.)
3. *Yasinskiy M.N.* Charter Zemsкая Gramotas of the Lithuanian-Russian State. Kiev, 1889, 210 p. (In Russ.)
4. *Khoruzhenko O.I.* Modern Principles of Publication of the Lithuanian Metrica's Acts. *Arkheographicheskiy Ezhegodnik*, 2011. Moscow, 2014, pp. 347–363 (In Russ.)
5. *Kovalskiy N.P.* Sources of the History of Ukraine of the XVI–XVII Centuries in the Lithuanian Metrica and Prikaz Funds of the Central State Archives of Ancient Acts. Dnepropetrovsk, 1979, 73 p. (In Russ.)
6. *Boryak G.V., Abrosimova S.V.* Sorts of Act Documents of the Lithuanian Metrica. *Problemy Primeneniya Kolichestvennykh Metodov Analiza i Klassifikatsii Istochnikov po Otechestvennoy Istorii*. Dnepropetrovsk, 1988, pp. 85–89 (In Russ.)
7. *Menzhinskiy V.S.* Feudal Tenure in Byelorussia in the Second Quarter of the XVI Century: Extended Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 1988, 32 p. (In Russ.)
8. *Kashtanov S.M.* Russian Diplomats. Moscow, 1988, 231 p. (In Russ.)
9. Monuments of the History of Eastern Europe. Sources of the XV–XVII Centuries. Moscow; Warsaw, 2002, T. VI: Radziwill Family's Acts from the Collection of the Russian National Library: the First Half of the XVI Century, 267 p. (In Russ.)
10. *Cherkasova M.S.* Body of Act Sources for the North Russian Dioceses of the XVI – XVII Centuries. *Problemy Diplomatiki, Kodikologii i Aktovoy Arkheografii: Materialy XXIV mezhdunar. nauch. konf. Moscow, February 2–3, 2012*. Moscow, 2012, pp. 113–127 (In Russ.)
11. *Poloznev D.F.* Blagoslovennaya and Stavliennaya Gramotas of the Rostov and Vologda Dioceses of the XVI-XVII Centuries from the Fords of the Written Sources Department of the State Historical Museum. *Soobshcheniya Rostovskogo Muzeya*. Rostov, 1995, v. VIII, pp. 49–57 (In Russ.)
12. *Lyubavskiy M.K.* Regional Division and Local Government of the Lithuanian-Russian State by the Time of Publication of the First Lithuanian Statute. Moscow, 1892, 998 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150403
УДК 94(47).07(093)

Т.А. САБУРОВА

**«СТРЕЛКА МОЕЙ ЖИЗНИ ПОВЕРНУЛАСЬ НА СТО ЛЕТ НАЗАД...»:
БИОГРАФИЧЕСКОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ
В «ЖИЗНИ ПУШКИНА» А.В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС**

Татьяна Анатольевна Сабурова,
д-р ист. наук, профессор,
Омский государственный педагогический университет
РФ, Омск, 644099, наб. Тухачевского, 14,
e-mail: sabourova@omgpu.ru

В статье рассматривается значение личности биографа и роль автобиографического начала в биографических произведениях на примере анализа «Жизни Пушкина» А.В. Тырковой-Вильямс. Устанавливаются причины и условия создания А.В. Тырковой-Вильямс биографии А.С. Пушкина, отражение в биографическом тексте собственного жизненного опыта Тырковой-Вильямс, истории России XIX в. и революционных событий начала XX в., а также исканий русской интеллигенции и создание «пушкинского мифа». В статье раскрывается, как различные виды идентичностей (сословная, гендерная, профессиональная, национальная) отражаются в биографическом тексте о Пушкине. Показывается значение обращения к творчеству и биографии Пушкина для русской эмиграции 1920-х – 1930-х гг., (как средство сохранить национальную идентичность и культуру), а также борьба за Пушкина в контексте политических и идеологических споров русской интеллигенции.

Ключевые слова: историческая биография, автобиография, воспоминания, русская эмиграция, идентичность, «пушкинский миф».

T.A. SABUROVA

**“I AM LIVING IN THAT DISTANT PAST...”:
BIOGRAPHY AND AUTOBIOGRAPHY IN “ZHIZN’ PUSHKINA” (PUSHKIN’S LIFE)
BY ARIADNA TYRKOVA-WILLIAMS**

Tatiana A. Saburova,
Doctor, Professor,
Omsk State Pedagogical University,
14, nab. Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russia,
e-mail: sabourova@omgpu.ru

This article considers the problem of historical biography, its specifics as a genre and a research field; reveals the role of a biographer and his/her life experience in biographical writing. The article is focused on the biography of Alexander Pushkin (“Zhizn’ Pushkina”) written by Ariadna Tyrkova-Williams, her reasons to write Pushkin’s biography in 1920-1930s. The article shows how the historical events in revolutionary Russia and personal experience of Ariadna Tyrkova influenced her picture of Pushkin’s life. The aim of this article is to reveal the interconnection between the biographical text and autobiographical narrative, based on the analysis of “Zhizn’ Pushkina”, memoirs and correspondence of Ariadna Tyrkova. She wrote Pushkin’s biography in England, after her emigration from the Soviet Russia, contributing to the formation of “Pushkin’s myth” and part of the struggle for Pushkin between the Soviet scholars and Russian emigres.

Writing a biography (along with writing memoirs) is one of the means of identification and self-identification. The author argues that, first, the generational identity was prominent for Tyrkova and this kind of identity was reflected in the biography of Pushkin, creating links between the generation of Tyrkova and Pushkin. While portraying the circle of young friends of Pushkin, Tyrkova kept in mind her brother’s friends. Second, the description of the Russian nobility reflects the significance attached to the social identity by Tyrkova, while Mikhailovskoe reminded Tyrkova of her estate located not so far from the Pushkin’s place. “Zhizn’ Pushkina” reveals much about Tyrkova’s political views because she pointed out that Pushkin was closer to the “liberal conservatism” than “revolutionary liberalism”. There are several female portraits in this biography revealing Tyrkova’s feminist views and ideas about the role of women in society. Thus, we can learn much about Tyrkova’s values, political and religious constellations, her doubts and beliefs from her work about Pushkin. The lives of Tyrkova and Pushkin are brought together in the biographical context, connecting different times and spaces.

Key words: historical biography, autobiography, memoirs, identity, Russian emigration, the myth of Pushkin.

В биографических произведениях совершенно естественно центральное место занимает человек, чья жизнь стала предметом изучения и описания. Но историческая биография не тождественна жизнеописанию как таковому, так как вбирает в себя истории других людей, оказавшихся связанными с судьбой главного персонажа, культуру исторической эпохи, события и явления, ставшие частью «жизненного проекта» главного героя. Современная историческая биография, тесно связанная с микроисторией, раскрывает через жизнеописание отдельного человека историю общества и его институтов, исторические события и явления. После «биографического поворота» 1990-х гг. «изучение жизни отдельного человека можно сравнить с изучением истории города, региона или государства как способ понять более широкие культурные и социальные явления» [1, с. 582]. Таким образом, историческая биография оказывается на пересечении различных областей гуманитарного знания, а исследователь – перед необходимостью решения проблемы исторического синтеза, в поиске между микро- и макроисторией, индивидуальным и коллективным, культурным и социальным [2; 3].

Но от автора исторической биографии зависит не только выбор методологического инструментария и стратегии исследования (не говоря уже о предмете изучения, выборе главного героя). Уже стало общепризнанным, что авторский исследовательский интерес является одним из определяющих факторов при выборе темы. Так или иначе историк, обращающийся к далеким или близким временам, событиям, людям, неизбежно обращается к себе, а научное исследование становится частью процесса самоидентификации. Как заметил А.И. Рейтблат, «биограф, реконструируя жизнь своего персонажа, создавая ему биографию, идентифицируется с ним, “собирает” тем самым себя, проясняет и иерархизирует свои жизненные цели и ценности, придает своей жизни смысл» [4, с. 189].

Даже тогда, когда на первый взгляд нет прямой связи между жизненным опытом исследователя и его объектом, оказывается, что выбор «героев» далеко не случаен. Кэйт Браун в статье для «круглого стола», посвященного биографии, в ведущем американском историческом журнале, объясняла свой интерес к истории правобережной Украины – региона полиэтничного и поликонфессионального, находя связь с событиями собственной жизни (несмотря на отсутствие, как она замечает, славянских, немецких или еврейских корней) и историей ее родного города в Иллинойсе [5, с. 599–603].

Как правило, личность исследователя, биографа прячется за историей описываемой жизни, остается за страницами биографии. Такая «внезаходимость» автора во многом ожидаема читательской аудиторией – ее интересует человек, о котором пишется биография, а не тот, который ее пишет. В то же время биографическое письмо, несомненно, содержит черты автобиогра-

фические, а жизнь персонажа биографии оказывается тесно связанной с жизнью ее автора, несмотря на дистанцию во времени или пространстве.

В центре статьи – проблема соотношения биографического и автобиографического, рассматриваемая на примере «Жизни Пушкина» А.В. Тырковой-Вильямс. Какие «нити» соединяют Пушкина и Тыркову, каким образом автобиографическое оказывается связанным с биографическим?

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) работала над биографией Пушкина более десяти лет, погружаясь в пушкинскую эпоху и проживая вместе с Пушкиным все этапы его жизненного пути. Первые упоминания Тырковой о замысле создания биографии Пушкина относятся к декабрю 1917 г. – январю 1918 г. Тогда, когда политическая ситуация в России – приход к власти большевиков, разгон Учредительного собрания, вызывала у нее, члена ЦК партии кадетов, либеральной журналистки, все большие опасения и тревогу за будущее страны, она начинает думать о Пушкине, читая его рукописи в Румянцевском музее [6, с. 146].

Биография Пушкина писалась Тырковой в эмиграции – в Англии [7], и произведения Пушкина и о Пушкине, необходимые ей для работы, она читала в Британском музее и Лондонской библиотеке. Неоднократно исследователи русской эмиграции отмечали, что обращение к русской культуре и стремление сохранить ее стало неотъемлемой чертой жизни русской эмиграции, способом выживания в чужой стране, попыткой «унести родину с собой». Трудности настоящего, отсутствие перспектив будущего делали особенно значимым обращение к прошлому, которое становилось основой сохранения национальной и культурной идентичности русского зарубежья. Но обращение Тырковой к Пушкину было не только проявлением ностальгии по утраченному (показательно название ее воспоминаний – «То, чего больше не будет»), но и попыткой соединить прошлое и настоящее, способом не только сохранить, передать русское культурное наследие, но и осмыслить настоящее в контексте творчества Пушкина и в целом системы координат русской культуры и интеллигенции.

Кульٹ Пушкина, формирование «пушкинского мифа» в имперской, а затем и советской России [8, 9, 10] делают понятным стремление Тырковой написать его биографию, но кроме общих причин обращения к Пушкину, для нее существовали и личные причины, постепенно раскрывающиеся в созданном произведении. А. Смит отмечает, что Тыркова «в отличие от многих своих современников (в том числе Тынянова и Цветаевой), писавших о Пушкине, не пыталась подойти к поэту с точки зрения существовавшего в начале XX в. так называемого “пушкинского мифа”. Конечно, интерес Тырковой к Пушкину мог быть объяснен связью с культурным сознанием авторов Серебряного века, которое формировалось под влиянием идей символизма о житнетворчестве. Как ни странно, Тыркова не пыталась выискивать аналогии между сво-

им творчеством и творчеством Пушкина»¹. А. Смит считала, что работа Тырковой как биографа Пушкина уникальна, сравнивая ее с биографиями, созданными Анненковым, Лернером, Вересаевым и Щеголевым, а также сопоставляя с романом Ю. Тынянова «Пушкин». В своей статье Смит дает анализ биографии Пушкина, написанной Тырковой, но ее исследование сфокусировано на проблеме литературной эволюции и канона, хотя Смит подчеркивает тесную мировоззренческую связь Пушкина и Тырковой, раскрывая политический и культурологический контекст написания «Жизни Пушкина».

Д.Н. Черниговский считает эволюцию политического мировоззрения Пушкина сюжетобразующей канвой для книги Тырковой, отражением ее собственных политических взглядов, хотя полагает, что концепцию политической биографии Пушкина Тыркова позаимствовала у Анненкова [11]. Назвав Пушкина (вслед за Вяземским) либеральным консерватором, Тыркова, по мнению исследователей, акцентировала консервативную и великодержавную сторону его политического мировоззрения, что было ближе ее собственным убеждениям и отражало борьбу за Пушкина между представителями советского литературоведения и русской эмиграции [12]. Но вопрос о политических взглядах Тырковой-Вильямс, ее либерализме и консерватизме выходит за рамки настоящей статьи и заслуживает отдельного исследования.

В написанной Тырковой биографии Пушкина их жизни оказываются незаметно соединенными, создавая впечатление особого «родства». При этом Тыркова неоднократно подчеркивает, что она никогда не писала стихи, несмотря на всю свою любовь к поэзии. Ее биография Пушкина – «мой Пушкин», отличающаяся от биографических очерков В. Брюсова и автобиографического текста М. Цветаевой [13, 14]. Современники после выхода первого тома «Жизни Пушкина» в 1929 г. в рецензиях отмечали как одно из достоинств книги скромность и умение Тырковой «отодвинуть себя», избежать «соблазна обращенности на себя»².

Тыркова в своих воспоминаниях неоднократно упоминает об увлечении творчеством Пушкина, характерном для гимназисток, для ее поколения в целом, знании на память его произведений, считая любовь к поэзии вообще чертой русского национального характера. Но в ее отношении к Пушкину появляется личная черта, особый характер ее рассказу придает упоминание о родственнике-лицейсте, учившемся вместе с Пушкиным. Об Александре Тыркове, на квартире которого праздновалась лицейская годовщина, сообщал ей в письме от 12 октября 1956 г. Алексей Ремизов, ссылаясь на дневник Кюхельбекера [15, с. 272]. Таким образом, Ремизов как будто подтверждает вос-

поминания Тырковой, которая ссылается на рассказ крепостного в имении родителей – Федора Некрасова, служившего у Александра Тыркова, считавшегося в семье душевнобольным. Она сожалеет, что не догадалась спросить его и узнать больше, объясняя это своим детским возрастом и непониманием. «Может быть, Федор Некрасов наливал Пушкину вино кометы? Может быть, он даже помнил проказливого, шумного, смешливого барина? ... Я уже знала наизусть целые страницы Пушкина, но мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь буду себя корить, что не поговорила с отставным камердинером о славных лицейских друзьях моего внучатого дяди» [16, с. 48]. Эпизод со старым слугой, относящийся к описанию детства Тырковой, создает ощущение даже более непосредственной, живой, персональной связи, чем ссылка на письмо или дневник.

«Нити родства» с Пушкиным проявляются также в описании брата Тырковой – Сергея. В нем она видит воплощение того же духа, удали, наслаждения жизнью, которое было присуще поколению Пушкина, друзьям. Описывая в своих воспоминаниях брата, его друзей, она видит в них лицейских друзей Пушкина, соединяя молодые поколения отношением к жизни, а биографическое с автобиографическим. «Много лет после его смерти, когда я изучала Пушкина и его друзей, мне легче было их понять, потому что в их поколении кипела та же широкая русская удаль, которая составляла главную прелесть моего Сережи» [16, с. 148].

Рассказывая о брате, Тыркова отмечает его жизнерадостность, готовность к проказам, затеям, приключениям, и таким же ей представляется поколение Пушкина, которое «умело веселиться, даже баловаться. Они шли навстречу жизни, брали все, что она давала». И здесь же Тыркова добавляет комментарий, связанный с революционными событиями в России, противопоставляя пушкинское поколение русской интеллигенции поколению нигилистов, толстовцев и затем большевиков. Вместо умения веселиться, наслаждаться жизнью появляются уродливость нигилизма и свирепость большевиков [17, с. 153].

Образы, созданные Тырковой в ее воспоминаниях, пересекаются с образами, созданными в биографии Пушкина. Таким, например, является образ няни. Хрестоматийно известная любому школьнику Арина Родионовна, как неотъемлемый компонент «пушкинского мифа», в биографическом тексте Тырковой о Пушкине воплощает и подлинно народное, национальное начало, и семейный уют, тепло, и усадебный быт русского дворянства, и интерес к историческому прошлому. Но Тыркова не стремится создать идеальный образ и цитирует письма Арины Родионовны к Пушкину, обращая внимание не только на ее трогательную заботу о нем, но и на грамматические ошибки, подчеркивая, что чувство русского языка, блестящее владение им пришло к Пушкину не от няни, хотя он, несомненно, наслаждался богатством устной речи, рассказами няни, а также читал ей свои произведения. Няня в семье Тырковых вырастила не одно поколение

¹ Смит А. Формирование литературного канона в книге Ариадны Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/385293.html> (дата обращения: 01.03.2015).

² Раевский Г. Жизнь Пушкина // Возрождение. 1929 г. 18 апр. № 1416. С. 3.

детей, и описание ее в воспоминаниях Тырковой сразу вызывает в памяти образ Арины Родионовны. «Сколько таких преданных, любящих, мудрых русских нянюшек...» [16, с. 36]

Описание русского дворянства занимает важное место как в биографии Пушкина, так и в автобиографическом тексте Тырковой. Социальная идентичность, тесно связанная с идентичностью культурной, осознание принадлежности к одному сословию, сыгравшему особую роль в истории России, – еще одна «нить», соединяющая Пушкина и Тыркову. Размышлениям последней о русском дворянстве в условиях эмиграции присущ ностальгический оттенок, соединясь с мыслями о той России, которой «больше не будет». При этом акцент на дворянской идентичности появляется у Тырковой только в воспоминаниях, дворянство становится одной из «фигур памяти», воплощая представления о службе предков великой державе, государственности и культуре. Тыркова признается, что в конце XIX – начале XX вв., в эпоху реформ и революций, до крушения Российской империи, дворянская идентичность не была для нее значимой, заслоненная актуальностью гендерной, профессиональной, политической идентификации. Характеризуя состав партии кадетов, Тыркова замечала, что, несмотря на то, что многие из ее членов были дворянами, но никому «не могло прийти в голову выставлять свое дворянство на вид. Это просто было бы смешно ... Но и среди просвещенных дворян были такие, которые гордились заслугами своего сословия. Они так же, как Пушкин, помнили, какое место занимали их предки в развитии Российской державы» [16, с. 384–5] «Родовое» дворянское гнездо также становится символом утраченной дворянской культуры, утраченной России, а описания Михайловского в биографии Пушкина пересекаются с описаниями Вергежи – усадьбы Тырковой. Она писала, что, читая письма Пушкина из Михайловского, вспоминала Вергежу.

Участие Тырковой в женском движении в России также нашло, хотя и не прямое, отражение в биографии Пушкина. Портреты Голицыной, Воронцовой, Вяземской, Раевской, Волконской, созданные Тырковой, показывают образованных, тонко чувствующих женщин, сыгравших особую роль в развитии русской культуры, общественной жизни и, конечно, в жизни Пушкина. Наиболее полно «женский вопрос» раскрывается в другой биографической работе Тырковой, посвященной А.П. Философовой [18]. Причем имя Философовой появляется в биографии Пушкина, соединяя еще одной «нитью» биографическое и автобиографическое, так как Тыркова рассказывает о своей случайной находке в имении Философовых – Богдановском, расположенном недалеко от Михайловского: она обнаружила автограф Пушкина на картонном столике, когда гостила у А.П. Философовой, и с волнением рассматривала «пушкинский столик», за которым поэт играл в карты [17, с. 47–48].

Особого внимания заслуживает вопрос о работе Тырковой над биографией Пушкина, ее восприятии

процесса биографического письма, значении написания биографии Пушкина для нее самой. Как уже отмечалось, работа над биографией Пушкина шла с перерывами в течение более десяти лет. Между первым и вторым томом «Жизни Пушкина» Тырковой была написана биография ее мужа – британского журналиста Гарольда Вильямса. В 1943 г. в дневниковой записи Тыркова, перечисляя, как много ей было дано в жизни, называет и любимую работу – «В течение многих лет я прожила между Вили и Пушкиным» [19, с. 301]. «Главное написать две книги, т. е. второй том Пушкина и книгу о Гарольд Васильевиче. ... Между ним (Гар. Вас.) и Пушкиным жизнь была полна до краев», – писала Тыркова своему сыну Аркадию Борману [6, с. 240–41]. «Посвящаю моему мужу» – надпись на первой странице «Жизни Пушкина».

Тыркова писала о десяти годах работы над биографией как о счастливейших днях, проведенных «в обществе Пушкина» [6, с. 9]. Фраза об «обществе Пушкина» не случайна, Тыркова неоднократно в письмах сообщает, что живет «в том времени», полностью погружаясь в атмосферу жизни, культуры, события первой трети XIX в., мысленно перемещаясь из своего времени, из века XX, в другую эпоху – ту, которой, «больше не будет». Причем это было не только мысленное перемещение во времени, но и в пространстве, так как писалась биография Пушкина в Лондоне. Но это, как признавалась Тыркова в предисловии ко 2-му тому, «не мешало мне во время работы мысленно жить в тогдашней, Пушкинской, России» [17, с. 5].

Отметим важность восстановления хронологии работы Тырковой над биографией Пушкина. А. Смит пишет: «немаловажным мне представляется тот факт, что книга писалась в эмиграции с 1923 по 1939 год»³. Но требуется уточнить, что после чтения рукописей Пушкина в Румянцевском музее в декабре 1917 г. Тыркова задумала написать биографию Пушкина еще в январе 1918 г.: 5 января, в день Учредительного собрания, она записала в дневнике: «Меня тошнит от политики. ... Хочу думать только о Пушкине» [19, с. 212], а в 1922 г. начала работать над его биографией, несмотря на занятость в Комитете освобождения России, на журналистскую деятельность, переписку с центрами русской эмиграции и общение с самыми разными людьми [6, с. 205].

1923–1928 гг. стали временем постоянной работы Тырковой над первым томом «Жизни Пушкина». 15 марта 1923 г. она писала сыну Аркадию: «Начала ходить в Британский музей и наслаждаюсь подлинными книгами. Дома читаю венгерское издание (Пушкина) и ругаюсь. В общем увлекательно до бесконечности читать о Пушкине»⁴. В следующем письме от 19 марта 1923 г. она опять сообщает о посещении

³ Смит А. Формирование литературного канона в книге Арины Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина».

⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Columbia University Library, Tyrkova-Williams Papers Collection. Box 10.

Британского музея и жалеет, что не начала работу над биографией Пушкина раньше, когда ей было 30 лет, чтобы успеть ее закончить к 35–40 годам⁵.

Тыркова внимательно изучала исследования, посвященные Пушкину, особенно П.В. Анненкова, П.И. Бартенева, Б. Модзалевского, читала материалы Остафьевского архива Вяземских, архива Раевских, братьев Тургеневых, воспоминания современников о Пушкине. Библиографический список к «Жизни Пушкина» содержит более 200 наименований использованных источников и публикаций. 31 марта 1923 г. Тыркова писала сыну: «Мой стол завален выписками. Пушкин, Пушкин и Пушкин». 19 октября 1923 г., почти через полгода работы над биографией, она сообщает в письме: «Я уже перебираю сегодня свои заметки о Пушкине. Хотя это все еще выписки, ни одной строчки рукописи еще нет. Но я наслаждаюсь, точно попала в родные поля. Вы не можете себе представить какое душевное равновесие и наслаждение дает мне эта работа. Нередко мне бывает стыдно, что я тону в умственном эпикурействе в то время как кругом... ну и так далее. Но я утешаюсь мыслью, что Пушкин, память о нем, близость с ним, это одна из основ нашего национального бытия. А вдруг удастся написать о нем настоящую книгу?!»⁶.

Спустя месяц, 18 ноября 1923 г., она все еще разбирает свои выписки, раскладывая их в хронологическом порядке, отбирая нужный для книги материал. 18 ноября 1926 г.: «Я в музей хожу с упоением, похожим на запой. Это ненадолго. У меня, как у пьяного дьячка, все уже прочитано, только не написано, а написать, до смерти, хочется» [6, с. 229]. И 27 января 1927 г.: «Пишу тебе на кипе своих бумажек. Иногда прихожу в отчаяние. Взвалила на себя самые тяжелые тяжести. А справлюсь ли? Одно дело читать, выбирать, даже думать. Совсем другое дело из всего этого построить книгу, ясную и которую захочется прочитать. Ну, делать нечего, побреду дальше» [6, с. 229]. Не случайно в предисловии к первому тому Тыркова признается, что ей было очень трудно и очень радостно работать над книгой. Свою работу она сравнивает с экспедицией на Эверест: «Только на вершинах, по которым я брожу, не холодная каменная пустыня, а неисчерпаемое разнообразие творчества. Эпоха удивительная и среди нее сияющая и пленительная фигура Пушкина»⁷.

Работая над биографией поэта, Тыркова не прекращает общественную и журналистскую деятельность, все время возвращаясь к Пушкину, живя сразу в двух эпохах и странах. В письме сыну от 10 мая 1926 г.: «Надо притянуть свои мозги к Пушкину, хотя через час опять уходить на заседание Красного Креста...» [6, с. 228]. 9 ноября 1926 г.: «Я наконец вчера, только вчера вернулась к Пушкину. ... А сегодня Китай занял все мое внимание и время». 14 февраля 1927 г.:

«Я отбилась эти дни от Пушкина. Надо опять браться за свои листки» [6, с. 229].

Окончание работы над первым томом совпало с внезапной смертью мужа, и к Пушкину Тыркова вернулась только в 1936 г. И опять Тыркова погружается в ту эпоху, проживая ее вместе с Пушкиным. «Сейчас стрелка моей жизни повернулась на сто лет назад. Я в гостях то у Зинаиды Волконской, то у Вяземских, то у Олениных» (27 января 1937 г.) [6, с. 270]. Ощущение жизни в другом времени ярко передает и письмо от 29 марта 1937 г.: «*Вчера* (курсив мой. – Т.С.) опустили тело Александра Сергеевича в могилу, около которой стояло несколько крепостных, Александр Тургенев и жандарм». [6, с. 272].

Таким образом, биография Пушкина стала частью жизни Тырковой, одной из ее главных книг, так как она видела в русской культуре условие сохранения России, несмотря на революции и войны. Она даже вывела своеобразную формулу – «Пушкин спасет Россию» (Письмо Аркадию Борману, 18 января 1936 г.)⁸ или – «Россия спасется Пушкиным» (письмо Е.Д. Кусковой, 5 июня 1936 г.) [19, с. 392]. В то же время в биографии Пушкина отразилась ее собственная жизнь, идейные и нравственные поиски, осмысление происходивших исторических событий, когда «добро и зло – все стало тенью...». Погружаясь в пушкинскую эпоху, открывая для себя (и своих читателей) историю России начала XIX в. Тыркова не искала в прошлом спасения от настоящего, а соединяла разорванную ткань времен «нитями родства». Биографию Пушкина, написанную Тырковой-Вильямс, можно рассматривать как вклад в «пушкинский миф», созданный еще в начале XX в. и получивший развитие в 1920–1930-е гг. В ней Пушкин представлен символом русской культуры, воплощающим в своей жизни и творчестве все, что было в России до революции 1917 г., отражая стремление эмиграции сохранить национальную культуру и острое чувство ностальгии по утраченному. В то же время книга Тырковой и разрушает «пушкинский миф» благодаря не только точным зарисовкам окружающей поэта реальности, но и соединению биографии Пушкина с ее собственной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lois W. Banner Biography as History // The American Historical Review, 2009. Vol. 114, no. 3 (Jun.). p. 579–586.
2. История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. 715 с.
3. Историческая биография: современные подходы и методы исследования: сборник обзоров и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2011. 173 с.
4. *Рейтблат А.И.* Нравственные мотивации биографа // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. 415 с.
5. Kate Brown Place in Biography for Oneself // The American Historical Review. 2009. Vol. 114, no. 3 (Jun.). p. 599–603

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Columbia University Library. Tyrkova-Williams Papers Collection. Box 10.

6. *Borman A. A.V.* Tyrkova-Williams по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. 333 с.

7. *Kaznina O.A.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. 413 с.

8. *Gasparov B., Hughes R., Paperno I.* Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley: University of California Press, 1992. 494 p.

9. *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, California: Stanford University Press, 2004. 416 p.

10. *Horowitz B.* The Myth of A.S. Pushkin In Russia's Silver Age: M.O. Gershenzon, Pushkinist. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1996. 129 p.

11. *Черниговский Д.Н.* А.В. Тыркова-Вильямс об общественно-политических взглядах Пушкина // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2008. Т.2. № 3. С. 170–173.

12. *Карпович М.М.* Ариадна Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина // Новый журнал. 1950. Кн. 23. С. 302–303.

13. *Брюсов В.Я.* Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М., 1929. 318 с.

14. *Цветаева М.И.* Мой Пушкин. СПб., 2006. 219 с.

15. Irene Zohrab Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews // *New Zealand Slavonic J, Festschrift in honour of Patrick Waddington*, 1994. Pp. 259–288.

16. *Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово/Slovo, 1998. 560 с.

17. *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: в 2 т. М.: Молодая гвардия, 2010. Т. 2. 514 с.

18. *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915. 488 с.

19. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. 1110 с.

REFERENCES

1. *Lois W.* Banner Biography as History. *The American Historical Review*, 2009, vol. 114, no. 3. Jun., pp. 579–586.

2. History through a person: historical biography today / ed. L.P. Repina. Moscow, 2005, 715 p. (In Russ.)

3. Historical biography: contemporary approaches and research methods. Moscow, 2011, 173 p. (In Russ.)

4. *Reitblat A.I.* The moral motivations of a biographer. *Reitblat A.I. Writing across. Biography, sociology and history of literature*. Moscow, 2014, 415 p. (in Russian)

5. Kate Brown Place in Biography for Oneself. *The American Historical Review*, 2009, vol. 114, no. 3, Jun., pp. 599–603.

6. *Borman A.V.* Tyrkova-Williams in her letters and memoirs of her son. Luwan: Washington, 1964, 333 p. (In Russ.)

7. *Kaznina O.A.* The Russians in England. Russian émigré in the context of the Russian-English literary connections in the first half of the 19th century. Moscow, 1997, 413 p. (In Russ.)

8. *Gasparov B., Hughes R.P., Paperno I.* Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley: University of California Press, 1992, 494 p.

9. *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2004, 416 p.

10. *Horowitz B.* The Myth of A.S. Pushkin In Russia's Silver Age: M.O. Gershenzon, Pushkinist. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1996, 129 p.

11. *Chernigovskii D.N.* A.V. Tyrkova-Williams about social and political views of Pushkin. *Vestnik Vyatskogo humanitarnogo universiteta*. 2008, vol. 2, no 3, pp. 170–173, (In Russ.)

12. *Karpovich M.M.* Ariadna Tyrkova-Williams. Life of Pushkin. *Novyi zhurnal*. 1950, vol. 23, pp. 302–303. (In Russ.)

13. *Bruysov V.* My Pushkin: articles, researches, observations. Moscow, 1929, 318 p. (In Russ.)

14. *Tsvetaeva M.* My Pushkin. St. Petersburg, 2006. 219 p. (In Russ.)

15. Irene Zohrab Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews. *New Zealand Slavonic Journal, Festschrift in honour of Patrick Waddington*, 1994, pp. 259–288.

16. *Tyrkova-Williams A.V.* The memoirs. That will never be again. Moscow, 1998, 560 p. (In Russ.)

17. *Tyrkova-Williams A.V.* Life of Pushkin: 2 vols, Moscow, 2010, vol. 2. 514 p. (In Russ.)

18. *Tyrkova A.V.* Anna Pavlovna Filosofova and her time. Petrograd, 1915, 488 p. (In Russ.)

19. The heritage of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters. Moscow, 2012, 1110 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150404
УДК 028(09)(571.1/.5)

Ю.В. ТИМОФЕЕВА

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Юлия Викторовна Тимофеева,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Актуальность изучения чтения обусловлена огромным влиянием, которое оно оказывает на интеллектуальное и духовно-нравственное формирование личности и соответственно на уровень развития всех сфер жизни общества.

Целью данной статьи является характеристика чтения жителей Зауралья в постсоветский период, выявление его основных черт и направлений.

Вводимые в научный оборот, систематизированные и обобщенные в настоящей статье данные отчетов государственных и муниципальных библиотек Сибири и Дальнего Востока за 1992–2012 гг. отражают постепенную трансформацию досугового чтения в деловое. При этом одной из наиболее активных читательских групп были учащиеся разного типа учебных заведений. Этим объясняется большой спрос на учебную литературу. В статье проанализирован репертуар досугового чтения и прослежен высокий интерес к периодике всех возрастных групп читателей. Выявленные данные позволяют уточнить и дополнить общероссийскую картину чтения.

Ключевые слова: чтение, читатель, периодика, деловое чтение, досуговое чтение, учебная литература, отраслевая литература, художественная литература, детектив, приключения, фантастика, любовный роман, библиотека, Сибирь, Дальний Восток.

YU.V. TIMOFEEVA

READING INTERESTS OF THE PEOPLE IN SIBERIA AND THE RUSSIAN FAR EAST DURING THE POST-SOVIET PERIOD

Yulia V. Timofeeva,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russia,
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

During the post-Soviet era reading has been a mosaic and constantly changing phenomenon which is difficult to study due to various factors: its subjectivity, versatility, dynamism, heterogeneous readership.

The primary sources of the study include reports from the state and municipal libraries of Siberia and the Far East (the Kemerovo, Magadan, Novosibirsk, Omsk, Irkutsk, Sakhalin regions, the Altai krai, the Kamchatka krai, the Krasnoyarsk krai, the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Buryatia) dated from 1992-2012.

The scrupulous analysis of the reports allowed undertaking the main task – i.e. revealing main features and vectors of development of reading culture among the population of Siberia and Far East during the post-Soviet period. Several observations have been made in this regard.

First, the most active group of readers included students of different educational institutions. Secondly, at the libraries there was high demand for educational literature on sociology, political and cultural science, philosophy, psychology, economics, history, law. Thirdly, leisure reading steadily transformed into business reading, connected with solution of practical tasks, including educational and professional. Fourthly, the most popular genres of leisure reading among the readers of all ages were detective stories, science fiction, adventure books, fantasy. Besides, women were attracted by romance novels. Fifthly, reading classical literature turned into a part of business reading, because it was not expected to fill spiritual needs; classical literature was read just to complete the relevant requirements of training programs. Sixthly, all age groups manifested high interest in periodicals.

Thus, in Siberia and the Far East reading persisted into the post-Soviet period remaining part of the people's lifestyle. However its contents and role were transformed in the context of the ongoing modernization and formation of information society.

Key words: reading, reader, periodical press, business reading, leisure reading, educational literature, branch literature, fiction literature, detective story, adventure fiction, science fiction, romance novel, library, Siberia, the Far East.

Чтение в современном мире представляет собой мозаичную, неоднородную картину, которая подвержена влиянию моды, политической конъюнктуры, рекламы, зависит от многочисленных условий и формируется под воздействием многих объективных и субъективных факторов, носящих как личный, так и общественный характер. Необходимость изучения чтения обусловлена огромной ролью, которую оно играет в жизни личности, общества и государства, их развитии, а также трансформации общества.

К настоящему времени издан ряд работ, посвященных чтению в нашей стране. Как правило, это либо исследования, характеризующие чтение россиян в целом, без выделения в особую читательскую группу жителей огромной восточной окраины страны¹, либо работы, представляющие чтение в отдельных административно-территориальных единицах Зауралья (см., например: [1]). Исключением из этого ряда можно считать монографию В.Н. Волковой, в которой ею дан анализ многочисленных трудов других исследователей и опросов с ее участием, но здесь скромно представлены отчеты библиотек, несомненно, являющиеся важным источником для изучения вопросов чтения [2].

Определенный вклад в исследование картины чтения призвана внести наша статья, в которой представлены выявленные основные черты и векторы развития читательской культуры жителей Зауралья в постсоветский период. Главным источником, используемым при ее написании, стали отчеты государственных и муниципальных библиотек Сибири и Дальнего Востока (Иркутской, Кемеровской, Магаданской, Новосибирской, Омской, Сахалинской областей, Алтайского, Камчатского, Красноярского краев, Республик Саха (Якутия) и Бурятия за 1992–2012 гг.

Репрезентативность источниковой базы работы определяется широтой хронологических и территориальных рамок использованных при ее написании библиотечных отчетов. Изучение отчетов библиотек большинства субъектов Российской Федерации, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, за двадцать лет, начиная с первого года после распада СССР, позволило проследить основные направления в изменении читательского поведения жителей Зауралья. Благодаря сравнительному анализу данных этих отчетов удалось выявить общие черты и тенденции в развитии библиотечного чтения жителей региона. Возможность проведения сравнительного анализа и достоверность полученных результатов обусловлены сходством составления этих отчетов, как правило, всегда включавших данные о количестве библиотек, пользователей, посещений, книговыдач, в том числе по видам изданий и отраслям. Во многих из них отражены данные о читательских требованиях по отраслям, видам изданий, а также показана востребованность произведений и жанров художественной литературы. В некоторых отчетах даны результаты

проводимых в библиотеках исследованиях о любимых жанрах, книгах и авторах, о мотивации чтения.

В рассматриваемый период большую группу пользователей библиотек составляли учащиеся, преимущественно относящиеся к таким возрастным группам, как дети и юношество. Так, в Немецком национальном районе Алтайского края дети составляли в 1999 г. 45 % от числа пользователей, в 2000 г. – 45,2 %². В Нерюнгринской городской библиотеке Республики Саха (Якутия) в 2011 г. детей и юношества среди пользователей было 53,5 %³. В Иркутской области число читателей-детей в 2011 г. составило 39,1 % от общего числа всех пользователей муниципальных библиотек⁴.

В изучаемый период были открыты многочисленные курсы и филиалы, училища и техникумы трансформировались в колледжи, средние школы – в лицеи и гимназии, во всех типах учебных заведений резко изменились учебные программы и содержание прежних учебных предметов; кроме того, были введены новые дисциплины, такие как политология, социология, экология, философия, психология и др. Широкое распространение получил региональный компонент, что значительно повысило обращаемость к краеведческой литературе.

Домашние библиотеки, сформированные преимущественно в советский период, не имели в своих фондах произведений тех авторов, которыми были дополнены в учебных заведениях программы по литературе в постсоветское время. Их книжные фонды не могли помочь и в подготовке к другим учебным предметам – общественно-политическим, социально-экономическим, гуманитарным, профессиональным, число которых значительно увеличилось, а содержание кардинально изменилось. Это определило востребованность учебной и специальной литературы у пользователей библиотек.

Значительную по численности группу взрослых посетителей районных централизованных библиотечных систем (далее – ЦБС) Алтайского края составляли студенты заочной формы обучения, у которых самой востребованной была учебная литература по разным предметам, в том числе по экономике, истории культуры, психологии, культурологии, политологии, праву. Так, в Благовещенской библиотеке учебную литературу запрашивали студенты высших учебных заведений – будущие юристы, экономисты, бухгалтеры⁵. У студентов-заочников, посещавших

² Подсчитано по: Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3352. Л. 21а.

³ Отчет Муниципального бюджетного учреждения «Нерюнгринская городская библиотека» за 2011 г. URL: <http://nergb.ru/kollegam/metodicheskij-material> (дата обращения: 23.09.2015).

⁴ Государственные и муниципальные библиотеки Иркутской области в 2011 г.: Ежегод. аналит. обзор / Иркут. обл. гос. универ. науч. б-ка; Иркут. обл. юнош. б-ка; Иркут. обл. дет. б-ка / сост. Л.В. Горбунова, Н.А. Чернигова, И.А. Зырянова. Иркутск: Иркут. обл. гос. универ. науч. б-ка им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2012. 124 с. URL: http://www.irklib.ru/colleague/metod_materials/obzoryi.php (дата обращения: 23.09.2015).

⁵ ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3350. Л. 62.

¹ Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России – 2008. Тенденции и проблемы. URL: <http://www.levada.ru/books/chtenie-v-rossii-2008-tendentsii-i-problemy> (дата обращения: 23.09.2015).

Списки наиболее часто запрашиваемых книг отраслевых отделов читателями государственных и муниципальных библиотек Кемеровской области в 2001 г.*

Городские ЦБС	Районные ЦБС
<p><i>Немов Р.С.</i> Психология: в 3-х т. <i>Спиркин А.Г.</i> Философия: учебник Концепция современного естествознания Экономика: учебник / под ред. А.С. Булатова История России с древнейших времен до наших дней: учебник Культурология: учебное пособие / под ред. А.А. Радугина <i>Радугин А.А.</i> Философия: курс лекций <i>Мескон М.</i> и др. Основы менеджмента Макконелл К.Р., Брю С.А. Экономикс <i>Подласый И.П.</i> Педагогика. Новый курс</p>	<p><i>Акимушкин И.И.</i> Мир животных <i>Зуев М.И.</i> История России: учебник <i>Немов Р.С.</i> Психология: в 3-х т. <i>Панарин А.С.</i> Введение в политологию <i>Котлер Ф.</i> Основы маркетинга Культурология: учебное пособие / под ред. А.А. Радугина Финансы: учебник для вузов / под ред. В.М. Родионовой Информатика: учебник / под ред. М.В. Макаровой <i>Липсиц И.В.</i> Экономика без тайн <i>Крылов Г.В.</i> Зеленая аптека</p>

*Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области: год 2001 / Кемеровск. обл. науч. б-ка; Кемеровск. обл. юнош. б-ка; Кемеровск. обл. дет. б-ка; Кемеровск. обл. б-ка для незрячих и слабовидящих; отв. ред. О.Е. Блынская. Кемерово, 2002. URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Otchet_2001.pdf (дата обращения: 23.09.2015).

библиотеки Ребрихинской ЦБС, наибольшим спросом также пользовались книги в помощь учебному процессу, прежде всего по экономике, государству и праву, психологии, философии⁶. В Шипуновской библиотеке в 2000 г. отмечался повышенный интерес к учебникам по экономике, политологии, философии, психологии, социологии, экологии. Читатели чаще всего спрашивали такие учебники и учебные пособия⁷, как «Экономика» С. Фишера, «Основы политологии» Д.П. Зеркина, «Философия» А.Г. Спиркина, «Экономикс» К.Р. Макконелла, «Психология» Р.С. Немова, «Бухгалтерский учет» Н.П. Кондракова, «Основы маркетинга» Ф. Котлера⁸.

На востребованность учебной литературы у посетителей библиотек указывают данные табл. 1, согласно которым читатели чаще всего запрашивали учебники по психологии, истории, культурологии, философии, экономике.

Представленные выше перечни наиболее востребованной учебной литературы у пользователей библиотек Алтайского края и Кемеровской области отражают сходство в читательских запросах жителей этих двух субъектов Российской Федерации, которые приходили в библиотеки за учебниками по экономике, философии, культурологии, психологии, политологии, истории. Совпадения касаются даже конкретных книг: общими в этих списках стали «Философия» А.Г. Спиркина, «Экономикс» К.Р. Макконелла, «Психология» Р.С. Немова, «Основы маркетинга» Ф. Котлера.

Специфической чертой чтения в постсоветское время являлось постепенное вытеснение досугового чтения деловым. Одной из главных причин такой трансформации читательской культуры россиян в це-

лом и жителей Сибири и Дальнего Востока в частности стало мощное развитие индустрии развлечений, предоставившей населению, прежде всего городскому, множество других, помимо чтения, способов проведения свободного времени. Этому также способствовало широчайшее распространение, особенно среди подрастающего поколения, различных социальных сетей и компьютерных игр. Эти и другие факторы сужали функциональное поле чтения, сводя постепенно его востребованность у читателей к решению преимущественно деловых задач – учебных, профессиональных, практических.

Например, проведенные в 1999 г. исследования чтения в библиотеках Кемеровской области показали, что вызванные школьными заданиями запросы составляли до 70 % от общего их числа⁹. Согласно исследованиям 2009 г. 90 % читателей приходили в Новосибирскую областную детскую библиотеку им. М.А. Горького за деловой (учебной) литературой, и только 10 % брали книги «для души»¹⁰.

Характерной чертой досугового чтения, все же сохранившегося в рассматриваемый период, стало сходство в жанровых предпочтениях, общих для всех возрастных групп, а именно увлечение беллетристикой: детективами, приключениями, фантастикой, историческими и любовными романами, которыми преимущественно зачитывались женщины. Так, в Алтайском крае самыми востребованными были у взрослых чита-

⁹ Ежегодный доклад о деятельности муниципальных библиотек Кемеровской области: год 1999 / Кемеровск. обл. науч. б-ка; Кемеровск. обл. юнош. б-ка; Кемеровск. обл. дет. б-ка; Кемеровск. обл. б-ка для незрячих и слабовидящих / отв. ред. О.Е. Пономарева. Кемерово, 2000. URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Otchet_1999.pdf (дата обращения: 23.09.2015).

¹⁰ Отчёт о работе Новосибирской областной детской библиотеки им. М.А. Горького в 2012 г. URL: <http://www.maxlib.ru/lib.php?item=312> (дата обращения: 23.09.2015).

⁶ Там же. Д. 3352. Л. 81.

⁷ Даны в порядке перечисления в отчете библиотеки.

⁸ ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3353. Л. 127.

Художественные произведения, пользовавшиеся повышенным спросом у читателей государственных и муниципальных библиотек Кемеровской области в 2001 г.*

Городские ЦБС	Районные ЦБС
<p><i>Маринина А.</i> Призрак музыки. Светлый лик смерти. Когда боги смеются. Седьмая жертва.</p> <p><i>Дашкова П.</i> Место под солнцем. Легкие шаги безумия.</p> <p><i>Булгаков М.А.</i> Мастер и Маргарита.</p> <p><i>Шелдон С.</i> Утро, день, полночь. Тонкий расчет.</p> <p><i>Незнанский Ф.</i> Кровавый песок.</p> <p><i>Полякова Т.В.</i> Чумовая дамочка. Ее маленькая тайна. Чудо в пушистых перьях.</p> <p><i>Стил Д.</i> Свадьба. Крылья. Драгоценности.</p> <p><i>Воронин А.</i> Серии романов «Му-му» («Бег от смерти»), «Комбат», «Слепой».</p> <p><i>Донцова Д.</i> Детективы.</p> <p><i>Акунин Б.</i> Алтын Толобас.</p>	<p><i>Маринина А.</i> Реквием. Шестерки умирают первыми. Смерть ради смерти.</p> <p><i>Дашкова П.</i> Кровь нерожденных. Эфирное время. Херувим. Чеченская марионетка.</p> <p><i>Черкасов А., Москвитина П.</i> Рыжий конь. Хмель. Черный тополь.</p> <p><i>Шилова Ю.</i> Повести.</p> <p><i>Иванов А.</i> Повести. Романы.</p> <p><i>Проскурин П.</i> Любовь земная.</p> <p><i>Астафьев В.П.</i> Повести и рассказы. Веселый солдат.</p> <p><i>Полякова Т.В.</i> У прокурора век недолог.</p> <p><i>Доценко В.</i> Серия романов о «Бешеном».</p>

*Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области: год 2001.

телей Шипуновской ЦБС исторические романы, книги о войне, любовные романы, детективы¹¹, Третьяковской ЦБС – детективы и фантастика¹², Чарышской – детективы, любовные романы, мистика, приключения¹³, Зональной – фантастика, детективы, приключения, романы о любви¹⁴, в ЦБС г. Славгорода – детективы, фантастика, женские романы, «ужастики»¹⁵.

Большим спросом на абонементе ЦБ г. Прокопьевска Кемеровской области пользовались художественные книги из серий любовных романов «Шарм» и «Очарование»¹⁶. В сельских библиотеках Прокопьевского района той же области женщины-читательницы отдавали предпочтение любовным романам, а мужчины – фантастике и детективам¹⁷.

Об огромной популярности детективов у посетителей городских и районных ЦБС Кемеровской области свидетельствуют данные табл. 2.

Перечисленные в табл. 2 произведения наглядно демонстрируют превосходство детективов в рейтинге популярности среди других жанров художественной литературы и интерес читателей к любовному роману.

В тематике свободного чтения детей Кемеровской области также преобладали фантастика, детективы, приключения, познавательная литература. Любимыми авторами у них были Э. Успенский, Н. Носов, М. Булгаков, А. Дюма, А. Кристи, М. Рид¹⁸. Жанровые пред-

почтения старшеклассников Залесовского района Алтайского края распределились следующим образом: 50 % из них привлекали приключения и фантастика, 30 % – исторические книги, 25 % – детективы¹⁹.

Одним из направлений модификации чтения в рассматриваемый период стал неуклонный рост интереса к периодическим изданиям и у взрослых, и у детей, на что в своих отчетах указывали работники очень многих библиотек Сибири и Дальнего Востока. Так, возросший интерес к периодике отмечен в Курьинской²⁰ и Угловской²¹ центральных детских библиотеках, Зональной ЦБС²² Алтайского края и др. Популярность журналов среди юной аудитории объясняется иллюстративностью материалов, краткостью и современной формой изложения информации в одном номере по многим темам.

На большой интерес читателей к газетам и журналам указывает выявленная и систематизированная информация о количестве выданной литературы по видам изданий в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова (далее – АКУНБ) в г. Барнауле.

Представленные в табл. 3 данные наглядно демонстрируют второе место, вслед за книгами, которое в выдаче литературы стабильно, на протяжении всего рассматриваемого периода, сохраняла за собой периодика, превосходившая все остальные, за исключением книг, виды изданий вместе взятые, в том числе ноты, патенты, аудио- и видеоматериалы.

¹¹ ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3353. Л. 127.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 115.

¹⁴ Там же. Д. 3350. Л. 165.

¹⁵ Там же. Д. 3430. Л. 119.

¹⁶ Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области: год 2001.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ежегодный доклад о деятельности муниципальных библиотек Кемеровской области: год 1999 / Кемеров. обл. науч. б-ка; Кемеров. обл. юнош. б-ка; Кемеров. обл. дет. б-ка; Кемеров. обл. б-ка

для незрячих и слабовидящих; отв. ред. О.Е. Пономарева. Кемерово, 2000. URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Otchet_1999.pdf (дата обращения: 23.09.2015).

¹⁹ ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3350. Л. 121.

²⁰ Там же. Ф. Р-1198. Оп. 3. Д. 1652. Л. 62.

²¹ Там же. Ф. Р-1198. Оп. 3. Д. 1828. Л. 124.

²² Там же. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3350. Л. 165.

Т а б л и ц а 3

Выдача литературы по видам изданий в Алтайской краевой универсальной научной библиотеки (АКУНБ) им. В.Я. Шишкова*

Виды изданий	1992 г.		1995 г.		1997 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего выдано	1 229 709	100	1 178 892	100	1 207 459	100
В том числе:						
Книги	663 753	53,96	559 627	47,4	609 895	50,5
Период. издания	299 786	24,3	344 749	29,2	413 079	34,2
Аудиоматериалы	19 706	1,6	2398	0,2	1426	0,1
Ноты	42 865	3,48	53 199	4,5	24 684	2,09

* Составлено по: ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 2966. Л. 5; Д. 3064. Л. 4; Д. 3184. Л. 18.

Весомым аргументом, свидетельствующим о неуклонном росте интереса населения к газетам и журналам, является стабильное увеличение доли периодики в общей массе выдаваемой литературы разных видов изданий в главной библиотеке Алтайского края. В 1992 г. периодика составила 24,3 % в общей массе выданных пользователям АКУНБ документов, в 1993 г. – 27,83 %, в 1994 г. – 27,5 %, в 1996 г. – 29,7 %, в 1997 г. – 34,2 %, в 2000 г. – 36 %²³. Таким образом, с 1992 по 2000 г. доля периодических изданий в литературе, полученной читателями этой библиотеки, увеличилась на 11,7 %.

Схожая ситуация с выдачей литературы по видам издания сложилась и в Кемеровской области, где в 2001 г. периодики было выдано 30,22 % от общего объема книговыдач, из них пользователям городских библиотек – 31,3 %, сельских – 27,84 %²⁴.

Итак, активной читательской группой в рассматриваемый период являлись учащиеся различных учебных заведений, что определило большой спрос в библиотеках на учебную литературу, в том числе по социологии, политологии, культурологии, философии, психологии, экономике, истории, экологии, праву. Досуговое чтение все больше вытеснялось деловым, особенно в городах, связанным с решением практических задач, прежде всего учебных и профессиональных. Любимыми жанрами досугового чтения у читателей всех возрастных групп были детективы, прежде всего «женские», фантастика, приключения, фэнтэзи, исторические романы. Гендерные различия в читательских предпочтениях выразились в увлечении женщин, кроме названных жанров, еще и любовными романами, созданными, преимущественно англоязычными писательницами. Отмечался определенный интерес читательской аудитории к российским боевикам и произведениям, посвященным Великой Отечественной войне. Последнее было характерно в основном для жителей малых городов и сельской местности. В целом же читатели всех половозрастных групп населения

Сибири и Дальнего Востока предпочитали беллетристику. Чтение классической литературы все больше становилось частью делового чтения, так как обращение к ее произведениям чаще всего было обусловлено не духовными запросами личности, а содержанием учебных программ и требованиями образовательных стандартов. Для всех возрастных групп был характерен стабильно высокий интерес к периодике. Однако предпочтение отдавалось не «толстым» литературным журналам, а развлекательным и посвященным сохранению здоровья, моде, рукоделию, кулинарному искусству, компьютерам, автомобилям, садоводству и т.п. Среди газет высокой популярностью пользовались местные издания.

Таким образом, в постсоветский период чтение сохранило свое присутствие в жизни жителей региона, в их учебной, профессиональной, досуговой деятельности, интеллектуальном и духовном развитии. Однако изменялись его частота, содержание, роль в жизни личности. Эти трансформации были обусловлены радикальными переменами, происходившими в жизни страны в рассматриваемый период, и в целом соответствовали состоянию и модификации общероссийской картины чтения и читательского поведения россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книжная культура Магаданской области: история, проблемы, перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф / отв. ред. О. А. Толоконцева. Магадан, 2003. 263 с.
2. Волкова В.Н. Книга и чтение на пересечении эпох и культур: из века XIX в век XXI: сибирские наблюдения. Новосибирск, 2009. 360 с.

REFERENCES

1. Book culture of the Magadan region: history, problems, prospects: *Materialy Pervoj mezhtregion. nauch.-prakt. konf; отв. red. O.A. Tolokonцева*. Magadan, 2003, 263 p. (In Russ.)
2. Volkova V.N. The book and the reading at the intersection of eras and cultures: from the nineteenth century into the twenty-first century: Sib. observation. Novosibirsk, 2009. 360 p. (In Russ.)

²³ Составлено по: ГААК. Д. 2966. Л. 5; Д. 3013. Л. 4; Д. 3064. Л. 4; Д. 3131. Л. 4; Д. 3184. Л. 18; Д. 3339. Л. 4.

²⁴ Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области: год 2001.

DOI: 10.15372/HSS20150405
УДК 070.3

И.В. ЛИЗУНОВА

РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ ИНДУСТРИЯ: ИНТЕРАКТИВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ирина Владимировна Лизунова,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье в рамках технологической модернизации 1990-х гг. – первого десятилетия XXI в. анализируется современный этап институциональных изменений российской книжной индустрии. Институциональные трансформации книжного дела постсоветского двадцатилетия происходили здесь под воздействием внедрения рыночных механизмов хозяйствования и новых информационных технологий. Последние повлияли на становление новой виртуальной коммуникационной среды, базовой составляющей которой являются электронные книжные коммуникации. Рассматриваются крупнейшие платформы обетования специализированных книжных ресурсов в Рунете. Особое внимание уделяется социальным сетям книжной тематики. Определяется значение книжных виртуальных коммуникаций для удовлетворения интеллектуальных, читательских интересов интернет-пользователей и для развития книжной индустрии в целом.

Ключевые слова: технологическая модернизация, институциональные изменения, издательства, интернет-торговля, социальные сети, блоги, порталы, читатели, интернет-пользователи, Рунет.

I.V. LIZUNOVA

RUSSIAN BOOK INDUSTRY: INTERACTION IN VIRTUAL SPACE

Irina V. Lizunova,
Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher;
State Public Scientific Technical Library,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russia,
e-mail: knigovod@spsl.nsc.ru

The article aims at understanding the changes associated with modernization of the Russian book industry that not only transformed the institutions, their structure and competitiveness, but also led to the emergence of a new virtual book communication environment.

The author applied the formal-logical and comparative-historical research methods which allowed the identification of causal chains in studying the evolution of electronic resources of the book industry in relation to logic and specificity of publishing business' modernization in Russia at the turn of the XX–XXI centuries. Transformation of data-communication networks contributed to the development of the Russian book industry's digital communication segment.

The emergence and spread of digital media has formed a special communication environment while creating the new forms of social communication: electronic publication - e-book, e-content, social media promoting books etc. Nowadays digitization and convergence of information processes determine the direction and nature of book communication.

In the virtual space book communication has been developed due to the expansion of the Internet audience and emergence of the online sales offices created both by the subjects of book business (publishers, booksellers) and by the online media (non-book) organizations.

Modernization of book industry along with the growing number of Internet users, development of online commerce, decline in book production and traditional book distribution business contribute to the stable growth and development of e-book market in Russia. Publishing houses find new ways of delivering digital content to end users through various sales channels - from their own web-sites, specialized online stores, aggregators of electronic resources to book-related social media and special applications for mobile devices. Following the global digital content market the domestic e-book market also shows steady growth dynamics.

Numerous literature portals, forums, websites and blogs being the new phenomena of the modern book culture and elements of the virtual space allow developing dialogic, interactive, individual and personal relationship with readers, users, and buyers.

Existing book-related social networks provide their users with a full range of options: compiling lists of books they have read; writing reviews; receiving notifications of the new reviews in the editions being monitored; information about new products, advertising, promotion of reading, and more.

All of these books online platforms serve as a specific communication medium for the actors in the book market. Despite the fact that the domestic digital book market is only emerging, electronic publishing and distribution are a promising direction, significantly transforming the modern book industry. A wide range of opportunities for the use of various virtual resources of the book market becomes a real factor of the book industry's integration in the global virtual communication space.

In general, electronic communications of the domestic book industry have become an integral part of the ongoing process of modernization of Russian book industry.

Key words: technological modernization, institutional change, publishing, online commerce, social networks, blogs, portals, readers, Internet users of Runet.

В связи с модернизацией книжной индустрии России на рубеже XX–XXI вв. происходит технологическая трансформация – модификация методов, способов и механизмов процесса производства, тиражирования, распространения и использования издательской продукции; изменение состояния последней, ее свойств, материалов и формы. Кроме того, наблюдаются кардинальные институциональные видоизменения. Технологическая трансформация, а именно бурный рост рынка цифрового контента, приводит к тому, что традиционные печатные рынки претерпевают ключевые видоизменения.

В период формирования рыночных механизмов на рубеже XX–XXI вв. книжное дело как социальная система функционирования подверглось серьезным институциональным трансформациям: были ликвидированы органы государственной цензуры и контроля, осуществлено разгосударствление, проведены приватизация и акционирование материально-технической базы производственных и книготорговых предприятий. Все эти меры создали основу для возникновения новых издающих организаций, каналов распространения книжной продукции, способствовали формированию принципиально иной издательской и книгопроводящей инфраструктуры.

Появление и распространение цифровых носителей информации сформировало особую коммуникационную среду, вызвав к жизни новые формы социальной коммуникации: электронное издание – электронную книгу, электронный контент, социальные сети книжной тематики и др.

В условиях модернизации книжного дела рубежа XX–XXI вв. и глобализации информационных процессов капитальным модификациям подвергаются все явления социокультурной среды и в том числе все институциональные структуры книжной отрасли. Книжная отрасль, столкнувшись с влиянием модифицирующих факторов, переживает реструктуризацию на фоне изменения потребительского поведения [1].

Модернизация российской медиаиндустрии стала определенным вызовом для книгоиздателей, повлияла на изменение стратегии их деятельности в цифровой среде. Помимо выпуска электронного контента, перед издательствами возникли задачи развития новых каналов коммуникации и средств хранения информации. Совершенствование гаджетов (компьютеров, планшетов, e-ридеров, «читалок», мобильных устройств и т. п.), с помощью которых потребляется электронный контент, привело к созданию

новых медиаплатформ, формированию электронного книгоиздания, электронных издательств, росту значения агрегации контента. Первое десятилетие XXI в. демонстрировало рост популярности чтения различных форматов электронных изданий.

Эксперты приходят к единому мнению, что дигитализация и конвергенция информационных процессов определяют сегодня направление и характер книжной коммуникации, которая «в условиях современной действительности напрямую зависит от электронных средств представления и переработки информации» [2, с. 121].

Многочисленные литературные порталы, форумы, сайты и блоги как новое явление в современной книжной культуре, существуя в виртуальном пространстве, позволяют развивать диалогический, интерактивный и индивидуально-личностный характер отношений с читателем, пользователем, покупателем.

Местом обетования специализированных книжных ресурсов в Рунете являются:

– крупнейшие платформы книжной торговли: сайты книжных интернет-магазинов (Озон.ру, Болеро, Co@Libri, Myshop.ru), зачастую объединенные в сети («Читай-город», «Новый книжный» и др.), а также сайты – аналоги действующих книготорговых предприятий (Books.ru, Библион, Библиоглобус, Лабиринт, Топ-книга, Мирс, Британия Миллениум, КапиталЪ, Букинист, Почитай-ка-Скрепка, Экор-книга, Сибверк, Новая книга, Московский дом книги);

– дигитальная территория издательств, связанных с цифровыми сетями книжной дистрибуции (Эксмо, АСТ, Олма Медиа Групп, Рипол Классик, Логос, Питер), а также независимых реально существующих издательств, не входящих в систему продаж в интернет-сети, со своими интернет-магазинами (Буква Статейнова, Сибирское университетское издательство, ИД «Приамурские ведомости») или без них (Тюменский издательский дом, Омское книжное издательство и др.).

– электронные издательства, электронные СМИ (Press.Ykt.Ru, Looktme, The-eBook, газета «Музыстор», литературно-художественный альманах «Звезда Севера»);

– электронные библиотеки (полнотекстовая электронная русская библиотека – Библиотека М. Мошкова, Университетская библиотека онлайн, КнигаФонд, Библио Тех, научная электронная библиотека eLibrary);

– книжные социальные сети и сообщества (LiveLib, ImhoNet, X-Libris, Bookmix, Anobii).

Последние, а именно книжные социальные сети, распространены на сегодня в Рунете довольно широко. Они возникли и существуют, в первую очередь, благодаря активному интересу читателей. Лишь 18 % мегаиздательств с разной степенью предприимчивости используют интернет-площадки крупных социальных сетей, таких как: Вконтакте, Одноклассники, Facebook, Twitter. В большинстве своем интерес к социальным книжным сетям у книготорговцев пока невысок [3].

Возможности электронной коммуникации через вышеперечисленные основные каналы распространения и продажи электронных изданий свидетельствуют о дополнительных перспективах продвижения е-книги к читателю, стирающих границы и расстояния.

Существующие книжные сайты предоставляют пользователю полный спектр «услуг»: составление списков прочитанных книг, написание рецензий, получение уведомления о новой рецензии по отслеживаемому изданию др. Во многих книжных интернет-сообществах содержатся аннотации, оценки, характеристики книг, отдельные произведения каких-либо авторов. Главное, что отличает книжные социальные сети, – возможность читателям обмениваться мнениями о прочитанных книгах самых разнообразных жанров – и классики, и современной зарубежной и русскоязычной литературы – с другими пользователями, обсуждать книги с интересными собеседниками.

Книжные интернет-сообщества различаются между собою по функциям. Следовательно, их можно классифицировать по следующим группам [4]:

1. Социальные сети в формате микроблогов.

Книжный блог «Пять страниц о ...» создан В. Болотиным. Блог о литературе, блог о книгах, книжном дизайне, книжной инфографике, экранизации книг, творчестве писателей, о них самих, социальных сетях, сетературе¹.

Bfeed – микроблог, позволяющий пользователю оперативно получать информацию о книге, написать свое, почитать чужое мнение о прочитанном².

2. Социальные сети для виртуального общения на темы книжности.

Anobii – социальные сети, в которых можно найти лучшие книги на 17 языках. Книжный онлайн-магазин представляет читателю книги, изданные на европейских языках, позволяет знакомиться с новинками литературы. Здесь же можно добавлять комментарии; создавать группы для общения; разыскать источник информации об изданной книге; размещать то, что думают о той или иной книге за рубежом³.

Bookmix – социальная сеть любителей книг (учредитель ООО «ЭмДжи Медиа»). Администрация ре-

сурса выкладывает описания книг, биографии авторов, новости; пользователи пишут рецензии на опубликованные тексты, общаются между собой. Читатели могут комментировать рецензии, рекомендовать книги друзьям, вести блоги, создавать группы для общения и т. д. Ресурс интересен своим книжным флэш-мобом⁴.

3. Социальные сети – книжные полки, площадки для рецензий.

«Reader – найди, что нового почитать, выложи свой список онлайн» – интернет-площадка, позволяющая хранить список книг, которые пользователь читал, читает или хочет кому-то порекомендовать. Ресурс дает возможность оценить популярность той или иной книги по количеству читателей, найти единомышленников, экспортировать список книг на другой сайт или блог⁵.

КнигоБлог – социальная сеть об интересных обзорах, отзывах о книгах, книжных новостях. Девиз КнигоБлога: «Мы не поспеем за всеми новостями, поэтому предоставляем себе право обращать внимание только на заинтересовавшие нас новости культуры, литературы, изданий и кино-литературы, это новости книжных интернет-магазинов»⁶.

LiveLib.ru – крупнейшая книжная социальная сеть на русском языке. Здесь можно собрать свою книжную полку, написать рецензию, добавить цитату, оценить все, что только можно, поспорить в комментариях. В рубриках «Что почитать» содержится самая большая в Рунете коллекция рецензий, на которой возможно создать тематическую подборку книг, составить биографию любимого писателя, получить рекомендацию, почитать отзывы о книгах, узнать рейтинг лучших книг года или месяца, по мнению самих читателей. «Дневник читателя онлайн» – ваша личная библиотека. Она позволяет вспомнить, что вы читали в прошлом году, поведать миру собственное мнение в формате отзыва, рецензии или блога. Рубрика «Сообщество читателей книг» – это сервис для общения, на котором рекомендуется найти единомышленников; узнать, какие новинки сегодня на слуху; обсудить классику; пообщаться на любые темы на книжном форуме. Наличие самого большого количества рейтингов, составленных пользователями путем голосования, отличает эту сеть от других⁷.

Социальная сеть *Библа* носит характер авторской социальной сети. На главной странице обращение: Библа – это сервис, помогающий ориентироваться в океане книг и осмысленно с ними работать⁸.

Таким образом, модернизация книжной индустрии, а конкретнее, технологическая трансформа-

¹ Пять страниц о ... URL: <http://www.5pages.net> (дата обращения: 10.10.2014).

² Bfeed. URL: <http://www.breff.ru> (дата обращения: 10.10.2014).

³ Anobii. URL: <http://www.anobii.com/> (дата обращения: 10.10.2014).

⁴ Bookmix. URL: <http://www.bookmix.ru> (дата обращения: 10.10.2014).

⁵ ReaderI. URL: <http://ru.reader2.com/> (дата обращения: 10.10.2014).

⁶ Книгоблог. URL: <http://knigo.ru/> (дата обращения: 10.10.2014).

⁷ Что почитать. URL: <http://www.livelib.ru/> (дата обращения: 10.10.2014).

⁸ Библа. URL: <http://bibla.ru> (дата обращения: 10.10.2014).

ция последних лет привела к возможности создания новой институциональной инфраструктуры – особой виртуальной коммуникационной среды, обеспечивающей диалоговое, интерактивное общение автора, издателя, распространителя, потребителя, читателя в реальном времени и пространстве. Современные читатели – интернет-пользователи могут воспользоваться любыми виртуальными ресурсами: от сайтов интернет-магазинов, издательств и электронных СМИ, до порталов, пропагандирующих книгу и чтение в виде книжных соцсетей, литературных форумов и электронных библиотек для получения интересующей его информации. Все эти книжные онлайн-платформы сегодня являются специфической коммуникационной средой субъектов книжного рынка. При этом необходимо отметить, что именно социальные книжные сети, созданные читателями и существующие в их интересах, способны сформировать новое отношение у интернет-пользователей к чтению, являются особым социальным феноменом современного читателя книг. Само же книжное сетевое пространство сегодня способно четко и ясно ориентировать потребителя в сфере интеллектуальной продукции, становясь, с одной стороны, неотъемлемой частью книжной индустрии, а с другой – реальным фактором последней для интеграции в глобальное медиaprостранство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лизунова И.В. Технологическая модернизация издательского дела как основа интеграции в современное медиaprостранство // Мир науки, культуры, образования. 2014. №5(48). С. 244–247.
2. Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект / науч. ред. Л. А. Мосунова. Киров., 2014. 221 с.
3. Крылова Е.В. Использование социальных сетей в PR-деятельности крупнейших издательств России // Вестник СПбГУ-КИ. 2011. №2 (июнь). С. 111–113.
4. Крылова Е.В. Социальные сети книжной тематики как особая коммуникационная среда для субъектов книжного рынка // XVII Смирдинские чтения. СПб., 2013. Труды СПбГУКИ; том 201. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. С. 131–140.

REFERENCES

1. Lizunova I.V. Technological modernization of publishing industry as a basis for integration into the modern media space. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014, no 5 (48), pp. 244–247 (In Russ.)
2. The book and the book business in Russia: historical and typological aspect: the team. monograph / sci. ed. L.A Mosunova. Kirov, 2014, 221 p. (In Russ.)
3. Krylova E.V. The use of social networks in the PR-activity of the largest publishing Houses in Russia. *Vestnik SPbGUKI*. 2011, no 2, pp. 111–113 (In Russ.)
4. Krylova E.V. Book-related social media as a special communication environment for the actors of the book market. *XVII Smirdinskie reading. Proceedings SPbGUKI*. SPb., 2013, vol. 201, book Publishing: yesterday, today and tomorrow. pp. 131–140 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150406
УДК [655.411+655.15]:061.12(571.1/.5)

А.М. ПАНЧЕНКО

СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» И СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Анатолий Михайлович Панченко,
канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15,
E-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В настоящей статье рассматриваются различные направления сотрудничества СИФ «Наука» с Сибирским отделением РАН по вопросам академического книгоиздания. Вводимые в научный оборот факты показывают, что, несмотря на возникающие проблемы, главной задачей в работе фирмы остается формирование издательского портфеля, основу которого составляют научные труды институтов и других учреждений СО РАН.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН, Академиздатцентр «Наука» РАН, Сибирская издательская фирма «Наука» РАН, Сибирское полиграфическое предприятие «Наука» РАН, научное книгоиздание.

A.M. PANCHENKO

THE SIBERIAN PUBLISHING COMPANY «NAUKA» OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: ITS FUTURE IN COOPERATION WITH THE SIBERIAN BRANCH OF RAS

Anatoly M. Panchenko,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
State Public Scientific-Technical Library SB RAS
15, Voskhod St., Novosibirsk, 630200, Russia,
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

In 1998 the Siberian Publishing and Book-Selling Enterprise «Nauka» of RAS Academic Publishing Centre (APC) «Nauka» was reorganized in three divisions: Siberian Publishing Company (SPC) «Nauka», Siberian Polygraphic Enterprise (SPE) «Nauka» (printing office № 4), and Siberian wholesale-retail office of the commercial firm «Akademkniga» with five bookshops.

This separation led to significant changes in the activities of SPC «Nauka». Although not a legal successor, nevertheless it has been created on the basis of the former Publishing House «Nauka». Neither at the moment of SPC creation, nor later owned it any property. Its material-technical basis was formed by the fixed assets that had been leased out by the Publishing House «Nauka» acting out as an asset holder. Therefore the most actual problems faced by the SPC «Nauka» were modernization of the available equipment, its technical retrofitting, as well as rental of premises.

At the moment of creation of the SPC «Nauka» its publishing portfolio was generally formed with works that were left unfinished by the Publishing House «Nauka» although it had signed contracts for their publication with the institutes of the Siberian Branch of RAS and other customers at different times. Later it was replenished with works prepared to publication under the contracts signed by the SPC «Nauka». Its work has been and remains focused on publishing the scientific editions in cooperation with academic institutions and other organizations of SB RAS. One of the areas covered by the SPC «Nauka» focuses on enhancing every kind of contacts, first of all, with academic structures of SB RAS in the field of academic publishing across all regions of Siberia.

Key words: Siberian Branch of RAS, Academic Publishing Centre «Nauka» of RAS, Siberian Publishing Company «Nauka» of RAS, Siberian Polygraphic Enterprise «Nauka» of RAS, academic publishing.

Издание научной литературы в Сибирском отделении АН СССР ведет свою историю с 1958 г., когда при Президиуме СО АН СССР был создан редакционно-издательский отдел, преобразованный в 1963 г.

в Сибирское отделение Издательства «Наука». В рамках структурной реорганизации АН СССР в 1989 г. Издательство «Наука» было реформировано в Издательско-производственное и книготорговое объеди-

нение «Наука» (ИПКО «Наука»). Ряд преобразований в структуре и системе управления академическим книгоизданием последовал после воссоздания в 1992 г. РАН. 12 мая 1992 г., согласно распоряжению Президиума РАН, ИПКО «Наука» стало Всероссийским объединением издательских, полиграфических и книготорговых предприятий «Наука» РАН (ВО «Наука»). Несколько позже была основана Дирекция по управлению издательскими, полиграфическими и книготорговыми предприятиями (Дирекция РАН по книгоизданию), а с февраля 1996 г. правопреемником ИПКО «Наука», ВО «Наука» и ликвидированной Дирекции РАН по книгоизданию стал Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр (Академиздатцентр «Наука» РАН) [1, с. 65–71].

СИФ «Наука» как структурное предприятие АИЦ «Наука» РАН была создана согласно приказу № 20 от 24 сентября 1999 г. его генерального директора В.И. Васильева, и тогда же был утвержден Устав фирмы. Для формирования уставного фонда нового юридического лица из прибыли АИЦ «Наука» было направлено 85 тыс. руб. 12 октября 1999 г. фирма была зарегистрирована Новосибирской городской регистрационной палатой (свидетельство № 23811). Юридически не являясь чьим-либо правопреемником, фирма, тем не менее, фактически была выделена из бывшего Сибирского полиграфического и книготоргового предприятия (СП) «Наука». Директором СИФ «Наука» с 1 ноября 1999 г. назначен Е.А. Лазарчук¹. Ни в момент создания, ни позже каким-либо имуществом фирма не наделялась. Основу ее материально-технической базы составили основные средства, находившиеся в пользовании СП «Наука» и переданные им как балансодержателем в аренду новому предприятию. Существующие издательские системы, взятые фирмой в аренду, абсолютно не соответствовали современным требованиям по всем основным параметрам, что не позволяло добиваться необходимых сроков и качества доредакционной подготовки изданий. Поэтому первоочередной для фирмы стала проблема модернизации имевшегося оборудования и его технического дооснащения.

Кроме того, фирма не располагала собственным помещением и размещалась на балансе Института почвоведения и агрохимии (ИПА) СО РАН. С помощью Сибирского филиала Агентства по управлению имуществом РАН фирме удалось заключить трехсторонний договор № 12-3 от 12.10.1999 г. о временном безвозмездном пользовании нежилым помещением. Этим договором предусматривалась не арендная плата, а возмещение расходов по содержанию занимаемых площадей путем взаиморасчетов за литературу, издаваемую по договорам с институтом. Очередной договор о безвозмездном пользовании нежилым помещением в здании, находившемся на балансе ИПА, был прод-

лен в 2005 г. В письме генерального директора АИЦ «Наука» В.И. Васильева к директору ИПА члену-корреспонденту РАН И.М. Гаджиеву отмечалось: «...академические структуры, располагающиеся на площадях зданий и сооружений, находящихся на балансе институтов, учреждений и организаций РАН, возмещают только эксплуатационные расходы на содержание занимаемых помещений»².

В 2006 г. вновь встал вопрос об аренде помещения для СИФ «Наука». Председатель СО РАН академик Н.Л. Добрецов в своем письме № 15001-15172-8624 от 27.02.2006 г. на имя генерального директора АИЦ «Наука» В.И. Васильева отмечал, что срок аренды помещения ИПА площадью 558,2 м² на условиях договора безвозмездного пользования завершается 30 ноября 2007 г. В СО РАН было принято решение о строительстве для ИПА нового здания непосредственно в Академгородке. Поскольку бюджетное финансирование на осуществление этого строительства отсутствовало, в качестве источника средств предлагалось использовать арендную плату за старое здание. Состоялся открытый конкурс на право долгосрочной аренды этого здания, по итогам которого встал вопрос об освобождении площадей, занимаемых СИФ «Наука». Поскольку вариант размещения фирмы в СП «Наука» был весьма осложнен огромными капитальными затратами на реконструкцию сугубо производственных площадей под офисные, генеральным директором АИЦ «Наука» В.И. Васильевым было предложено руководству СО РАН рассмотреть вопрос о возможности размещения СИФ «Наука» на арендных условиях на площадях одного из тех институтов или научных учреждений, которые находились в центральной части Новосибирска. Таким научным учреждением стала Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. Ее директор, д-р техн. наук, профессор Б.С. Елепов в письме на имя председателя СО РАН академика Н.Л. Добрецова писал: «ГПНТБ готова предоставить в качестве аренды 150–200 м² для размещения научных редакций издательства на договорной основе. Учитывая, что более 50 % объемов своего производства Издательство выполняет по заказам Сибирского отделения и его институтов и входит в состав РАН, прошу разрешить заключение Договора аренды ГПНТБ с Сибирской издательской фирмой «Наука» без проведения конкурса, как организацией, осуществляющей социальную необходимую для Сибирского отделения деятельность сроком на три года по ставке, определенной независимым оценщиком»³. С 2010 по 2015 г. фирма арендовала помещение у ОАО «Новосибирсккнига». По решению руководства АИЦ «Наука» с 16 марта 2015 г. фирма располагается в здании СП «Наука». Таким образом, с 1999 по 2015 г. фирма сменила три адреса аренды помещений.

¹ Выписка из приказа № 219-к от 3 октября 1999 г. генерального директора АИЦ «Наука» В.И. Васильева // Архив Сибирской издательской фирмы (СИФ) «Наука» РАН.

² Письмо № 10217/69-к от 25 августа 2005 г. // Архив СИФ «Наука» РАН.

³ В архиве СИФ «Наука» РАН на письме не указаны выходные данные.

Издательский портфель фирмы на момент ее создания в основном формировался из работ, подготовка которых не была завершена в СП «Наука», заключившем в разное время договоры на их выпуск с институтами СО РАН и другими заказчиками. Позднее портфель стал пополняться за счет работ, договоры на которые заключала уже СИФ «Наука». Объем так называемых «незавершенных» работ оказался немалый, относительно этих работ фирма и СП «Наука» заключили договоры на оказание издательских услуг, которые в связи со сложным финансовым положением последней длительные время не оплачивались. Возникшую задолженность решено было погасить в перспективе, в том числе взаиморасчетами за полиграфические услуги фирме. Всего с 01.10.1999 г. по 01.05.2000 г. было подготовлено к печати 69 названий общим объемом 970,54 уч.-изд. л., из них по договорам СП «Наука» – 55 названий (770,1 изд. л.), по договорам фирмы – 14 названий (200,44 изд. л.). Несмотря на то, что удельный вес «собственных» работ заметно повысился, выпуск изданий, «перешедших» от СП «Наука», планировалось завершить лишь в третьем квартале 2000 г.

В качестве основной полиграфической базы фирмой использовалось СП «Наука», однако с учетом пожеланий заказчиков, а также, исходя из экономической целесообразности, заказы стали размещаться и в других типографиях. За рассматриваемый период было издано: в СП «Наука» – 51 название (684,44 уч.-изд. л., тираж – 21,7 тыс. экз.); в ГП «Новосибирский полиграфкомбинат» – 5 названий (77,3 уч.-изд. л., тираж – 10,2 тыс. экз.), в типографии «Транс-Пресс» – 4 названия (75,2 уч.-изд. л., тираж – 1,1 тыс. экз.), в типографии Томского политехнического университета – 2 названия (17,4 уч.-изд. л., тираж – 0,6 тыс. экз.). Главный партнер – СП «Наука» обеспечивал достаточно высокое качество полиграфического исполнения заказов. Вопрос качества изданий неоднократно рассматривался руководством на заседаниях с участием представителя типографии, где обсуждались и реализовывались совместные меры по обеспечению качественной печати, в том числе полноцветной.

Главной проблемой, которая встала перед фирмой, являлось формирование издательского портфеля. Решать ее приходилось в совершенно иных условиях, а точнее, при наличии достаточно жесткой конкуренции со стороны появления крупного конкурента – Издательства СО РАН⁴, объединившего издательские структуры институтов СО РАН [2]. В создавшейся ситуации фирма сочла необходимым обсудить с руководством РИСО СО РАН перспективы дальнейшего сотрудничества. В итоге были получены заверения в том, что будет сохранен принцип самоопределения институтов, которым предоставлялось право выбирать, где издавать свои работы. Интересно в этом отношении

⁴ Постановление Президиума СО РАН № 299 от 28 октября 1999 г. «О реорганизации Издательства СО РАН» // Архив СИФ «Наука» РАН.

«Справка о взаимодействии СО РАН с СИФ «Наука» РАН»⁵, подписанная заместителем председателя РИСО СО РАН Б.С. Елеповым. В ней отмечалось, что с первых дней создания СО РАН основной компанией, издававшей научную литературу, подготовленную учеными СО РАН, являлась СИФ «Наука». За последние годы появилось несколько крупных издательств, в том числе Издательство СО РАН, которые наряду с СИФ «Наукой» издают научную литературу, в первую очередь журналы [3]. Однако СИФ «Наука» остается основной издающей организацией.

Основой репертуара издаваемых монографий⁶ является издательский план СО РАН, утвержденный РИСО, который с 2000 г. составляется на основе представляемых рукописей, а не кратких аннотаций, как это было раньше. Такая система позволяет более эффективно использовать финансовые средства, выделяемые Президиумом и институтами СО РАН. Выбор издательства определяется институтом СО РАН, и Президиум, и РИСО не оказывают влияния на этот процесс. РИСО и в дальнейшем намерено развивать систему конкурентного отбора издательских организаций. Директор СИФ «Наука» Е.А. Лазарчук, говоря о ее перспективах, отмечал: «Свое будущее фирма связывает с академическим книгоизданием. Именно в этой сфере ее коллектив может в полной мере проявить свой профессионализм»⁷.

В июне 2001 г. спорные вопросы о взаимной задолженности СИФ «Наука» и СП «Наука» решала специальная комиссия во главе с заместителем начальника финансового управления АИЦ «Наука» А.Г. Алексеевым и главным бухгалтером типографии № 1 В.В. Масловым. В письме № 10217 от 19.06.2001 г. на имя генерального директора СП «Наука» А.Б. Трофимова, в частности, отмечалось, что выборочная проверка использования СИФ «Наука» полиграфических мощностей СП «Наука» показала, что по отдельным изданиям фирма вынуждена была обращаться к другим исполнителям полиграфических услуг. Учитывая насыщенность рынка полиграфических услуг и стремление СИФ «Наука» минимизировать затраты по полиграфическим затратам научных изданий, такое решение фирмы представлялось целесообразным.

Более основательная проверка финансово-хозяйственной деятельности СП «Наука» была проведена в 2003 г.⁸ На основании приказа АИЦ «Наука»

⁵ Копия документа предоставлена директором СИФ «Наука» РАН Е.А. Лазарчуком.

⁶ Распоряжение Президиума СО РАН № 15000-513 от 31 августа 2000 г. «О распределении тиража плановых монографий СО РАН» // Архив СИФ «Наука» РАН.

⁷ Отчет «О работе директора Сибирской издательской фирмы «Наука» за 1999–2000 гг.» // Архив СИФ «Наука» РАН.

⁸ В Акте документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности ГУП Сибирского издательско-полиграфического и книготоргового предприятия «Наука» № 283 от 20 марта 2003 г. главный ревизор В.Б. Дворкин отмечал: «В июне 2001 г. была проведена проверка в СП «Наука» зам. начальника Финансового управления АИЦ «Наука» Алексеевым А.Г. и Главным бухгалтером типографии № 1 Масловым В.В. Качество этой проверки не нужда-

от 06.02.2003 г. главным ревизором В.Б. Дворкиным была произведена документальная ревизия финансово-хозяйственной деятельности СП «Наука» за период с 01.10.1999 г. по 01.03.2003 год⁹. Сравнительные данные по выпуску книг за 2001–2002 гг., приведенные в акте ревизии показывают, что СП «Наука» было выпущено в 2001 г. 232 названия общим тиражом 457,4 тыс. экз., а в 2002 г. – 181 название общим тиражом 294 тыс. экз., т. е. ниже уровня 2001 г. на 51 название и на 163,4 тыс. экз. Такой факт главным ревизором признавался недопустимым. Доля СИФ «Наука» составляла в 2001 г. – 44 названия общим тиражом 25,9 тыс. экз., а в 2002 г. – 57 названий общим тиражом 38,1 тыс. экз. Всего под маркой «Наука» было выпущено в Сибири в 2002 г. больше, чем в 2001 г., названий на 30 %, а книг – на 47 %. Кроме того, главный ревизор отмечал, что СИФ «Наука», как структурное подразделение АИЦ «Наука», часть книг печатает на сторонней полиграфической базе, что также признавалось неприемлемым.

Итоги работы издательства были отражены в «Справке о конкретном вкладе в экономику региона»¹⁰. С 2000 г. по январь 2003 г. СИФ «Наука» по заказам институтов СО РАН и других научных учреждений выпущено 319 наименований научной литературы общим объемом 4629 уч.-изд. л. и 3 млн 764 тыс. приведенных печатных листов-оттисков, совокупным тиражом 197 тыс. экз. Наряду с фундаментальными теоретическими исследованиями был опубликован ряд конкретных научных разработок, предназначенных для внедрения и практического использования в различных отраслях региональной экономики. Кроме того, массовыми тиражами издавалась научно-популярная литература, посвященная истории Сибири, в частности Новосибирска и Новосибирской области. Сравнительно небольшим коллективом за эти годы реализовано продукции, работ и услуг на 19 млн 341 тыс. руб., в том числе за январь 2003 г. – на 1 млн 040 тыс. руб. Стабильная работа предприятия позволила не только обеспечить его оптимальное материально-техническое развитие, но и своевременно и в полном объеме производить выплату заработной платы штатным сотрудникам и внештатному персоналу, перечислять платежи в бюджеты всех уровней и государственные внебюджетные фонды. Так, за отмеченный период перечислено в федеральный бюджет – 1 млн 938 тыс. руб., областной и городской бюджеты – 580 тыс. руб. Задолженности по налогам и платежам в государственные внебюджетные фонды не имелось.

есть в комментариях, вся проверка изложена в нескольких строках. Об этом факте будет представлена отдельная записка, адресованная руководству АИЦ «Наука»».

⁹ Акт документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности ГУП Сибирского издательско-полиграфического и книготоргового предприятия «Наука» № 283 от 20 марта 2003 г. // Архив СИФ «Наука» РАН.

¹⁰ Справка о конкретном вкладе в экономику региона. № 10217-67 от 10. 02. 2003 г. // Архив СИФ «Наука» РАН.

24–27 сентября 2004 г. в г. Новосибирске под руководством генерального директора АИЦ «Наука» В.И. Васильева было проведено выездное заседание Совета директоров издательских, полиграфических и книготорговых предприятий АИЦ «Наука», в котором приняло участие 22 представителя. Итогом работы заседания стало Решение Совета директоров предприятий АИЦ «Наука» от 27 сентября 2004 г. и План мероприятий по его выполнению. Принципиальное значение для СИФ «Наука» имели такие пункты решения, как предложения о возможности печатания изданий в регионах их распространения, в том числе и в г. Новосибирске; усиление контроля над включением литературы, издаваемой СО РАН, издательскими структурами его центров и учреждений, в Аннотированный тематический план «Наука» и др.

Итоги совместной деятельности фирмы с Сибирским отделением с 1998 по 2006 г. изложены в справке директора фирмы Е.А. Лазарчука «О сотрудничестве Сибирской издательской фирмы «Наука» с Сибирским отделением РАН»¹¹. В ней отмечалось, что СИФ «Наука» с 1998 г. по 2006 г. включительно издала 428 названий научных работ, подготовленных институтами СО РАН, объемом 7498,5 уч.-изд. л., что составляло соответственно 49 и 54 % от общего объема выпуска книжной продукции. За эти годы под маркой фирмы вышли в свет труды ученых 45 институтов СО РАН, в том числе очередные тома таких известных серий, как «Флора Сибири», «Низкотемпературная плазма», «Системная информатика», «Культура народов России», «Памятники этнической культуры», «Этнографо-археологические комплексы», «Справочники и определители по флоре и фауне озера Байкал», а также «СО РАН. Избранные труды», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Издание основного тиража двух последних серий удалось осуществить за счет средств первого раздела Тематического плана НИСО РАН. Средства СО РАН привлекались только при необходимости дополнительного тиражирования. Результатом сотрудничества фирмы с академическими институтами стало издание таких значимых трудов, как 5-томный «Словарь русских говоров Сибири», 4-томная «Энциклопедия Забайкалья», Красные книги Новосибирской области, Республик Хакасия и Бурятия и др. Главным событием 2006 г. явился выпуск юбилейного трехтомника СО РАН – «Стратегия лидеров», «Персональный состав», «Исторический очерк». Несмотря на то, что фирма не имела стабильных источников финансирования, она работала рентабельно, в ее портфеле имелось немало интересных издательских проектов, в том числе академических. В справке директора фирмы Е.А. Лазарчука высказаны пожелания, чтобы ее возможности использовались институтами СО РАН полнее, а фирма, в свою очередь, готова качественно и своевременно выполнять любой заказ институтов.

¹¹ Справка о конкретном вкладе в экономику региона. № 10217-67 от 10. 02. 2003 г. // Архив СИФ «Наука» РАН.

К справке приложена таблица, из которой видно, что с 1998 по 2006 г. СИФ «Наука» издано 871 название (13 809,7 уч.-изд. л.), из них на долю научных трудов ученых институтов и учреждений СО РАН приходилось 428 (49%, 7498,5 уч.-изд. л.). Следует уточнить, что приведенные цифры не были официальной формой отчетности, эти данные в фирме фиксировались для составления текущих справок.

В 2007–2014 гг. СИФ «Наука» продолжила свое сотрудничество с учеными институтов и научных учреждений СО РАН. За указанный период было издано 460 названий, общий объем издательских листов – 8296,1 (312,6 тыс. экз.). Однако учета общего количества трудов, изданных фирмой для учреждений СО РАН, не велось. По данным директора фирмы Е.А. Лазарчука, их доля составляет 45 %.

Среди наиболее крупных серийных изданий, подготовленных институтами Сибирского отделения наук совместно с СИФ «Наука» [4, с. 156–167, 302–305] и отпечатанных в типографии СП «Наука», следует отметить серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1990–2014); «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2004–2014); подсерию «СО РАН. Избранные труды» (2002–2014) и др.

Помимо серийных изданий, СИФ «Наука» издает и другую научную литературу, подготовленную учеными СО РАН. Среди них словари, выпускаемые как продолжающиеся академические издания, так и отдельными трудами: 5-томный «Словарь русских говоров Сибири» (Новосибирск, 1999–2006); 15-томный академический нормативный «Толковый словарь якутского языка» (Новосибирск, 2004–2014, т. 1–11); «Толковый словарь тувинского языка» (Новосибирск, 2003, т. 1, 2011, т. 2); Б.И. Тагаринцев «Этимологический словарь тувинского языка» (Новосибирск, 2000–2008, т. 1–4); Г.В. Попов «Этимологический словарь якутского языка» (Новосибирск, 2003, ч. 1); А.Е. Аникин «Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири» (Новосибирск, 2003); «Хакасско-русский словарь» (Новосибирск, 2006) и др.

Таким образом, утратив в силу целого ряда обстоятельств былой «монополизм», а вместе с ним и прежние объемы, СИФ «Наука», тем не менее, сохранила свои лучшие традиции и высокопрофессиональные кадры. Занимая одно из ведущих мест в области академического книгоиздания, она по-прежнему остается издательством, опубликоваться в котором считается престижным для ученых Сибирского отделения РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лютов С.Н., Панченко А.М., Альшевская О.Н. Реорганизация сибирских подразделений Издательства «Наука» в 1990-е гг.: эксперименты и проблемы выживания // Библиосфера. 2014. № 4. С. 65–71.
2. Панченко А.М. История и культура народов Сибири и Дальнего Востока в издательских проектах Сибирского отделения Издательства «Наука» // Книжная культура народов Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX – XXI веков. / Труды ГПНТБ СО РАН; отв. ред. Б.С. Елепов. Новосибирск, 2014. Вып. 6 / отв. ред. С.Н. Лютов. С. 156–167, 302–305.
3. Елепов Б.С. Издательская деятельность Сибирского отделения РАН и развитие международных научных контактов: состояние, проблемы, перспективы // Роль книгоиздания в развитии международных научных и культурных контактов. М., 2005. С. 110–112.
4. Лизунова И.В. Сибирское академическое книгоиздание: от монополизма к многообразию издательской среды // Научная книга и проблемы книжной культуры на пространстве СНГ. М., 2012. С. 115–120.

REFERENCES

1. Lyutov S.N., Panchenko A.M., Alshevskaya O.N. Reorganizing the Siberian divisions of Printing House «Nauka» in 1990s: experiments and problems of survival. *Bibliosfera*. 2014, no. 4, pp. 65–71 (In Russ.)
2. Panchenko A.M. History and culture of the peoples of Siberia and the Far East in publishing projects of the Siberian Branch of the Printing House «Nauka». *Trudy GPNTB SO RAN*. Novosibirsk, 2014, *Vyp. 6: Knizhnaya kultura narodov Sibiri i Dalnego Vostoka na rubezhe XX–XXI vekov*, pp. 156–167, 302–305 (In Russ)
3. Elepov B.S. Publishing Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, and the development of international scientific contacts: status, problems and prospects. *Rol knigozdaniya v razviti mezhdunarodnykh nauchnykh i kulturnykh kontaktov*. Moscow, 2005, pp. 110–112. (In Russ.)
4. Lizunova I.V. Siberian Academic publishing: from monopoly to a variety of publishing media. *Nauchnaya kniga i problemy knizhnoy kultury na prostranstve SNG*. Moscow, 2012, pp. 115–120. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.10.2015

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20150407
УДК 94(470.67)

М.-П.Б. АБДУСАЛАМОВ, Н.Д. ЧЕКУЛАЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I: БИТВА ПОД ЭНДИРЕЕМ 1722 г.

Магомед-Паша Балашович Абдусаламов,
канд. ист. наук, доцент,
Дагестанский государственный институт народного хозяйства,
РФ, 367008, Махачкала, ул. Атаева, 5
e-mail: vikingpasha@mail.ru
Николай Дмитриевич Чекулаев,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
РФ, 367030, Махачкала, ул. Ярагского, 75
e-mail: bratzikow1974@mail.ru

В статье на основе анализа разнообразных источников и литературы рассматривается один из малоизученных, трагических эпизодов Персидского похода Петра I – битва под Эндиреем 1722 г. Освещаются малоизвестные факты Эндиреевского сражения, дается их оценка. Показывается взаимодействие правительства Петра I с различными кумыкскими феодальными правителями. Раскрываются причины выступления эндиреевцев против армии Петра I.

Ключевые слова: Россия, Персидский поход, Петр I, Кумыкия, междоусобицы, шамхальство Тарковское, Эндирей, битва, казаки.

M.-P.B. ABDUSALAMOV, N.D. CHEKULAEV

FROM THE HISTORY OF THE PERSIAN CAMPAIGN OF PETER I: BATTLE OF ENDIREEM, 1722

Magomed-Pasha Balashovich Abdusalamov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Dagestan State Institute of National Economy,
5, Atayeva St., Makhachkala, 367008, Russia,
e-mail: vikingpasha@mail.ru
Nikolai Dmitrievich Chekulaev,
Candidate of Historical Sciences, Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS,
75, Yaragskogo St., Makhachkala, 367030, Russia,
e-mail: bratzikow1974@mail.ru

The purpose of this article is not only to describe the events associated with armed clashes between the Russian troops and the highlanders near the village of Endirey, but also to reveal the causes of this negative event in the history of Russian-Dagestan relations based on the available archival documents. In addition, attention is paid to the relationships of Russia with several Kumyk feudal rulers.

In July 1722 the Emperor Peter the Great and his army entered the territory of Dagestan. However, the beginning of the company was not easy. The Russian army began to suffer losses long before the first clash with the enemy: 150 soldiers died from diseases in Astrakhan, while 40 soldiers escaped. The cavalry crossing the North Caucasian steppe was behind the original schedule. As envisioned by the tsar, the dragoons would arrive in the Agrakhan Gulf sooner than the infantry traveling by sea in order to ensure the landing operation with the construction of piers and to provide cover against possible enemy attacks. All such orders were given by Peter to Brigadier Andrey Veterani on July, 7.

The cavalry, however, could not meet the deadline. G.S. Kropotov with his regiments made a forced crossing of the Volga river near the town of Selitrennoye only on July, 5 but in the next three weeks he still could not reach the Terek. On July, 30 he reported that he was encamped at “Kizlyar Lake” and could not move faster: “Dragoon horses are rather thin due to long marching across the great steppes, poor quality of forage and most of all due to heat and salt water”.

The corps of Veterani moving from Tsaritsyn crossed the Terek on July, 16-17 and had to wait until gunpowder and lead were delivered from the Terskiy town. Thus, Veterani as a commander notified the tsar that he would be able to move on only in the night of July, 21. In the same report the Brigadier informed of other bad news: Ukrainian Cossack colonel Apostle while following after him found himself in the middle of the “burnt steppe”, facing the loss of horses and lack of forage.

Veterani was to take Andreevskaya village (village of Endirey) and to ensure the landing operation in the Agrakhan Gulf. He was joined by the prince of Greater Kabarda Elmurza Cherkassky (the lieutenant in the Russian service, the younger brother of the deceased in Khiva A. Cherkassky) and the prince of Minor Kabarda Aslambek Kommetov. Endirey rulers Aydemir and Chopan-Shamhal tried to resist and attacked the regiments marching near the village. After a fierce battle on the 23th of July, the dragoons broke through to Endirey and destroyed it, having lost 89 people dead and 115 wounded.

In conclusion the authors identify the causes that led to the battle between the Russian army and highlanders near the village Endirey.

Key words: Russian, Persian campaign, Peter I, Kumykia, feuds, Shamkhalate of Tarki, Endirey, battle, the Cossacks.

Персидский поход Петра I являлся важной вехой в истории русско-дагестанских отношений. О походе Петра I в Прикаспий писали историки дореволюционного и советского периодов, немало работ по данной теме издано за последние двадцать лет. Все это свидетельствует о глубоком интересе исследователей к данной проблеме. Вместе с тем, отдельные ее стороны либо не нашли должного отражения в публикациях ученых-историков, либо вообще ими не затронуты. Нами будут рассмотрены причины одного из самых драматичных и малоисследованных эпизодов Персидского похода Петра I – кровопролитной битвы под Эндиреем 1722 г.

Накануне Персидского похода Петра I политическая обстановка в Кумыкии, как и в Дагестане в целом, не была стабильной. Земля кумыков была раздроблена на ряд более или менее крупных владений: шамхальство Тарковское, княжества Засулакской Кумыкии – Эндиреевское, Аксаевское и Костековское и др. [1, с. 74].

В первой четверти XVIII в. по-прежнему продолжались междоусобицы кумыкских владетелей за шамхальский престол. Разгорелась очередная ожесточенная борьба между шамхалом Адиль-Гиреем Тарковским, с одной стороны, и его братьями Муртазали и Умалатом Казанищенским – с другой. Последние пользовались поддержкой персидского шаха, Адиль-Гирей же обратился за поддержкой к Петру I. Адиль-Гирей писал в 1717 г.: «Я, прибегая к Вашему милосердию, низайше, всепокорнейше прошу, чтоб и великим своим указом повелели астраханскому и терскому управителям в нуждах наших, как в военные, так и в других случаях помогать...» [2, с. 311]. Петр I такой указ издал. В нем говорилось: «Тебе, Адиль-Гирей, под оборону нашу и подданство принимаем, ради чего даны указания нашим губернатору астраханскому и коменданту терскому защищать, и в случае нужды и помогать» [2, с. 311].

Таким образом, в 1718 г. шамхал Адиль-Гирей, сын Муртазали, вступает в подданство России [3, с. 57].

20 апреля 1719 г. астраханский губернатор А.П. Волинский доносил в Коллегию иностранных дел: «Кумыкский народ, хотя и под персидскою протекцией, однако ж надеются, если приложить труд, то будет доброжелательное к нам, а между и народом силу имеет владетель Тарковский Адиль-Гирей... Если изволите его удовольствовать и дать ему для охранения Тарков одну роту солдат, о чем он сам просит, также и жалованье ему денежного и хлебного прибавить» [4, с. 139].

Просьба А.П. Волинского была удовлетворена – из Тарков к шамхалу отправили команду из 15 солдат и три пушки¹.

Эндиреевские владетели поставили в известность Петра I, что они не согласны с тем, что шамхалом Тарковским стал Адиль-Гирей. Об этом писал князь Чопан-шамхал Эндиреевский князю А. Бековичу Черкасскому 25 ноября 1719 г.: «<...> шамхал преставился, то кизилбаш (т.е. шах Ирана) Адиль-Гирей шамхалом сделал и мы сему “не контентны”» (в переводе с английского – недовольны. – М.-П.А., Н.Ч.) [5, с. 91].

При этом каждый из претендентов обращался к российским властям, обвиняя своих недругов в измене России. Шамхал Тарковский Адиль-Гирей писал Петру I о враждебности к нему кумыкских владетелей, а те в письмах царю говорили о том, что Адиль-Гирей был подданным турецкого султана и персидского шаха и ориентировался на них [2, с. 311].

Об этом, в частности, свидетельствует письмо Адиль-Гирей, с которым он обратился в 1717 г. к Петру I. В нем Адиль-Гирей старался убедить императо-

¹ Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 454. Л. 157.

ра, что его противники – эндириевские владетели Мулхат и Чопан-шамхал – являются также врагами России. Этого же вопроса шамхал Тарковский касался и в своем донесении Петру I от 20 апреля 1719 г. Здесь он уже прямо писал, что «выгнал из Тарков Молата-шамхала, из Эндириевой деревни князя Чобан-шамхала, и брата своего родного большого Муртазали, которые держали партии персидского шаха» [5, с. 91].

Аналогичные сведения об эндириевских владетелях доносил Петру I и другой владетель – Султан-Махмуд Аксаевский в своем письме от 1–6 августа 1722 г., который также враждовал с Чопан-шамхалом².

В 1717 г. в своем письме Петру I кумыкский шамхал Адиль-Гирей (а позднее аксаевский владетель Султан-Махмуд в вышеназванном своем письме от 1–6 августа 1722 г.) сообщал, что «казаки, которые ему изменили и непослушны были и в рубежах наших при Эндириевском Мулхате, бывшего хана сына, да Чопан-шамхале приезжали, были во охранении его, и я уведомился о измене их, что они вам противники, с войском своим из оных 34 человек поймав, 4 человека отправил в Терки, а остальные всех убил, того ради помянутой Мулхат и Чопан-шамхал жаловались персидскому шаху на меня и объявили ему, что я от него, шаха, отложился и к вам, российскому государю, поддался и службу принял и их учинился противен я, он, шах, отнял у меня выплачиваемое мне денежное жалованье» [6, с. 226].

Известно, что еще в конце XVII в. после подавления народных движений в России тысячи русских людей, спасаясь от казней, устремлялись на Северный Кавказ, в том числе и на берег Терека и Сулака. Здесь создавались целые городки и опорные базы восставших. Некоторые известные «разбойничьи» атаманы, такие как Костька Иванов и другие, действовали среди чеченцев и кумыков в начале XVIII в. В отместку на казаков-бунтовщиков и раскольников-еретиков и их союзников горцев совершались карательные экспедиции. В 1700 г. было принято решение послать войско на Муртазали и «воровских» казаков.

Совместными усилиями царских войск и феодальных соперников Муртазали повстанческим силам был нанесен серьезный удар. Полковник Бушев с гребенскими казаками захватил атамана Костьку «с немалым числом его артели» в укрепленном городке близ Сулака и отправил его в Астрахань, где он был казнен. С другой стороны, шамхал Адиль-Гирей с Султан-Махмудом Аксаевским двинулись на Муртазали, отказавшегося выдать казаков (находившихся непосредственно при нем), и разбили его. Часть русских беглых погибла в бою, другие попали в плен и были отправлены в Терки. Так как русские беглые люди находились и во владении другого кумыкского владельца – Чопан-шамхала, то он тоже был разбит. Имелись данные, что Муртазали и Чопан-шамхал были изгнаны из своих «юртов» и скрывались в горах [7, с. 315, 362].

Российские власти из переписки с Адиль-Гиреем шамхалом получали о эндириевских владетелях нега-

тивные сведения. Сам Адиль-Гирей не скрывал, что хочет посадить своего сына Хасбулата владетелем Ауха (который с XVI в. был под контролем эндириевских князей) [8, с. 67].

А.П. Волинский доносил 2 сентября 1721 г., что эндириевский владетель Муцал Чапалов приезжал в Астрахань с тем намерением, чтобы он стал управителем Терского города, но он отказал Муцалу в удовлетворении его требования. Далее А.П. Волинский доносил в Коллегию иностранных дел: «А что в указе Его Царского Величества упомянуто, чтоб мне о оных эндириевских владетелях разведать, можно ли от них уповать какой пользы интересу Его Царского Величества, однако же я ничего не могу уповать и содержать разве для того, чтоб не были на той стороне и обще не чинили бы с противными Терку и гребенским казакам пакости. А польза или обороны никогда никакой не будет»³.

Междоусобная борьба закончилась победой Адиль-Гирея Тарковского. 23 января 1721 г. в своем письме к канцлеру графу Головину он писал: «Доношу вам великому государю понеже я рабов ваших раб получил шамхальство горское счастье вашего великого государя и неприяв чего о чем я просил у вас великого государя, то все получили и ненавидящие мои противники, видя от вас великого государя ко мне показанную милость, в большую ненависть впали и стали домогаться всякими худыми делами обносить, того ради прошу вас великого государя дабы таким моим противникам и их доношениям без подлинного изъяснения не верить»⁴.

Данный документ красноречиво свидетельствует, что Адиль-Гирей, умело используя сложившуюся ситуацию в Кумыкии, своими интригами сумел не только победить своих соперников в борьбе за Тарковское шамхальство, но и приложил все усилия, чтобы у Петра I сложилось отрицательное мнение об эндириевских владетелях. Таким образом, можно утверждать, что шамхал Адиль-Гирей своими действиями спровоцировал эндириевский инцидент.

Вслед за шамхалом и Султан-Махмудом Аксаевским к России с просьбой о вступлении в российское подданство обратились эндириевские владетели. В своем письме к Петру I от 24 апреля 1720 г. эндириевские князья заявили о готовности быть на русской службе. Эту просьбу они повторили в своем письме от 24 февраля 1721 г. Вскоре Петр I удовлетворил их просьбу и принял в российское подданство [9, с. 111].

Однако правители Эндирия, вступившие в российское подданство, продолжали нападать на гребенские городки и Терки.

В ноябре 1720 г. эндириевские владетели Айдемир Хамзин и шамхал Чопан против Терков и гребенских городков «явную войну начали», в результате которой с ноября 1720 г. по май 1721 г. русские потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен 139 чел. Кроме

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 211–212.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 134.

⁴ Там же. Д. 60. Л. 91.

того, были взяты в плен свыше 3 тыс. чел. «иноверцев» и 30 дворов терских татар; количество отогнанного скота составляло 2 тыс. голов и 950 кибиток.

По распоряжению астраханского губернатора против эндириевских владетелей были посланы терские и донские казаки, которые осенью 1721 г. произвели рейды к рекам Астрахани и Аксай, причинив противнику потери в 110 чел. и отогнав у него свыше 5000 голов скота [6, с. 256–257, 296].

Эндирей, по словам астраханского губернатора А.П. Волынского, – это «яко гнездо разбойническое, от которого претерпевали всегдашнее нападение как и окрестной страны жители, так и все проезжающие». Вот как об этом доносил И.-Г. Гербер: «Великая сил деревня лежит в Дагестане между реками Сулаком и Аксаем, промеж гор и лесов, к которой и другие около лежащие малые деревни принадлежат. Она, обогатившись грабительством и укрепившись на твердом от природы месте, так страшною учинилась через свои набеги, что не только соседи ее не смели выгонять скот на пастьбу, но больше гребенских казаков и терских жителей через покражу лошадей и скотины обижали, но и ходящие из Астрахани в Шемаху купеческие караваны часто от жителей оных были разбиваемы и разграбляемы, и все проезжие дороги опасными от них учинилось, что происходило до самого при сем случае деревни сей разорение и купцы были принуждены торг сухим путем оставить» [10, с. 69].

Кроме того, эндириевские владетели, занятые распрями с кабардинскими князьями, поставили себя в непростые отношения с Россией. Так, 23 февраля 1714 г. канцлер Г.И. Головин в своем письме к князю А.Б. Черкасскому уведомляет о том, что царь направляет своего посланца к кумыкскому и эндириевскому владетелям с требованием не производить нападений на кабардинцев [11, с. 64].

Следует учитывать и то, что эндириевские феодалы придерживались протурецкой ориентации, которая усилилась в связи с высадкой в июле 1722 г. армии Петра I в Дагестане, означившей начало Персидского похода российского императора. Возросла активность Порты, которая приняла меры, чтобы противостоять устремлениям Петра на Кавказе. Подкупом и интригами местных владетелей Турция стремилась не допустить русские войска на территорию Дагестана [12, с. 191]. Сами эндириевские владетели не хотели мириться с господством России в Северной Кумыкии. Кроме того, одной из причин того, что эндириевский владетель Айдемир оказал сопротивление армии Петра I, были беспрестанные разбои и нападения в 1721 г. на Терки [13, с. 13].

Выступление рядовых эндириевцев против многотысячной регулярной российской армии было актом людей сильной воли, не пожелавших потерять свою независимость и подчиниться российскому императору [14, с. 209].

Военные действия начались в июле 1722 г. Конный корпус под командой бригадира Ветерани имел задачу – атаковать и взять Эндирей, «отомстив за мно-

гие набеги причиненные русским подданным», выйти к устью р. Аграхани и оборудовать небольшие «пристани» на берегу Аграханского залива, куда из Астрахани должна была прийти Каспийская флотилия для высадки пехоты, и обеспечить безопасность десантной операции [9, с. 120–121].

Бригадир Ветерани, войдя с тремя драгунскими полками и 400 казаками без всяких предосторожностей в лесистое ущелье, ведущее к бывшей Эндиреевской крепости (у деревни Эндирей), подвергся нападению горцев, засевавших в горах и на деревьях [15, с. 426].

Когда жители узнали о движении в их сторону 80-тысячного конного войска, то решили, что причина этому – набег эндириевцев в прошлом году на слободы и окрестности русской крепости Терек, за которые теперь эта армия хочет их наказать. Тогда они в отчаянии 23 июля атаковали драгун далеко в степи, стремясь этим не пустить войско к Эндирею, но этим лишь навлекли на себя основные силы конницы со всеми дальнейшими последствиями. Подполковник Наумов тут же поспешил на помощь драгунам. Наверное, своевременные переговоры могли бы предотвратить это печальное событие, но эндириевцы почему-то не выслали гонцов (видимо, считали, что все и так ясно), а русские и до их атаки имели сведения об протурецких настроениях главы здешних князей Чопане от Тарковского шамхала Адиль-Гирея [8, с. 67].

Когда бригадир Ветерани 23 июля приблизился к деревне, 5 тыс. эндириевцев обстреляли россиян пулями и стрелами. В этот момент войско находилось в самом узком месте дороги и потому оказалось в западне. Вместо того, чтобы скорее покинуть опасный участок, бригадир приказал нескольким ротам спешиться и начать обороняться.

Положение горцев было более выгодным, и лишь с большим трудом, потеряв 70 драгун убитыми и несколько десятков ранеными, Ветерани, словив сопротивление эндириевцев, вошел в деревню. 300 местных жителей были убиты на месте, остальные бежали в горы, где горцы были в безопасности. В деревне, состоявшей из 300 дворов, была взята богатая добыча, а сама деревня сожжена.

Видимо, впоследствии бригадиру Ветерани удалось оправдаться, потому что из различных источников известно, что он всегда командовал передовым войском армии [16, с. 570].

После этого Ветерани с армией вернулся, а вскоре к нему присоединился и генерал-майор Кропотов с драгунами; 10 тыс. донских и малороссийских казаков под командованием атамана Краснощекова и других старшин прибыли примерно 2 августа; одновременно прибыли и 5 тыс. калмыков от хана Аюки. 4 августа государь дал указ приставу при них, гвардии поручику Нефеду Кудрявцеву, чтобы тот шел с калмыками к Эндирею и нашел оставшихся эндириевцев. В августе действительно произошел опустошительный набег калмыков на эндириевцев. Как обычно, калмыки, не зная меры, отбили у жителей деревни баранов, быков и лошадей, после чего расположились у гребенско-

го Курдюкова городка. Государь пожаловал им 10 тыс. руб. Эндиреевцы, раскаявшись, прислали к Петру I посланцев, «прося прощения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное, еще в первый раз, и подданных своих чеченцев». Поэтому государь позволил им пока жить в Эндирее, но не строить укреплений. Никакой данью они обложены не были. Для наблюдения за эндиреевцами бригадир Шамандину 28 сентября 1722 г. был дан указ расположиться с корпусом его против Эндирея. Вместе с ним должен был быть гвардии поручик Кудрявцев с калмыками [17, с. 22–23].

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы считаем, что причинами битвы под Эндиреем явились:

- 1) политика шамхала Адиль-Гирея, который в союзе с Султан-Махмудом Аксаевским, ведя междоусобную борьбу за шамхальский престол, сумел своими интригами добиться того, чтобы у Петра I сформировалось негативное отношение к эндиреевским владельцам, укрывавшим, как следовало из доносов Адиль-Гирея, «воровских» людей;
- 2) многочисленные грабительские набеги кумыков на Терки и казачьи городки, купеческие караваны;
- 3) вражда с союзниками России на Кавказе – кабардинскими князьями;
- 4) происки Порты, засылавшей своих агентов в Кумыкию с целью поднять кумыков против России;
- 5) выступление рядовых эндиреевцев, которые, не жалея собственной жизни, выступили на защиту своей независимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2008. 192 с.
2. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сб. док. / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 357 с.
3. Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 53–80.
4. *Гусенов М.У.* Шамхальство Тарковское в системе феодальных государственных образований на Северном Кавказе в XVII – нач. XIX вв.: дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1996. 167 с.
5. *Гаджиев В.Г.* Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 270 с.
6. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: док. и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
7. *Ахмадов Я.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Изд-во «Мир дому твоему», 2001. 426 с.
8. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Кн. II. 520 с.
9. *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М.: Изд-во МГУ, 1951. 247 с.
10. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 60–120.
11. *Сотавов Н.-П.А.* Крах «Грозы Вселенной». Махачкала: Респ. газ.-журн. типография, 2000. 223 с.
12. *Магомедов Р.М.* История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. 340 с.
13. *Неверовский А.А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Кавказе. СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848. 42 с.
14. *Магомедов Р.М., Магомедов А.Р.* История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. 272 с.
15. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.: Наука, 1965. Т 9: История Петра. 460 с.
16. *Комаров В.В.* Персидская война 1722–1725 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. М.: Тип. Катков и К^о, 1867. Кн. 4. т. 68. С. 553–616.
17. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. Ч. I. 548 с.

REFERENCES

1. *Abdusalomov M.-P.B.* Kumyk fiefs in the political life of Dagestan in the first half of the XVIII century. Makhachkala: Narod Dagestana, 2008, 192 p. (In Russ.)
2. Russian-Dagestani relations in XVIII and early XIX centuries: a Collection of documents / ed. V.G. Gadzhiev. Moscow: Nauka, 1988, 357 p. (In Russ.)
3. Shamkhals of Tarki. SCG. Tiflis, 1868, vol. I, pp. 53–80 (In Russ.)
4. *Hosenov M.W.* Shamkhalate of Tarki in the system of feudal states in the North Caucasus in the XVII and early XIX centuries: Dissertation... kand. Hist. Sciences. Makhachkala, 1996, 167 p. (In Russ.)
5. *Gadzhiev V.G.* I. Gerber's Work "Description of the countries and peoples located between Astrakhan and the Kura river" as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus. Moscow: Nauka, 1979, 270 p., ill., cards. Fox. (In Russ.)
6. Russian-Dagestani relations of the XVII and the first quarter of the XVIII century: Documents and materials / ed. R.G. Marchev. Makhachkala: Dagknigozdat, 1958, 336 p. (In Russ.)
7. *Akhmadov Y.* History of Chechnya from the earliest times to the end of the XVIII century, Moscow: "Mir tvoemy domy", 2001, 426 p. (In Russ.)
8. *Magomedov R.M.* The Dargwa in the historical process of Dagestan. Makhachkala: Dagknigozdat, 1999, book. II. 520 p. (In Russ.)
9. *Lystov V.P.* Persian campaign of Peter I. 1722–1723, Moscow: MSU Publishing House, 1951. 247 p.
10. *Gerber I.G.* Description of the countries and peoples along the Western shore of the Caspian sea. 1728. IGAD. Moscow: Publishing House of the East. literature, 1958, pp. 60–120 (In Russ.)
11. *Sotavov N.-P.A.* The Collapse of the "Storm of The Universe". Makhachkala: the Republican newspaper and magazine type, 2000, 223 p. (In Russ.)
12. *Magomedov R.M.* History of Dagestan. From ancient times to the late XIX century Makhachkala: Daguchpedgiz, 1968, 340 p. (In Russ.)
13. *Neverovsky A.A.* Brief historical perspective on Northern and Central Dagestan before elimination of influence of Lezgians in the Caucasus. SPb.: Type. military.-proc. zaved., 1848, 42 p. (In Russ.)
14. *Magomedov R.M., Magomedov A.R.* History of Dagestan. Makhachkala: Dagknigozdat, 1994, 272 p. (In Russ.)
15. The A.S. Pushkin. Complete works. History of Peter. Moscow: Nauka, 1965, vol. 9, 460 p. (In Russ.)
16. *Komarov V.V.* Persian war of 1722–1725 (Materials for the history of the reign of Peter the Great). *Russkij vestnik*. Moscow: Rinks and Co., 1867, book. 4, vol. 68. p. 553–616. (In Russ.)
17. *Butkov P.G.* Materials for a new History of Caucasus from 1722 to 1803: In 3 parts. SPb.: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1869, part I, 548 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 22.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150408
УДК 94 (47).073

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

ГЕНЕРАЛЫ СКАЛОНЫ В РОССИИ (1735–1812 гг.)

Иван Павлович Каменецкий,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории ИИ СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: kameneckiiivan@mail.ru

В статье освещен жизненный путь и ратный подвиг героя Отечественной войны 1812 г. – генерала А.А. Скалона и его отца. Рассмотрены обстоятельства появления его предков – французов в России, их военная и административная служба. Показано, что карьерный рост А. Скалона произошел в правление Павла I, стремившегося к переустройству русской армии. На становление личностных черт и командных качеств будущего генерала оказали влияние добросовестная служба его близких родственников, нелегкие условия сибирского пограничья, а также учеба в составе «образцовой команды» в Петербурге.

Будучи шефом Иркутского полка, А. Скалон проявил себя заботливым и требовательным военачальником. Благодаря его авторитету и организаторским способностям была осуществлена успешная передислокация сибирских полков на западные рубежи России. При обороне Смоленска Скалон был смертельно ранен и похоронен по личному распоряжению Наполеона.

Ключевые слова: первые Скалоны в России, служба А. Скалона в Сибири, Иртышская линия, переход на запад, Смоленское сражение.

I.P. KAMENETSKIY

GENERALS SKALON IN RUSSIA (1735–1812)

Ivan P. Kamenetskiy,
Candidat of Historical Sciences, Senior Research Fellow,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: kameneckiiivan@mail.ru

The paper is aimed at describing the military service of Generals Skalon, father and son who served in Russia in 1735-1812. This subject has not been scrutinized by scholars. Analysis of the new archival sources and use of a historical-biographical research method allowed to deepen understanding of the military and administrative activities of the first generations of the Scalons in Russia; to show their participation in the military campaigns of the XVIII century, their service in the Siberian fortified lines, their fight against Napoleon's invasion and other important events. A.A. Skalon was born in 1767 in the Biisk fortress into a family of the military, former French emigrants. In recognition of his father's services at the age of eight he was enlisted as a private in a squadron of the Life-Guards Preobrazhensky Regiment. Formation of personality and leadership potential of the future general was shaped by the faithful service of his close relatives, the tough conditions of the Siberian frontier as well as his study in the "model team" in St. Petersburg. As a chief of the Irkutsk Regiment A. Skalon proved himself a caring and demanding military leader while being different from other commanders in that he was unselfish and struggled against all sorts of abuses. The Siberian regiments were successfully relocated to the western borders of Russia owing to his authority and organizational abilities. The Dragoon Brigade under Skalon's command opposed the Napoleon's aggression from the first days of the war. While fulfilling an assigned task during the defense of Smolensk Skalon was fatally wounded and buried upon the order of Napoleon.

Key words: the first Scalons in Russia, A. Skalon's service in Siberia, Irtysh line, marching westward, the Battle of Smolensk.

Жизненный путь и ратный подвиг героя Отечественной войны 1812 г., генерала Антона Антоновича Скалона (1767–1812) лишь частично отражены в исторической литературе. В изучении его биографии имеется еще немало «белых пятен» и неточных сведений, не позволяющих в полной мере воссоздать портрет

генерала, погибшего одним из первых русских военачальников в начальный период войны при обороне Смоленска.

Основным источником сведений о жизни А. Скалона и его службе долгое время являлась изданная в 1902 г. работа Е. Альбовского, посвященная исто-

рии Иркутского драгунского полка [1]. Приведенные в ней данные, дополненные некоторыми сведениями, были представлены в краеведческих работах Н.Д. Ростова [2, с. 43] и С.И. Исупова [3, с. 26–32]. Использование новых архивных источников и трудов его современников позволяет значительно расширить представления о военной и административной деятельности первых поколений Скалонов в России: участии их в военных компаниях XVIII в., службе на Сибирских укрепленных линиях, борьбе с нашествием Наполеона и т. п.

Прадедом будущего героя войны 1812 г. А. Скалона был Юрий де Скалон, происходивший из гугенотской французской семьи провинции Лангедок. В конце XVII в. в связи с притеснениями протестантов его семья переселилась в Швецию. В разгар Северной войны в 1710 г. он и его сыновья перешли на русскую службу, предварительно приняв православие. Один из сыновей Ю. Скалона – Даниил – состоял при русском посольстве в Копенгагене, был флигель-адъютантом при князе Трубецком, затем в чине подполковника служил в Киевском драгунском полку [1, с. 106].

Его сын Антон Данилович родился и вырос уже в России. В сохранившемся формулярном списке нашло отражение его продвижение по служебной лестнице и участие в ряде важных военных компаний. В 1735–1736 гг. он участвовал в польском и крымском походах, где отличился при штурме Перекопской линии, а также в сражениях под Бахчисараем и в местечке Карасеве. В 1737–1739 гг. в чине подпоручика сражался в молдавских землях, где также отличился при взятии турецкого ретраншемента в сражении при г. Хотине¹. Семилетнюю войну А. Скалон встретил в чине премьер-майора, а завершил полковником. Ему довелось участвовать в основных событиях войны с Пруссией: сражении при р. Прегель, местечках Дрезине, Фридрихберге, Егерсдорфе, Цорндорфе, взятии Берлина. Во всех «указанных баталиях», по мнению начальства, он «храбро и неустрашимо поступал». 19 июня 1761 г. в бою при Кастьянах попал в плен, но спустя полгода при размене военнопленных был освобожден и вновь вернулся в строй².

С восшествием на престол Екатерины II начинается сибирский период его военной биографии. Полковника А. Скалона, с учетом его боевого опыта, знания фортификации и топографии направили в 1763 г. в распоряжение сформированного Сибирского корпуса, размещенного на укрепленных линиях Южной Сибири. Здесь он был назначен командиром одного из драгунских полков, переведенных на линии из Центральной России, затем – командиром драгунской бригады, состоявшей из Луцкого, Суздальского и Вологодского полков, расквартированных в крепостях и форпостах Иртышской линии³. Наряду с командованием полками

Скалон активно участвовал в проектировании и создании новой Колывано-Кузнецкой линии, призванной обезопасить юго-восточные рубежи Сибири от притязаний Цинского Китая. Под его руководством во владениях бывшей Джунгарии была усовершенствована и укреплена система пограничных сооружений, возведенных на Иртыше еще в 1730–1740-е гг., осуществлен перенос Ямышевской и Семипалатной крепостей, основана Ануйская и Катунская крепости [4, с. 30–32].

В 1774 г. по приказу командующего сибирскими войсками генерал-поручика И. Деколонга он организует вооруженную борьбу с пугачицами прорваться в Западную Сибирь отрядами пугачевцев и наносит им ряд тяжелых поражений в уральских провинциях. За «усмирение пугачевского бунта» драгунский генерал в 1775 г. был пожалован орденом Святой Анны I степени, а через год А. Скалона-старшего произвели в генерал-поручики и назначили командующим Сибирским корпусом [1, с. 106–107].

По свидетельству современников, на новом посту он показал себя рачительным военным администратором, который заботился не только о безопасности, но и хозяйственном обустройстве Сибирских линий. При нем началось интенсивное заселение и земледельческое освоение приграничных районов Верхнего Прииртышья и Верхнего Приобья. А. Скалон немало заботился об установлении мирных, взаимовыгодных отношений с местными народами, хозяйственном освоении пограничных районов юга Западной Сибири. По некоторым источникам ему принадлежала инициатива в составлении одного из первых в России русско-киргизских словарей-разговорников, который во многом облегчил общение с казахскими народами, проведены первые опыты по заведению пчеловодства, распространившиеся позднее по всей Южной Сибири. Умер А. Скалон в 1777 г. во время инспекторской поездки в Усть-Каменогорскую крепость, где и был погребен с необходимыми воинскими почестями.

Названный его именем сын, Антон Антонович Скалон, родился в Бийской крепости в 1767 г. За заслуги отца в возрасте восьми лет его зачислили рядовым в роту лейб-гвардии Преображенского полка, где капитаном состоял сам наследник престола – цесаревич Павел. Это обстоятельство, очевидно, способствовало впоследствии знакомству будущего героя 1812 года с новым императором. До своего совершеннолетия (16 лет) будущий защитник Смоленска находился под опекой матери, которая дала ему необходимое домашнее образование. В его формуляре указано, что он «знает русский, немецкий и арифметику». В 16 лет Скалон – младший был произведен в поручики и назначен в Сибирский, затем в Иркутский драгунский полк. Проявив усердие в службе, он быстро получил очередные чины капитана и майора, занимая при этом должность эскадронного командира [1, с. 106–107].

Армейская служба А. Скалона круто изменилась с началом правления Павла I, приложившего немало усилий к новому устройству русской армии, которое сопровождалось не всегда удачными прусскими за-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 3. Ед. хр. 106. Л. 236–236 об.

² Там же. Д. 127. Л. 450–457, 758 об. –759.

³ Там же. Л. 457.

имствованиями и собственными его нововведениями. В 1798 г. по указу императора майор Скалон в составе «образцовой команды», в которую входили молодые, наиболее отличившиеся офицеры, был направлен в Петербург для изучения нового порядка несения службы и воинских артикулов. Своим старанием и глубоким знанием армейских артикулов он обратил на себя внимание самого императора, придававшего военной службе особое значение. По всей видимости, отдельные, далеко не худшие, принципы и образцы павловской воинской школы – строгое следование уставам и выполнению своих обязанностей, требовательность в сочетании с заботой о подчиненных, личное бескорыстие и борьба с разного рода злоупотреблениями – были им глубоко усвоены, что оказало влияние на становление личностных черт и командных качеств будущего генерала. Заметим попутно, что кратковременное правление Павла I было отмечено некоторым улучшением положения нижних армейских чинов, положение же офицеров, преимущественно выходцев из дворян, наоборот, ухудшилось, и это не могло не вызвать у них недовольства проводимой императором политикой реформирования русской армии [5, с. 132–136].

Вскоре добросовестному сибирскому офицеру была пожалована анненская шпага, его произвели в подполковники и назначили командиром Иркутского полка. В 1799 г. он – уже полковник, а в 1800 г. – генерал-майор, исполняющий, учрежденную Павлом новую должность – шефа Иркутского полка.

На долю Скалона-младшего выпало более скромное, хотя и не менее ответственное предназначение – обеспечить охрану и безопасность одного из участков русской границы в Южной Сибири. В его подчинении находилось около 2 тыс. плохо обученных драгун (в 1787 г. штат полка насчитывал 1765 чел.), большая их часть была рекрутирована из сибирских крестьян. Воинские подразделения были распределены и размещены по наскоро возведенным и разбросанным укреплениям Иртышской линии, простиравшейся от крепости Усть-Каменогорской до Бийска, отдельный эскадрон нес службу на китайской границе за Байкалом [1, с. 103].

Основными задачами вверенного А. Скалону полка являлись защита огромной протяженности границы от неприятеля, пресечение нападений и грабежей от степных киргизов, охрана торговых путей и борьба с контрабандой.

Несение воинской службы в Сибири, особенно на ее окраинах, всегда было не престижным и нелегким занятием. Служба здесь не была связана с участием в военных компаниях и блестящими победами, достигнутыми Россией в этот период на западе, в которых отличились предки Скалона. Соответственно, не ожидалось дальнейшего продвижения по службе, высоких наград и общественного признания. Отмечая непривлекательный характер несения службы на линии, Е. Альбовский справедливо заметил: «Эта служба линейных полков, никем не ценимая, малоизвестная,

не могла по своей тягости сравняться со службой, стоявших в России» [1, с. 115].

Выполнение различных служб затруднялась не только малочисленностью линейных гарнизонов и их удаленность друг от друга, но и суровыми климатическими условиями русско-казахского пограничья. По свидетельству глубокого знатока казахской степи, современника Скалона А. Левшина, сильные бураны зимой и песчаные бури летом нередко поглощали целиком деревни и застигнутых стихией в необжитой степи людей и животных. По его словам, летом воздух в степи достигал такой высокой температуры, что «к железу, раскаленному солнцем, нельзя было прикоснуться рукой, а в песке можно было испечь яйца» [6, с. 7–9]. Зимой от жестоких морозов нередко гибли люди и животные.

О трудностях несения гарнизонной и разъездной службы на Сибирской линии сохранилось немало и других свидетельств. 17 января 1755 г. командующий линиями генерал-поручик И. Веймарн писал сибирскому губернатору В. Мятлеву: «Казаки службами чрезвычайно утруждены ... собственные их лошади почти ежегодно валяются и от покупки тех лошадей недешевыми ценами те казаки в неоплатные долги и в крайнюю нужду приходят»⁴. В конце XVIII в. материальное положение военных чинов линейных войск в мало обжитом крае оставалось по-прежнему низким: «Жители здешние, коих большая часть отставных солдат и разночинцев также и служивых вообще суть бедна и едва снискивают себе пропитание, потому что здесь нет никаких рукоделий», – сообщал один из современников Скалона [7, с. 851–853].

Несмотря на все тяготы и рутинность несения линейной службы, молодой генерал успешно справлялся со своими обязанностями, проявив себя как требовательный, взыскательный, но в то же время справедливый начальник. Так, по его указанию было проведено тщательное расследование обстоятельств гибели унтер-офицера Топоркова, получившего за незначительную провинность 150 ударов розгами. Полковые офицеры пытались скрыть это происшествие и представить смерть потерпевшего как следствие его болезни. Чтобы установить истинную причину смерти, по приказу Скалона тело Топоркова было вырыто и проведено медицинское освидетельствование. В результате по представлению Скалона виновник в смерти подчиненного майор Козловский за жестокое обращение к нижним чинам был предан военному суду, разжалован и исключен из службы [1, с. 136].

Для сравнения укажем, что его предшественник – командующий сибирскими войсками в 1760-е гг. генерал-лейтенант К. Фрауендорф печально прославился жестокими наказаниями солдат и всех провинившихся. По свидетельству несшего в то время линейную службу капитана И. Андреева, «Он, Фрауендорф, столько был жесток, немилосерд, а лучше сказать мучитель, что не устыдился одного дня до обеда пересечь плеть»

⁴ Исторический архив Омской обл. Ф. 366. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–5.

ми, кошками, при своем присутствии, где должен был слушать вопль иногда и невинных, до 110 человек» [8, с. 77].

Известно также, что Скалон сделал выговор и представление о возмещении ущерба командиру полка полковнику Головачеву за нарушение им противопожарных мер, в результате которых сгорело 3 обывательских дома и конюшня с 53 лошадьми. Он также боролся с незаконной контрабандой с киргизами, которую нередко вели офицеры его полка, и другими злоупотреблениями на службе.

Очевидно, требовательность Скалона, его честное служение делу и личное бескорыстие не всегда приходились по душе как вышестоящему начальству, так и отдельным офицерам полка, которые видели в нем карьерного выдвигенца Павла I и приверженца его строгих армейских порядков. Возможно, это обстоятельство, а также семейные дела (в 1801 г. Скалон женился на дочери омского коменданта бригадира А. Клавера) и стали причинами его добровольной отставки. В конце ноября 1802 г. Скалон «сдал полк в отличном порядке», вышел в отставку «с правом ношения мундира, но без пенсiona» и уехал с семьей в Курскую губернию, где, очевидно, было родовое поместье жены, так как наличие у него собственности в формуляре не отмечено [1, с. 107].

Но его пребывание в отставке было непродолжительным. Обострение обстановки на западных рубежах России, вызванное победоносными войнами Наполеона в Европе, потребовало от военного ведомства призыва пригодных к службе отставных офицеров и генералов. В апреле 1806 г. Скалон был отозван и вновь назначен шефом Иркутского полка, который находился к этому времени в «расстроеном состоянии». По утверждению Е. Альбовского, Скалон остался недоволен направлением его на прежнее место службы, но ведавший назначениями командного состава генерал Х. Ливен якобы заявил ему: «Вы назначаетесь для приведения его (полка) в отличное устройство, в каком вы оставили полк сей» [1, с. 166].

По прибытии на место службы Скалону пришлось срочно принимать меры по укреплению дисциплины, устранению недостатков, допущенных прежним командиром – генерал-майором Ф. Сухаревым. Наряду с наведением порядка в своем полку до прибытия в Сибирь генерала Г. Глазенапа ему пришлось также исполнять обязанности начальника 24-й сибирской дивизии, прославившейся позднее в Бородинском сражении.

1808 г. внес новые перемены в привычную армейскую жизнь Скалона. После заключения непрочного Тильзитского мира правительством были приняты меры по укреплению западной границы империи. Последовало решение о выводе из Сибири линейных войск и артиллерийских частей для усиления Западной армии. В декабре 1807 г. Государственный Совет распорядился о передислокации всех армейских полков Сибири на запад и подчинении их 1-й Западной армии. Скалону было поручено вывести из Сибири на Украину в Волынскую губернию три полка, объ-

единенных в драгунскую бригаду – Иркутский, Сибирский и Оренбургский.

Перемещение большого контингента войск на огромное расстояние, подавляющая часть которых не подчинялась ранее Скалону, к тому же оторванных от семей и родных мест, было нелегкой задачей даже для испытанных в боях полководцев. Но, несмотря на все трудности длительного и утомительного перехода, задача была успешно решена. Переход сибиряков на новое место дислокации начался 18 сентября 1808 г. и завершился в сентябре 1809 г. В течение года драгуны благополучно преодолели расстояние почти в 5 тыс. верст, сделав лишь двухмесячную остановку в г. Чистополе Казанской губ. Во время марша полки не потеряли ни одного человека, дезертировавшего или отставшего по болезни, не было совершено дисциплинарных нарушений и проступков по отношению к местному населению. В официальной реляции о благополучном переходе полков командование отмечало: «Сей марш исполнен был в отличном порядке, с особым сбережением нижних чинов и всех полковых имуществ». Высоко ценивший исполнительную дисциплину в войсках военный министр А. Аракчев на этом документе начертил резолюцию: «Генерал Скалон восхищения и награды достоин» [3, с. 28]. За успешное осуществление похода, сбережение людей и лошадей Скалон был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени.

По мнению Е. Альбовского, полки Скалона находились в резерве 1-й Западной армии и не принимали участия в боевых действиях в начальный период войны. Однако в «Боевом календаре: ежедневнике Отечественной войны 1812 года», содержащем перечень всех боевых столкновений с 4 июня по 31 августа 1812 г., приводятся сведения об участии Иркутского и Сибирского полков в упорных и ожесточенных сражениях уже в первые дни войны.

Согласно данным «Боевого календаря», 17–18 июня 1812 г. бригада Скалона в составе 6-го пехотного корпуса генерала Дохтурова 1-й армии вела тяжелые арьергардные бои против превосходящих сил французской армии при г. Ошмяны и местечке Неменчине Виленской губ.

В начале июля отдельный кавалерийский отряд Скалона в составе Сибирского, Иркутского драгунских полков и вошедшего в его подчинение Мариупольского гусарского полка и батальона 40-го Егерского полка сдерживал врага при переправе через р. Десну, прикрывая отход основных сил армии по большой Витебской дороге. 13–15 июля Иркутский и другие драгунские полки вместе с различными частями 1-й армии под командованием графа П. Палена участвовали в ряде сражений под г. Витебском [9, С. 67–68, С. 148].

Особенно отличились драгуны Скалона при обороне Смоленска, где 5 (12) августа состоялось ожесточенное сражение, длившееся 13 часов. По свидетельству очевидцев, это сражение «было одним из самых упорных, продолжительных и кровопролитных и в этом отношении оно немного уступает

сражению 26 августа при сем Бородине» [9, с. 317]. Оборону города обеспечивал усиленный другими подразделениями корпус генерала Д. Дохтурова, насчитывавший до 30 тыс. чел., которому противостояла более 180 тысячная армия Наполеона. Задачей корпуса стало удержание неприятеля для обеспечения организованного отхода объединенных под Смоленском 1-й и 2-й русских армий.

Во время битвы за Смоленск драгуны А. Скалона вместе с батареей ротой полковника Д. Апушкина защищали позиции у Молоховских ворот в Рачевском предместье крепости, прикрывая отход своей артиллерии и егерей в город. Подвергаясь непрекращающимся атакам конной дивизии Брюйера и корпуса маршала Нея, сибирские и другие полки несли тяжелые потери. Чтобы выиграть время для своевременного отвода русских подразделений А. Скалон предпринял неожиданную для противника контратаку драгунских эскадронов на левый вражеский фланг. Этот отвлекающий маневр сорвал попытку французов с ходу на плечах русских воинов ворваться в Смоленск и позволил обороняющимся сохранить свою артиллерию, занять более выгодную позицию за стенами Смоленского кремля. При выполнении поставленной задачи А. Скалон погиб от разорвавшейся рядом гранаты⁵.

По данным Е. Альбовского, тело генерала было найдено французами 6 августа и погребено по личному приказу и в присутствии Наполеона у Королевского бастиона Смоленской крепости со всеми воинскими почестями. Сто лет спустя по инициативе внуков генерала на месте погребения героя войны 1812 г. будет воздвигнут мраморный обелиск. Добавим к этому, что его потомки – сыновья, внуки и правнуки продолжили ратную и гражданскую службу на благо России, достигнув при этом немалых успехов на военном и другом поприще. Но изучение их жизнедеятельности является уже предметом других исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбовский Е. История Иркутского драгунского полка. Минск, 1902. 342 с.

2. Ростов Н.Д. Земли алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул: Изд-во Алтайского ТГУ, 2005. 296 с.

3. Исупов С.И. Потомки крестоносцев в Байской крепости или Судьба героя 1812 г. // Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины – 20 лет. Барнаул, 2011. С. 22–32.

4. Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 19–35.

5. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. 306 с.

6. Левшин А. Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1. 357 с.

7. Шчекатов А., Максимович Л. Словарь Географический Российского государства. М., 1804. Ч. III. 420 с.

8. Андреев И. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. М.: «Книга по требованию», 2012. 108 с.

9. Боевой календарь: ежедневник Отечественной войны 1812 года // Труды Моск. отд. Императорского Русского военно-исторического общества. М., 2012. Т. 4. 662 с.

REFERENCES

1. *Albovskiy Ye.* History of the Irkutsk Dragoon Regiment. Minsk, 1902, 342 p. (In Russ.)

2. *Rostov N.D.* Faithful Sons of the Altai Land. From the History of Military Valour and Honor of the Siberian Regiments. Barnaul: Altai Technical State University Press, 2005, 296 p. (In Russ.)

3. *Isupov S.I.* Descendants of the Crusaders in the Biysk Fortress or the Fate of a Hero of 1812. *Selected Pages: 20th Anniversary of the Club of Admirers of Antiquity.* Barnaul, 2011, pp. 22–32 (In Russ.)

4. *Ogurtsov A.Yu.* Irtysh Fortified Line. *Kuznetskaya Starina.* Novokuznetsk, 1999, Issue 3, pp. 19–35 (In Russ.)

5. *Eidelman N.Ya.* Edge of Ages. Political Struggle in Russia. Late XVIII – Early XIX Centuries. Moscow: Mysl, 1982, 306 p. (In Russ.)

6. *Levshin A.* Description of Kirgiz-Cossack and Kirgiz-Kaisak Hordes and Steppes. SPb., 1832, part. 1. 357 p. (In Russ.)

7. *Shchekatov A., Maksimovich L.* Geographical dictionary of the Russian State. Moscow, 1804, part III, 420 p. (In Russ.)

8. *Andreev I.* Home Chronicle Written by the Captain Ivan Andreyev in 1789. Moscow: Publishing House “Kniga po trebovaniyu”, 2012, 108 p. (In Russ.)

9. Battle Calendar of the Patriotic War of 1812. *Trudy Moskovskogo Otdela imperatorskogo Russkogo Voennno-Istoricheskogo obshchestva.* Moscow, 2012, vol. 4, 662 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.11.2015

⁵ РГВИА.Ф. 103. Оп. 208. Св. 45. Д. 2. Л. 349 об.

DOI: 10.15372/HSS20150409

УДК 94(47)“19/20”+94(47+57)“19/20”+314(09)

В.А. ЗВЕРЕВ**БЕЛОРУССКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ:
ЕЖЕГОДНЫЙ КРУГ РОЖДАЕМОСТИ, БРАЧНОСТИ И СМЕРТНОСТИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Владимир Александрович Зверев,
д-р ист. наук, профессор,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, Новосибирск, ул. Вилойская, 28
e-mail: sosna232@yandex.ru

Цель статьи – представить методику и раскрыть основные результаты исследования народного демографического календаря, существовавшего на территории Белоруссии в конце имперского периода. Демографическим календарем автор называет стереотипный способ хронологической организации в течение календарного года демографического поведения людей. На основе материалов официальной статистики Российской империи представлено помесечное распределение браков, рождений и смертей в годовом цикле жизни населения белорусских губерний – Гродненской, Минской и Могилевской. Сопоставлены городской и сельский варианты, брачные аспекты православного, католического и иудаистского календарей. Особенности календаря получают объяснение с учетом комплексного воздействия природно-климатического, экономического, социокультурного факторов.

Ключевые слова: белорусы, народный календарь, демографический календарь, демографические события, социальная цикличность, брачность, рождаемость, смертность.

V.A. ZVEREV**DEMOGRAPHIC CALENDAR IN BELARUS: ANNUAL CIRCLES OF FERTILITY,
NUPTIALITY AND MORTALITY (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

Vladimir A. Zverev,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of History of the Siberian Branch SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russia,
e-mail: sosna232@yandex.ru

The objective of the paper is to present the research techniques and to summarize the key findings of the study of the traditional demographic calendar that existed in Belarus during the late imperial period. The author considers demographic calendar as a stereotypic way of arranging demographic behavior of various human communities on a chronological basis within a calendar year. Relying upon the official Russian imperial statistics the author has calculated the annual nuptiality, fertility and mortality cycles in the daily life of the people in several Belarusian provinces – Grodno, Minsk and Mogilyov. The material is represented both in tabular and graphic forms. The author compares urban and rural variants, as well as matrimonial aspects of the Orthodox Christian, Catholic and Judaic calendars. Calendar parameters are explained taking into account the complex influence of many climatic, social, economic and cultural factors. It has been discovered, that at the turn of the XIX – XX centuries monthly and seasonal cycles of demographic events in Belarus followed certain established patterns. Rural and urban calendars were very similar especially when the universal natural (climatic and biological) factors prevailed. Such similarity was also due to the cultural continuity and integration processes. In the time of early urbanization and massive migrations urban culture basically had many typological characteristics of rural culture and vice versa. The urban demographic calendar with its more even monthly distribution of all demographic events contrasted vividly with the rural calendar. Such

difference was due to the fact that natural and agrarian economic cycles less affected the life of urban dwellers while the religious traditions were also weaker among urban population. In general, ethnic and religious variants of regional demographic calendars that had both clear similarities and differences deserve further investigation.

Key words: Belarusians, folk calendar, calendar events, population demographics, demographic social behavior, nuptiality, fertility, mortality.

Народным демографическим календарем автор называет стереотипный способ хронологической организации в течение календарного года демографического поведения представителей различных человеческих сообществ. В качестве составных частей демографического календаря нами выделяются детородный (прокреативный), брачный (матримониальный), жизнеохранительный (витальный), летальный и миграционный календари (см., напр.: [1; 2; 3]). Демографический календарь с его разнообразными аспектами и вариантами является важным проявлением биосоциального образа жизни и культуры любого народа, а также тех многочисленных сообществ, из которых народ состоит.

В данной статье характеризуется одно из ярких проявлений демографического календаря – *помесячное и посезонное распределение основных демографических событий – рождений, браков и смертей – в Белорусском регионе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.* Выбор территории Белоруссии для специального рассмотрения обусловлен стремлением автора внести свой вклад в сотрудничество историков Сибирского отделения РАН и Национальной академии наук Белоруссии. Известно, что уроженцы Белоруссии активно участвовали в развитии восточных окраин России (см., напр.: [4; 5]), однако существующая в литературе характеристика демографической составляющей этого участия явно недостаточна. Необходимо углубленное изучение народонаселенческой ситуации (в частности, демографического поведения людей, формой организации которого выступает демографический календарь) и в Белоруссии, откуда выходили многочисленные мигранты, и в местах их натурализации в Сибири.

В качестве *исторического источника* для расчетов и построения месячных рядов показателей в данном случае используются официальные данные Центрального статистического комитета МВД, опубликованные в повременном издании «Статистика Российской империи». Они восходят к материалу первичного учета фактов рождения, бракосочетания и смерти в метрических книгах церковных общин, поскольку именно церковным структурам имперское законодательство вменяло в обязанность вести такой учет и представлять его результаты в губернские статистические комитеты. В использованных нами выпусках «Статистики...» ежемесячно указано абсолютное количество младенцев, родившихся в конкретном году в городах и уездах (сельской местности), в среде представителей различных конфессий во всех губерниях европейской части страны. Аналогичным образом показано месячное количество заключенных браков и умерших лиц, с распределением их по возрасту.

В расчетах, результаты которых обобщены на рисунке, в табл. 1 и ряде фрагментов текста, учтены сведения из трех губерний, располагавшихся тогда на территории современной Белоруссии – Гродненской, Минской и Могилевской. В этих губерниях, согласно данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., насчитывалось 3727,9 тыс. жителей, что составляло около 70 % населения пяти губерний наиболее компактного проживания белорусов (подсчитано по: [6, с. 9]). Выбранные губернии различались по доле этнических белорусов в населении (Гродненская – 44 %, Минская – более 70, Могилевская – до 85 %), размещались на территории пяти (из шести наличных) белорусских историко-культурных регионов, выделяемых этнографами [6, с. 9–10]). Мы суммировали сведения о демографических событиях, происходивших в течение трех лет – 1898–1900 гг. Все эти обстоятельства делают полученные выводы репрезентативными для всей территории Белоруссии на рубеже XIX–XX вв.

Помесячное и посезонное распределение демографических событий целесообразнее рассматривать, пользуясь *не абсолютными показателями, а вычисленными на их основе относительными*. В табл. 1 и 2, на рисунке показано соотношение количества демографических событий, зафиксированных в разные месяцы при средней величине, принятой за 1000. Известно, что церковная метрическая регистрация имела недостатки, но в данном случае они не мешают увидеть четкое проявление в исчисленных цифровых рядах закономерностей демографического календаря. Далее мы укажем на некоторые из них.

Начнем с *репродуктивного календаря*. Данные табл. 1 свидетельствуют, что рождения в Белоруссии распределялись по месяцам неравномерно. Сильнее был разброс в сельской местности: здесь количественный интервал, внутри которого колеблются месячные величины вокруг их среднеарифметического, равняется 96, а в городах этот показатель (среднее квадратическое отклонение) едва достигает 44. Годовая динамика количества рождений в селениях и городах обладала средним уровнем сходства: коэффициент линейной корреляции между двумя рядами показателей равен 0,56. Обращают на себя внимание: а) пониженная рождаемость в весенне-летний период; б) повышенный ее уровень осенью и зимой, начиная с октября. В сельской местности эта закономерность нарушается дважды: происходил всплеск репродукции в июле и падение ее уровня в декабре. В городах единственное отклонение заключается в позднем спаде рождаемости: в апреле она еще превышала среднемесячный уровень.

Т а б л и ц а 1

**Распределение демографических событий в Белоруссии по месяцам 1898–1900 гг.
(среднемесячная величина принята за 1000)***

Месяц	Рождения в		Браки в		Смерти в	
	селениях	городах	селениях	городах	селениях	городах
Январь	1194	1128	2920	1590	1187	1037
Февраль	1070	1049	2328	1735	1088	951
Март	926	967	62	580	1160	1004
Апрель	832	1002	209	424	1006	963
Май	839	953	1873	1163	873	880
Июнь	902	967	976	962	802	886
Июль	1054	963	984	1034	915	1054
Август	992	943	217	1106	1053	1059
Сентябрь	994	901	331	673	831	947
Октябрь	1212	1018	1221	1110	858	1026
Ноябрь	1045	1018	814	957	966	1006
Декабрь	940	1007	63	663	1260	1184

*Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1898 г. СПб., 1903. (Статистика Российской империи; [вып.] 56). С. 22–23, 30–31, 62, 70, 100–101, 106–109; Движение населения в Европейской России за 1899 г. СПб., 1904. (Статистика Российской империи; [вып.] 58). С. 22–23, 30–31, 62, 70, 100–101, 106–109; Движение населения в Европейской России за 1900 г. СПб., 1906. (Статистика Российской империи; [вып.] 62). С. 22–23, 30–31, 62, 70, 100–101, 108–109.

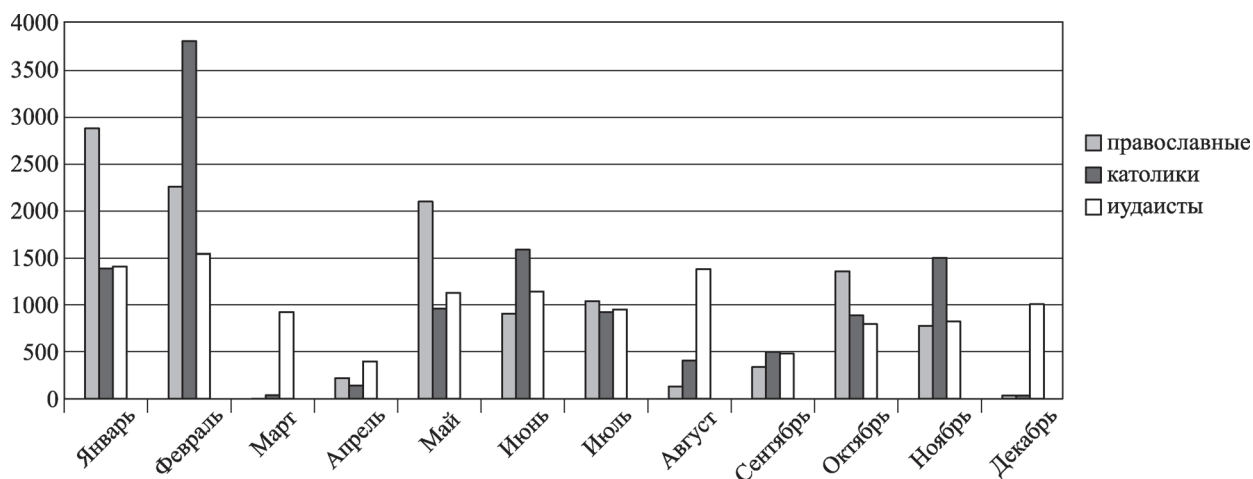
Чтобы объяснить выявленные особенности детородного календаря, обратим внимание на сезонное распределение зачатий, отнеся данные табл. 1 о количестве рождений на девять месяцев назад. Выяснится, что всплеск деревенской рождаемости в июле – следствие брачной и сексуальной активности населения в октябре, после сбора урожая и расширения зоны досуга. Осенне-зимний «детородный бум» происходил вследствие учащения зачатий в зимне-весенний период, начиная с января и с перерывом (в селениях) в марте. На ситуацию здесь положительно влиял тот факт, что в январе – феврале и начале весны крестьяне и горожане имели калорийную пищу в относительном изобилии – это благоприятно сказывалось на их половой активности. В январе – феврале и затем после перерыва в мае играли больше всего свадьбы (см. табл. 1), и новобрачные активно включались в сексуальные отношения. Наконец, разгар весны – время активизации жизнедеятельности человеческого организма, «бурления чувств», и это тоже положительно сказывается на прокреативной сфере. Малое количество рождений весной и летом связано с неблагоприятными обстоятельствами летне-осеннего сезона зачатий. Интенсивными были трудовые усилия и короток досуг: характерно минимальное в году рождение в апреле – мае деревенских детей, зачатых на пике сельскохозяйственных работ в июле – августе предыдущего года. Скуден был пищевой рацион в начале этого сезона – к Петровскому посту истощались запасы предыдущего года. Наконец, учтем наличие летом и осенью трех многодневных православных постов – Петровского, Успенского и Рождественского (в его начале).

Влияние религиозных постов на детородный календарь заслуживает особого внимания. Историк

Б.Н. Миронов объяснил низкий уровень рождаемости православного населения в декабре по сравнению с соседним январем и, соответственно, зачатий – в марте по сравнению с апрелем действием двух факторов: а) биологического (в начале весны у женщин снижается способность к оплодотворению примерно на 14 %); б) религиозного (обычно весь март захватывает строгий Великий пост, когда церковь требует от своих адептов полового воздержания). Применив методику расчетов, предложенную Б.Н. Мироновым [7, с. 232–233], мы высчитали долю в Белоруссии брачных и иных сексуальных пар, строго придерживавшихся абстиненции в период Великого поста. Таковых оказалось около 7 % в православном населении (суммарно сельском и городском), как и в населении уездов – преимущественно православном, но включавшем в себя и представителей других конфессий¹. Это вдвое меньше, чем в православном и чем в сельском населении всей Европейской России [7, с. 233]. В белорусских городах разница рождаемости в декабре и январе укладывается в пределы биологической нормы. Это означает, что на рубеже XIX–XX вв. горожане детородного возраста вовсе не соблюдали церковное требование сексуальной абстиненции в период Великого поста.

Данные табл. 1 относительно *матримониального календаря* показывают, что браки в Белоруссии распределялись по календарному году гораздо более неравномерно, чем рождения. Среднее квадратическое отклонение в динамическом «сельском» ряду показателей

¹ Подсчитано по: Движение населения... за 1898 г. С. 22–23, 30–31; Движение населения... за 1899 г. С. 22–23, 30–31; Движение населения... за 1900 г. С. 22–23, 30–31.

Количество браков, заключенных представителями основных конфессий Белоруссии в различные месяцы 1898–1900 гг. (средняя для конфессии величина принята за 1000)²

равняется в данном случае 723, а в «городском» – 289. При этом наблюдается высокая степень сходства помесячного распределения браков в городах и уездах: коэффициент линейной корреляции двух рядов достигает 0,89.

«Свадьбы у крестьян бывают чаще [всего] осенью, когда собран хлеб и закончены все полевые работы» – подобное утверждение нередко встречается в этнографических описаниях быта белорусов (цит. по: [8, с. 525]). Высказываются также мнения о популярности в белорусской традиции свадеб на Петров день – в июне по старому стилю («К Петру и дочку отберу...»), о нежелании играть свадьбы в мае. Однако привлеченные нами массовые статистические данные слабо согласуются с такими представлениями. В табл. 1 бросается в глаза доминирование уровня свадебной активности в январе – феврале, когда в городах заключалось 27,7 % всех браков, а в селениях – 43,7 %. На втором месте по количеству свадеб в годовом цикле в селениях и городах стоял май, только на третьем – октябрь. К середине зимы в деревнях и малых городах продажа хлеба и мяса давала денежные средства, необходимые для свадебных гуляний, к весне в семью жениха ждали новую молодую работницу. В городской среде имела значение возможность закупить зимой дешевые продукты для свадьбы. Майский всплеск брачной активности был связан с окончанием весеннего цикла хозяйственных работ, с переживанием пика расцвета природы на переходе к лету. Наконец, октябрь – тот месяц, когда крестьяне заканчивали уборочные работы, создавали продовольственные запасы и высвобождали время для пиров.

Разумеется, брачный календарь в изучаемый период в сильной степени определялся культурны-

ми и особенно религиозными традициями разных групп населения. На помещенной выше гистограмме (см. рисунок) отражено годовое распределение браков, заключенных представителями основных этноконфессиональных категорий населения Белоруссии – православных (в основном белорусов и русских), католиков (по большей части поляков, литовцев) и евреев-иудаистов.

Гистограмма позволяет отметить и общие черты, и особенности трех конфессиональных матримониальных календарей. Видно, например, что и православные, и католики, и иудаисты предпочитали заключать браки в январе – феврале – в относительно сытое и свободное время. Апрель и сентябрь – месяцы больших хозяйственных забот – для всех конфессий были временем слабой брачной активности. У католиков и православных общей чертой являлось полное отсутствие свадеб в марте и декабре, когда их не венчала христианская церковь. Для иудаистского календаря характерно наиболее равномерное по месяцам года распределение браков. Православных в населении Белоруссии было абсолютное большинство, поэтому конфигурация их матримониального календаря решающим образом определяла брачный календарь всего населения региона, отраженный в табл. 1.

Белорусский *летальный календарь* конца имперского периода демонстрирует гораздо более высокую, чем брачный календарь, хотя и меньшую, чем прокреативный, степень сходства рядов помесячных показателей в городах и уездах. Коэффициент линейной корреляции достигает здесь 0,74. Смертность по месяцам и сезонам распределялась не столь равномерно, как рождаемость, но гораздо равномернее, чем брачность. Среднее квадратическое отклонение в ряду летальности сельских жителей составляло 125, в ряду горожан – 62.

Самый заметный феномен – повышенная смертность в холодное время года. В уездах он длился с де-

² Подсчитано по: Движение населения... за 1898 г. С. 62, 70; Движение населения... за 1899 г. С. 62, 70; Движение населения... за 1900 г. С. 62, 70.

кабря по апрель, на эти месяцы приходилось 47,5 % всех летальных событий. В городах «смертоносный» сезон был выражен слабее, начинался уже в октябре, но заканчивался к февралю, давая рецидив еще и в марте. В годовом круге имел место еще один, более слабый и короткий всплеск смертности – в конце лета. В городах он охватывал июль и август, в селениях – только август. Самыми безопасными для жизни белорусов периодами года были переход от весны к лету (май – июнь) и начало осени (сентябрь, а в уездах – еще и октябрь).

Отмеченные годовые минимумы объяснить нетрудно. В моменты своего цветения в начале лета и «золотой» осенью природа благоприятствует физическому и психологическому здоровью людей. К тому же на май – июнь и сентябрь, как мы установили выше (табл. 1), в Белоруссии приходились сезонные спады рождаемости. В условиях традиционного режима смертности, когда множество младенцев умирало вскоре после своего появления на свет, малое число родившихся являлось залогом и небольшого количества умерших.

Чтобы более детально объяснить сезонные подъемы и спады летальности, мы разделили всех умерших на несколько возрастных групп и выявили особенности летального календаря у каждой из них (табл. 2).

В привлеченных нами источниках за 1898–1900 гг. нет сведений о смертности городского и сельского населения по возрастам, и нам пришлось воспользоваться соответствующими данными за 1909–1911 гг., помещенными в специальном выпуске «Статистики Российской империи». Поэтому в табл. 2 столбцы А и В показывают соотношение количества сельских и городских младенцев, умерших в 1909–1911 гг. В столбце С и остальных колонках помещены данные

об умерших в 1898–1900 гг., суммарно в уездах и городах. Таблица содержит сведения, относящиеся только к Минской губернии. Эта губерния занимала центральное положение в регионе, в ней проживало 30,2 % населения пяти собственно белорусских губерний (подсчитано по: [6, с. 9]), были представлены различные этноконфессиональные сообщества, поэтому минский демографический календарь репрезентативно отражает положение дел во всей Белоруссии.

Изучая табл. 2, нетрудно заметить, что всплеск смертности во всем населении, приходящийся на август, был связан с летним (июль – август) максимумом смертности, существовавшим и в городах, и в уездах у младенцев, не достигших одного года. Аномально высокая, хотя и не максимальная в годовом цикле, августовская смертность сохранялась также в многолюдных группах детей, подростков и молодежи (возрасты от 1 до 20 лет), что не могло не сказаться на итоговых для всего населения показателях. «Вымирание» юных белорусов происходило на излете лета в основном в результате ежегодных эпидемий дизентерии и других заразных болезней. Распространение эпидемий преимущественно в июле – августе объясняется климатическими условиями теплого сезона, недосмотром за младенцами со стороны матерей, занятых полевыми и огородными работами, скудостью питания до созревания нового урожая, употреблением в пищу незрелой и немойтой зелени. Наконец, следует учитывать всплеск деревенской прокреации в июле, о котором упоминалось выше: рождаясь, многие младенцы вскоре умирали.

Разумеется, максимальная для всего населения летальность периода с декабря по апрель была производной от наибольшего уровня смертности именно в эти месяцы, существовавшего в нескольких возрастных

Т а б л и ц а 2

**Распределение смертности населения различного возраста по месяцам в Минской губернии
(среднемесячная величина принята за 1000)***

Месяц	Младше одного года			1–4 года	5–19 лет	20–54 лет	55 лет и старше	Все возрасты
	А	В	С					
Январь	1157	897	1110	1193	1080	1182	1458	1203
Февраль	972	887	1012	1192	1140	1100	1301	1132
Март	968	862	1027	1214	1165	1210	1361	1174
Апрель	920	937	901	1037	1151	1070	1075	1015
Май	950	1185	845	843	872	898	996	884
Июнь	1050	1395	933	791	916	902	538	821
Июль	1218	1223	1190	1001	1054	811	541	952
Август	1099	1138	1238	1141	1098	865	922	1084
Сентябрь	886	987	862	892	895	824	640	824
Октябрь	829	850	833	801	810	982	808	843
Ноябрь	925	834	871	761	845	958	1133	908
Декабрь	1026	790	1178	1135	970	1197	1225	1160

*Подсчитано по: Движение населения... за 1898 г. С. 196–197; Движение населения... за 1899 г. С. 196–197; Движение населения... за 1900 г. С. 196–197; Смертность младенцев в возрасте от рождения от одного года в 1909, 1910 и 1911 гг. в Европейской России. СПб., 1914. (Статистика Российской империи; [вып.] 82). С. 4–7, 38–41, 72–75.

группах, начиная с одного года и достигая пика в группе пожилых и старых людей. Заметный даже на этом фоне всплеск смертности в марте тоже складывался в возрастных группах старше одного года. Теплое полугодие с мая по октябрь, губительное для младенцев, неблагоприятное для жизни детей и молодежи, у старших возрастных групп, начиная с 21 года, было временем относительного витального благополучия.

Зимой факторами, повышавшими смертность, являлись неблагоприятные природно-климатические условия сезона, но главное – скученность членов относительно многолюдных тогда семей в тесных и душных жилых помещениях. Большинство населения, особенно сельского и в среде городской бедноты, обитало в жилищах с одной отапливаемой комнатой, которая зимой служила для домашнего досуга, промысловых занятий и ночного сна. «Темные тона глинобитного пола, стен, закопченного потолка», сон впопалку на полатах и лавках, содержание в хате приплода домашнего скота (см., напр.: [6, с. 240–246]), – в такой обстановке дети легко заражались оспой, корью, скарлатиной, взрослые – тифозной «горячкой» и пр. В начале весны перепады температуры и частые холодные ветры усиливали опасность простуды: для подростков и взрослых наступал сезон хозяйственных работ, дети дольше играли на улице.

Подводя итоги, констатируем плодотворность рассмотрения народного демографического календаря для описания и понимания не только процессов воспроизводства населения, но и ряда важных сторон культуры и образа жизни белорусов. Помесячное и посезонное распределение демографических событий у них на рубеже XIX–XX вв. подчинялось довольно строгим закономерностям. Имела место тесная связь ряда параметров детородного, брачного и летального календарей. Эти факты находят объяснение с позиций многофакторного подхода, учитывающего влияние природных, экономических и культурно-религиозных условий народной жизни. Имело место большое сходство сельского и городского календарей, особенно там, где важную роль играли универсальные климатические и биологические факторы. Сходство объясняется также культурной преемственностью и интеграционными процессами: в эпоху ранней урбанизации и массовых миграций немало типологических характеристик деревенской культуры вошли в фундамент культуры городской, но нарастало и обратное влияние. Ярким отличием городского демографического календаря от сельского являлось более равномерное помесечное распределение в нем всех событий, которое можно объяснить меньшим влиянием на образ жизни горожан природных и аграрно-хозяйственных циклов, ослаблением

в городах культурно-религиозных традиций. Вообще же этнические и конфессиональные варианты регионального демографического календаря наряду с чертами сходства имели и яркие своеобразные черты, которые заслуживают специального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверев В.А. Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 306–309.
2. Зверев В.А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН; Параллель, 2008. С. 96–112.
3. Зверев В.А. Семейный демографический календарь Русского Севера на рубеже XIX–XX вв.: связь сельского и городского вариантов // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск: ГИАиЭМЗ «Кижичи», 2003. С. 174–177.
4. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. / отв. ред.: М.П. Костюк, В.А. Ламин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН; Ин-т истории НАНБ; НГУ, 2001. 240 с.
5. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шихикин В.Г. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 1. С. 186–189.
6. Белорусы / отв. ред.: В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М.: Наука, 1998. 503 с.
7. Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб.: Изд. дом СПбГУ: Интерсоцис, 2009. 536 с.
8. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / науч. ред. А.В. Титовец. Мн.: Беларус. навука, 2013. 579 с.

REFERENCES

1. Zverev V.A. Popular demographic calendar as a subject of the socio-historical study. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri*. Barnaul: Pub. House ASU, 2002, pp. 306–309 (In Russ.)
2. Zverev V.A. Siberian demographic calendar: sub-regional and settlement versions in the second-half of the XIX – early XX century. *Gosudarstvo i obschestvo Sibiri XVII–XX vekov*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS: Parallel', 2008, pp. 96–112 (In Russ.)
3. Zverev V.A. Family demographic calendar of the Russian North at the turn of the XIX–XX centuries: interconnection of the rural and urban versions. *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa*. Petrozavodsk: SHAEMP “Kizhi”, 2003, pp. 174–177 (In Russ.)
4. Essays on the History of Belorussians in Siberia in the XIX–XX centuries / ed. by M.P. Kostyuk, V.A. Lamin. Novosibirsk: Institute of History SB RAS; Institute of History NASB; NSU, 2001, 240 p. (In Russ.)
5. Mamsik T.S., Mainicheva A.Yu., Shishikin V.G. Belorussians. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri, 2010, vol. 1, pp. 186–189 (In Russ.)
6. Belorussians / ed. by V.K. Bondarchik, R.A. Grigor'eva, M.F. Pilipenko. Moscow: Nauka, 1998. 503 p. (In Russ.)
7. Mironov B.N. Historical Sociology of Russia. SPb.: Pub. House of the SPbSU: Intersotsis, 2009, 536 p. (In Russ.)
8. Traditional culture of Belorussians over time and space / ed. by A.V. Titovets. Minsk: Belarus. Navuka, 2013, 579 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150410
УДК 94 (47).083

П.П. РУМЯНЦЕВ

**ОБЩЕСТВО ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ
ГОРНЫХ И ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛОВ:
ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ***

Петр Петрович Румянцев,
канд. ист. наук, доцент,
Томский государственный университет,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
e-mail: petroom@mail.ru

Исследуется история возникновения и деятельности в Томске Общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов, которое фактически не изучено в отечественной исторической науке. Указанное общество играло важную роль в социальной поддержке работников золотопромышленных организаций Западной Сибири и являлось первой подобной организацией не только в золотопромышленности, но и в других отраслях промышленности в Сибири. Материалы общества (в первую очередь официальные ежегодные отчеты о его работе) позволяют ознакомиться социально-сословным происхождением, материальным положением и другими характеристиками рабочих и служащих сибирской золотопромышленности.

Ключевые слова: Сибирь, XIX – начало XX в., золотопромышленность, приисковые рабочие и служащие, пенсионное обеспечение, Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов.

P.P. RUMYANTSEV

**“SOCIETY FOR ASSISTANCE TO GOLD MINE WORKERS AND EMPLOYEES”:
HISTORY OF ACTIVITY**

Peter P. Rumyantsev,
Candidat of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University,
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia,
e-mail: petroom@mail.ru

In the article the object of research is the history of creation and activities of the Tomsk “Society for Assistance to Gold Mine Workers and Employees”. This society played an important role in social support for the population in the mining regions of Western Siberia. It was the first such organization not only in the gold mining sector, but also in other industries of Siberia. The materials of Society (first of all, the official annual reports) allow to investigate the social-economic status of workers and employees of the Siberian gold mining (social origin, marital status, financial status, etc.), and that is one of the reasons to comprehensively study it and to explain why it has not been subject of the Russian historians’ scrutiny.

Based on the analysis of the materials related to the society’s activities the author concluded that peasants and citizens prevailed among the workers of gold mining enterprises in Siberia at the turn of XIX–XX centuries. That was characteristic of the early period of gold mining development in Siberia. The author also comes to conclusion about professionalization of the main categories of gold mine workers in Western Siberia as many of them had a long record of service in gold production. This fact was also indicative of creation of a pool of competent local expertise with many decades of work experience in gold industry. The other conclusion is that the financial status of gold mine workers and employees in Siberia was very low, as was the level of their social welfare. Therefore many of them applied to the Society for personal pensions or for sickness, invalidity or survivors benefits. Due to the limited funds of the Society and a large amount of people wishing to become its pensioners the board granted small pensions (3–5 rubles per month) that could not fully supply the needs of the pensioners.

Key words: Siberia; XIX – early XX century; gold mining; mine workers and employees; provision of pensions; Tomsk “Society for Assistance to Gold Mine Workers and Employees”.

*Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Степень социальной защиты работников промышленной сферы в дореволюционной России, как известно, находилась на крайне низком уровне. Тяжелые условия труда, большая продолжительность рабочего дня, отсутствие законов по охране труда заставляли работников самим выступать инициаторами улучшения своего социального положения, в том числе добиваться открытия пенсионных касс и подобного рода организаций по социальной поддержке. В качестве одной из таких организаций можно считать возникшее в Томске в самом конце XIX в. Общество вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов.

Необходимо отметить, что история деятельности указанного общества до сих не удостоивалась пристального внимания отечественных исследователей. Из работ, посвященных истории функционирования общества, следует назвать обобщающие публикации известного в дореволюционное время горного инженера А.А. Колычева [1] и А.Ю. Ижендеева [2]. Материалы общества, а точнее, прошения приисковых рабочих на назначение им пенсий в качестве источника по истории формирования рабочего класса были рассмотрены В.П. Зиновьевым [3]. На этом историография истории общества исчерпывается. В данной статье будет исследована история возникновения и функционирования названного общества на основе его отчетов и материалов, хранящихся в Государственном архиве Томской области.

История Общества вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов (далее по тексту – общество) берет свое начало 30 октября 1894 г. В этот день в здании Общественного собрания г. Томска состоялось торжественное открытие данного общества, присутствовало 45 чел., пожелавших стать его членами. Окружной инженер Томского горного округа В.С. Реутовский, один из главных инициаторов создания общества, в своей речи озвучил основную цель его деятельности – консолидация усилий различных лиц для оказания помощи тем рабочим-горнякам, кто более не имеет возможности трудиться из-за увечья, болезни или старости¹. Возникновение общества именно в Томске не было случайностью. Город с 1888 г. являлся центром Томского горного управления, в чью компетенцию входил надзор за горной и золотой промышленностью на территории всей Западной Сибири, а также северных и центральных районов современного Казахстана. Следовательно, Томск являлся своеобразным центром, «столицей» золотопромышленности Западной Сибири и где, как ни здесь, было возможно открытие такого общества.

В скором времени положение служащих среднего и нижнего звена на золотопромышленных предприятиях, которое мало чем отличалось от экономического и юридического положения рабочих, заставило золотопромышленников поднять вопрос о распространении деятельности общества на служебный персонал золо-

тых промыслов. Так, правление общества, обращаясь к окружному инженеру Томского горного округа, писало: «...согласно новому уставу общество распространило свои действия и на мелких приисковых служащих, положение которых при потере здоровья и сил часто бывает также тяжело, как и положение рабочих, и также требует нередко безотлагательной помощи»². На II съезде золотопромышленников Томского горного округа в декабре 1898 г. было принято следующее решение: 1) желательнее расширить деятельность Томского общества вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов, распространив ее также и на служащих этих промыслов; 2) капитал, образовавшийся к 1 января 1899 г., выделить особой статьей и назначить из него пособия только рабочим; пособия же служащим и рабочим вместе должны производиться из фонда, имеющего образоваться после 1 января 1899 г.; 3) назначение пособий служащих предоставить в каждом отдельном случае правлению, как это имеет место в отношении к рабочим³.

В 1899 г. вступил в силу новый устав общества, где в качестве главных задач назывались следующие: снабжение одеждою, пищею и приютом нуждающихся тружеников горных и золотых промыслов, выдача им при тяжелых жизненных обстоятельствах денежных пособий; устройство для них особых убежищ; излечение увечных, оказание пособий их семействам; содействие страхованию названных категорий лиц в страховых обществах от несчастных случаев [1, с. 55].

Вскоре после возникновения в Томске этого общества стали появляться его комитеты в различных горных округах, находившихся в составе Томского горного управления. Так, в 1898 г. действовало уже 10 комитетов общества: 7 – в Томском горном округе, 2 – в Семипалатинско-Семиреченском и 1 – в Северно-Енисейском горных округах⁴. Однако в дальнейшем наблюдалось сокращение количества комитетов, что было вызвано в первую очередь ухудшением финансового положения общества, и в 1913 г., помимо главной конторы общества в Томске, действовало уже 5 комитетов – Тисульский, Алтайский, Усть-Каменогорский, Енисейский и Минусинский.

Для членства в составе обществе требовалось делать ежегодные взносы в размере от 5 руб. Для получения звания почетного члена общества необходимо было выполнение одного из следующих условий: единовременное внесение в кассу общества 500 руб.; добровольное взятие на себя лечения увечного приискового рабочего, а также содержание его семьи, при этом лечение и содержание должно было составлять не менее 500 руб.; внесение на сумму не менее чем 1000 руб. особых улучшений в быту ра-

² Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1899 г. Томск, 1900. С. 33.

³ ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.

⁴ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1897/98 г. Томск, 1899. С. 3.

¹ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 423. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

**Общество вспомоществования рабочим и служащим золотых и горных промыслов:
основные показатели деятельности***

Год	Количество членов общества	Численность пенсионеров		Суммы выданных пособий	Доходы общества руб.	Расходы общества руб.
		Рабочих	Служащих			
1895	184	5	–	353,67	–	–
1896	230	17	–	891	–	–
1897	199	29	–	114,96	–	–
1898	145	46	–	2231,11	–	–
1899	167	80	–	2121,39	2951,34	2159,77
1900	164	94	8	3109,59	4602,87	3308,31
1901	148	115	7	4317,89	–	–
1902	135	129	5	6016,23	6047,18	6173,28
1903	103	118	5	4228,25	3976,76	4113,26
1904	125	97	5	3801,35	3283,14	3910,63
1905	67	67	5	2205	2483,8	2226,85
1906	122	72	5	2679	3257,27	3123,3
1907	83	84	4	2952,09	2818,03	3317,85
1908	88	76	4	2691	2535,99	3010,65
1909	98	62	4	2056	2710,92	2379,33
1910	75	63	4	2262	1960,44	2512,81
1911	80	62	5	2427	2386,37	2739,25
1912	83	66	7	2703	2717,01	3037,68
1913	77	70	7	2845	2507,47	3135,24

*Источники подсчета: Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1900 г. Томск, 1901. С. 4, 21; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1902 г. Томск, 1903. С. 4, 19–32; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1906 г. Томск, 1907. С. 4, 5; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1909 г. Томск, 1910. С. 4; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1913 г. Томск, 1914. С. 4; ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 6. Л. 17; Ф. 433. Оп. 1. Д. 184. Л. 366, 41в, 456, 566.

ботников золотых промыслов, как, например, улучшение жилищных условий, пищевого довольствия, снижение цен на товары и припасы, продаваемых из приисковых магазинных заведений, увеличение размера заработной платы работников, устройство церковей, читален и школ на своих предприятиях [1, с. 55]. Из приведенных данных (см. таблицу) видно, что количество членов общества начинает сокращаться в начале XX в. Скорее всего, это было обусловлено ухудшением социально-экономического положения российского общества из-за Русско-японской войны и Первой российской революции 1905–1907 гг., отодвинувших на задний план вопросы, связанные с благотворительной и попечительской деятельностью. Всего за 20 лет членами общества состояло 2373 чел., в среднем – по 125 чел. в год.

Почетными членами общества в разные годы являлись: представитель известной династии сибирских золотопромышленников Н.В. Асташев (в 1895 г. он одновременно внес 500 руб.), горные инженеры Н.С. Боголюбский, Н.А. Денисов, В.С. Реутовский, военные губернаторы Акмолинской и Семиреченской областей, губернаторы Томской и Енисейской губерний. Самый большой уставной взнос внесла Варвара Петровна Кельх, внучка знаменитого иркутского купца

и мецената И.И. Базанова, которая прославилась широкой благотворительной деятельностью. Так, в 1895 г. она сделала взнос в общество в размере 1000 руб. В число почетных членов входил Кабинет его Императорского Величества, который всегда вносил значительную плату в кассу общества: в 1895 г. – 500 руб., 1897 г. – 600, с 1899 г. по 1901 и 1907 г. – по 300 руб.⁵

Основными источниками поступления доходов общества были членские взносы, пожертвования от различных лиц и организаций, от устройства благотворительных и массово-культурных мероприятий, от продажи печатной продукции по золотопромышленному делу, в том числе книг для записи добытого золота, доходы от ценных бумаг, а также проценты от размещенного в банках капитала (сведения о доходах общества представлены также в таблице). Самым крупным можно назвать пожертвование одного из «отцов-основателей» общества – горного инженера В.С. Реутовского, который в 1900 г. внес в кассу общества 10 400 руб., – эту сумму он получил за изданные свои произведения по горному и золотопромышлен-

⁵ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1902 г. Томск, 1903. С. 19–32; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1907 г. Томск, 1908. С. 19.

ному делу⁶. Анализ основных статей дохода общества за указанные годы показывает, что членские взносы составляли 25 % от общей суммы дохода, пожертвования от рабочих и служащих золотопромышленных предприятий – 20 %. Данные свидетельствуют о широком сочувствии различных категорий приисковых работников из самых разных уголков Сибири деятельности общества, а также о понимании ими, что пенсионером этого общества может оказаться любой их них. К сожалению, этого нельзя сказать о самих золотопромышленниках, которые не спешили делать крупные пожертвования в кассу общества и, как справедливо отмечал горный инженер А.А. Колычев, «...[взносы золотопромышленников] так мизерны, что ни слова не могут сказать в оправдание холодности “таежных владык”» [1, с. 56].

Капитал общества в первые годы его деятельности постоянно увеличивался и к 1899 г. достиг 22 490,08 руб. Правление общества объясняло этот факт небольшим количеством рабочих, пользовавшихся пособиями и пенсиями, а, значит, низкими расходами. Но с каждым годом число пенсионеров в составе общества увеличивалось, соответственно, это вело к увеличению расходов и сокращению капитала в связи со снижением доходов. Такая ситуация заставила правление общества пойти на создание неприкосновенного капитала (ежегодно на эти цели выделялось 10 % отчислений от доходов), который мог быть использован в случае непредвиденных расходов и крайне неблагоприятной для общества финансовой ситуации. В 1913 г. расходный капитал снизился до 13 628,36 руб., а неприкосновенный капитал составил 11 900,17 руб. (помимо этого в кассах комитетов общества числилось еще 795,57 руб.)⁷

В статьях расхода помимо выплаты денежных пособий пенсионерам общества также значились почтовые и канцелярские расходы, отчисления в запасной капитал общества. В отчетах общества нигде не зафиксированы расходы на содержание правления как самого общества, так и его комитетов, из чего можно сделать вывод, что руководство обществом осуществлялось не на коммерческой основе, а исключительно на общественных началах.

Общие суммы расхода общества также приведены в таблице. Расходы за указанные годы составили 42 012,97 руб. (в среднем за год – 3000,92 руб.). При сравнении дохода/расхода видно, что только в первые годы деятельности общества его баланс был положительным и доходы превышали расходы. Затем начался рост расходов, вызванный увеличением числа пенсионеров общества (что объясняется растущей популярностью общества в среде приисковых тружеников). Вследствие этого правление общества вынуждено было уменьшить размер выдаваемых пособий,

пересмотреть списки пенсионеров, исключив из них тех, чье имущественное положение уже было улучшено. Большинство обратившихся в правление за пенсиями зачислялись только кандидатами в пенсионеры общества⁸. Так, в выдаче пособий или единовременных выплат отказали: в 1906 г. 7 чел. по проверке их материального положения, 6 – по недостатку средств, 6 – по другим причинам; в 1907 г. по этим же причинам соответственно: 3, 2 и 2; 1908 г. 4 – после проверки материального положения, 3 – по другим причинам; в 1909 г. 3 – по проверке материального положения, 3 – по другим причинам; в 1913 г. 2 чел. – по проверке материального положения, 1 – по другой причине⁹. Всего за указанные годы отказ получили 42 просителя, что составляет 10,8 % от общего числа пенсионеров общества в эти годы (388 чел.).

В нашем распоряжении имеются полные данные о количестве пенсионеров в составе общества с момента его основания (1894 г.) и до 1914 г.: они представлены в таблице (при этом следует учитывать, что только с 1900 г. деятельность общества распространилась на служебный приисковый персонал и только тогда у них появилась возможность получать пенсии и пособия). Таким образом, за указанные годы пособия получило 1420 чел., из них – 1352 рабочих (95,2 %) и 68 представителей служебного персонала золотопромышленных предприятий (4,8 %). Таким образом, в среднем ежегодно пенсионерами общества числилось 71 рабочий и 5 служащих.

При определении доли получавших пособия рабочих и служащих от общего числа работников, задействованных на золотопромышленных предприятиях Западной Сибири, необходимо привести следующие данные. По нашим подсчетам, с 1895 по 1913 г. на приисках всех горных округов Томского горного управления среднегодовое количество рабочих составляло 16 044 чел. [4, с. 231–233]. Если же сопоставить число получавших пособия рабочих и общее количество рабочих за указанные годы, можно увидеть, что только 0,44 % рабочих получали пособия, являлись пенсионерами общества, т. е. это очень низкий показатель. Что касается представителей служебного персонала, то данные за указанный период времени выглядят следующим образом: в среднем за год количество служащих за указанный период времени составляло 1 334 чел. (т. е. 8,3 % от числа рабочих за эти же годы), из них пенсии и пособия в указанном обществе получало 5 %.

Пенсионерам общества выплачивались ежемесячные пенсии или же единовременно выдавались денежные пособия по заявлениям, которые рассматривало правление общества. При этом нужно отметить,

⁸ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1903 г. Томск, 1904. С. 4.

⁹ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1906 г. Томск, 1907. С. 5; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1907 г. Томск, 1908. С. 4; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1908 г. Томск, 1909. С. 4; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1909 г. Томск, 1910. С. 4; Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1913 г. С. 4.

⁶ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1900 г. Томск, 1901. С. 21.

⁷ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1913 г. Томск, 1914. С. 3.

что после смерти пенсионера его ближайшие родственники, в первую очередь вдовы, при подаче прошений имели право получать пособие за умершего. Для получения пособия необходимо было подать заявление в общество, указав краткие сведения о просителе пособия, причину, по которой он обращается в правление общества за пособием, а также документы, подтверждающие информацию о просителе (справки золотопромышленников или их управляющих).

Перед принятием решения о выдаче пособия правление могло отправить просителя на медицинскую комиссию для освидетельствования его физического здоровья. Как правило, такие осмотры проводили медицинские работники Томского императорского университета (нередко профессора). И не всегда решение выносилось в пользу просителя.

Из приведенных в таблице сведений о сумме выданных пенсионерам общества пособий можно увидеть, что за почти 20 лет деятельности общества пособий было выдано на сумму 50 005,53 руб., в среднем по 2 631,87 руб. в год. Если эту сумму поделить на общее количество пенсионеров за все указанные годы, то получится, что в среднем одному пенсионеру было уплачено 35,2 руб. – сумма, конечно, весьма незначительная. Ежемесячная выплата пенсионеру в среднем составляла 3–5 руб. Довольно редко практиковалась выдача единовременной суммы. Так, из отчета общества за 1902 г. следует, что из выделенных в качестве пособия 6016,23 руб. только 76 руб. (1,2 %) были выданы в качестве единовременных выплат 7 просителям¹⁰.

Списки пенсионеров общества позволяют судить о социально-экономическом положении работников золотопромышленной сферы. Так, пенсионерами общества с 1 ноября 1894 г. по 2 апреля 1899 г. состояло 85 чел., в том числе вдовы членов общества. Средний возраст тех, кто его указал (32 чел.), – 66 лет, а средний приисковый стаж (50 чел.) составлял 24 года. Самым пожилым пенсионером можно считать некоего Кожевникова, возраст которого на момент зачисления в общество в качестве пенсионера достиг 93 года, причем 29 лет он провел на приисках. Причиной выдачи ему пособия стал хронический ревматизм, а размер его ежемесячного пособия составлял 3 руб. Самым молодым участником был некто Ивашкин Виктор, которому исполнилось 35 лет и который одновременно получил от общества 10 руб. Самый большой приисковый стаж зафиксирован у Огляневского (75 лет от роду) – 50 лет стажа. Он получал пособие по причине «дряхлости» – по 4 руб. ежемесячно (всего за указанный период ему выплачено 108 руб.)¹¹.

Причины выдачи пособий («причина неспособности к труду») можно распределить следующим образом: ушибы, вывихи, переломы конечностей – 18 случаев; старость/дряхлость – 16 случаев; ревматизм – 8,

проблемы со зрением – 8; болезнь легких или порок сердца – 5; грыжа – 5; паралич – 4; воспаление спинного мозга – 2; рак – 1 (еще у 15 чел. не указано причин выдачи и 21 пенсионер – вдовы рабочих, служащих). Скорее всего, это были наиболее распространенные болезни приискового населения, приводившие к потере трудоспособности.

Второй список пенсионеров указан на 1 января 1903 г. К этому времени в составе общества числилось 118 чел. Средний возраст тех, кто указал его (50 чел.), составлял 64 года, а стаж работы на золотопромышленных предприятиях – 26 лет (учитывались только те, кто с точностью до года указал свой стаж – 53 чел.). Среди пенсионеров по-прежнему самым пожилым был упомянутый Кожевников, которому в 1902 г. исполнилось 97 лет (из этого же отчета следует, что он состоял в обществе с февраля 1898 г.). Самым же молодым пенсионером стал Кузьма Салмин – крестьянин Томского уезда, которому на момент вступления в общество в качестве пенсионера (июнь 1899 г.) исполнилось 27 лет. Получал он 4 руб. ежемесячно по причине хронического ревматизма.

На примере списка пенсионеров общества за вышеуказанный год можно определить и социальное происхождение работников золотопромышленной сферы Сибири, а именно: крестьян было 45 чел., «ссылных элементов» – 19, мещан – 15. Как видим, сословное происхождение работников золотопромышленной сферы Сибири не претерпело существенных изменений по сравнению с более ранними годами развития золотопромышленности Сибири.

Этот отчет позволяет выявить также географию происхождения работников золотопромышленной сферы Сибири. Большинство пенсионеров были уроженцами Томской губернии – 43 чел., далее шли выходцы Енисейской губернии – 22 чел., из Тобольской губернии – 6 чел. Интересно, что из европейской части России в обществе состоял только один пенсионер, вернее, его вдова – Коняева Евгения – вдова нарядчика, крестьянина из Билимбаевского завода из г. Пермь¹². Можно сделать вывод, что и в начале XX в., как и в середине XIX в., большинство приисковых работников являлись уроженцами Сибири. С момента основания общества (1894 г.) и до начала 1903 г. из состава общества по различным причинным убыло 90 чел.

Таким образом, сведения о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов являются важным источником, позволяющим судить о социально-экономическом положении работников золотопромышленных предприятий Сибири. Отчеты общества легли в основу выводов таких историков, как В.И. Семейский, В.П. Зиновьев, С.Ф. Хроленок и др., о доминировании крестьян и мещан среди приисковых тружеников. Большой рабочий стаж пенсионеров общества свидетельствует о профессионализации основных ка-

¹⁰ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1902 г. Томск, 1903. С. 4.

¹¹ Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1897/98 г. Томск, 1899. Таблица.

¹² Томское общество вспомоществования... Отчет... за 1903 г. Томск, 1904. С. 41–49.

тегорий работников золотопромышленной сферы Западной Сибири и позволяет говорить о формировании на рубеже XIX–XX вв. профессиональных кадров местной золотопромышленности, проработавших в этой сфере не один десяток лет. Сведения о функционировании общества демонстрируют низкую степень социальной защиты работников золотопромышленной сферы в Сибири, что во многом заставляло их по разным причинам (болезнь, потеря трудоспособности, старость, потеря кормильца) обращаться в указанное общество за назначением пенсии или просить выдачи единовременного денежного пособия. В связи с ограниченностью денежных средств общества и большим количеством желающих стать его пенсионерами правление общества назначало пенсии в небольших размерах (3–5 руб. в месяц), что не могло в полной мере обеспечить все нужды пенсионеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУР

1. Яский К. (Колычев А.А.) Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. Кн. 5. С. 53–58.
2. Ижендеев А.Ю. Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профес-

сора А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. Барнаул: «Аз Бука», 2005. С. 143–144.

3. Зиновьев В.П. Прошения о пенсии как источник информации о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX в. // Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 169–177.

4. Румянцев П.П. Служащие на сибирских золотых промыслах в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 250 с.

REFERENCES

1. Kolichev A.A. Society for welfare of workers and employees of gold and mining fields in Tomsk. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii*. 1900, book. 5, pp. 53–58 (In Russ.)

2. Izendeev A.Ju. Society for welfare of workers and employees of gold and mining fields in Tomsk. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Pjatyje nauchnye chtenija pamjati professora A.P. Borodavkina* / ed. V.A. Skubnevskiy, Ju.M. Goncharov. Barnaul: «Az Buka», 2005, pp. 143–144 (In Russ.)

3. Zinoviev V.P. Applications on pension as a source of information about personnel of the Siberian gold mining at XIX – the beginning of the XX century. *Zinoviev V.P. Sketches of social history of industrial Siberia XIX – the beginning of the XX century*. Tomsk, 2009, pp. 169–177 (In Russ.)

4. Rumyantsev P.P. Employees of gold mining of Siberia at XIX – the beginning of the XX century. Tomsk, 2009, 250 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150411
УДК 94(47)“1914/1918”

Д. Г. СИМОНОВ

РОТАЦИЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Дмитрий Геннадьевич Симонов,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: Simonov_dg@mail.ru

В статье анализируется проблема ротации высшего командного состава Русской армии в период Первой мировой войны. Объектом исследования являются военачальники, занимавшие в течение войны должности Верховного главнокомандующего, начальника штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующего армиями фронта и командующего армией, всего 80 чел.

По темпам и основаниям ротации высшего командного состава выделяются два периода, которые можно условно назвать имперским (август 1914 – март 1917 г.) и революционным (апрель – октябрь 1917 г.). Сопоставление ротационных процессов в эти периоды продолжительностью соответственно в два с половиной года и полгода показывает, что после Февральского переворота 1917 г. темпы вертикальной мобильности генералитета увеличились почти в 5 раз. Показано, что к концу первого периода Русская армия имела свой лучший высший командный состав за всю Первую мировую войну.

Ключевые слова: Русская армия, Первая мировая война, генералитет, ротация, мобильность, карьера.

D.G. SIMONOV

ROTATION OF SENIOR OFFICERS IN THE RUSSIAN ARMY DURING THE WORLD WAR I

Dmitry G. Simonov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: Simonov_dg@mail.ru

The article analyzes the problem of rotation of senior officers in the Russian army during World War I. The object of research are military leaders appointed to the command positions of the Commander-in-Chief, Chief of Staff of the General Headquarters, commanders of the fronts and the commanders of armies during the World War I – 80 people in total. Based on the pace and criteria of the senior officers' rotation the author defines two periods. The first period is conventionally designated as “imperial” (August, 1914 – March, 1917), the second period is called “revolutionary” (April – October, 1917). Comparison of rotations during these periods lasting for 2,5 years and 6 months respectively shows that after the February revolution of 1917 there was almost a five times increase in the rate of vertical mobility of general officers. During the “imperial” period rotation occurred mostly due to military expediency, i.e. the objective necessity to promote to higher positions the most talented military leaders with good reputation gained on the battlefield. Essentially, by the start of 1917 the Russian army had the best generalship for the entire period of World War I. The “revolutionary” period was marked by a political practicability, when military leaders were required to demonstrate not only their professionalism, but also an ability to adapt to complex revolutionary reality. As a result, some senior positions were held by those generals who, unlike previously, had not been in the service long enough or lacked the relevant experience. However, due to their personal qualities and their ability to find common language with the country's new political leaders and with the soldiery they were promoted to higher positions.

Key words: Russian army, World War I, the generals, rotation, mobility, career.

Армия является важнейшим институтом вертикальной мобильности в обществе. В военное время ее роль

как социального института усиливается за счет развертывания вооруженных сил и ускоренного продвижения по службе людей талантливых и энергичных. В этой связи особый интерес представляет высший командный состав Русской армии в период Первой мировой войны.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725)

Объектом исследования в данной статье являются военачальники, занимавшие в течение августа 1914 – октября 1917 г. должности Верховного главнокомандующего (7 чел.), начальника штаба Верховного главнокомандующего (8 чел.), главнокомандующего армиями фронта (21 чел.) и командующего армией (68 чел.). В рассматриваемый период в этих должностях пребывало всего 80 чел. Биографии каждого из этих военачальников известны и неоднократно освещались в справочных [1] и энциклопедических изданиях¹, представлены в электронных ресурсах². Обстоятельно изучена категория командующих армиями фронтов [2]. Однако вопрос ротации внутри высшего командного состава, как единой категории, не получил должного освещения в историографии.

Вначале рассмотрим генералитет по возрасту и образовательному уровню. Средний возраст военачальников по состоянию на август 1914 и март 1917 г. оставался почти стабильным – соответственно 61 год и 59 лет, а к концу 1917 г. в результате массовых чисток командного состава понизился до 54 лет. Старшими по возрасту являлись главнокомандующий Кавказской армией И. И. Воронцов-Дашков (77 лет), командующий 4-й армией А. Е. Зальца (71 год), командующие 6-й армией К. П. Фан-дер-Флит (70 лет) и 7-й армией В. Н. Никитин (68 лет). Ни один из них в ходе войны не проявил полководческих талантов и способностей. Самыми молодыми ко времени вступления в командование армией были А. М. Драгомиров (48 лет) и В. И. Ромейко-Гурко (52 года) – выдающиеся военачальники Первой мировой войны, а также В. Г. Болдырев (42 года).

Большинство военачальников (55 чел.) получили образование в военно-учебных заведениях Санкт-Петербурга, в том числе в Михайловском артиллерийском училище – 22 чел., Павловском военном – 9, в Пажемском корпусе, Константиновском военном и Николаевском кавалерийском – по 6 чел., в Николаевском инженерном – 4, в Школе гвардейских юнкеров и военно-топографическом училище – по 1 чел. В Москве учились 14 чел., в том числе 11 – в Александровском военном и трое – в Московском (Алексеевском) пехотном. И лишь немногие окончили провинциальные военно-учебные заведения: по двое – Киевское и Варшавское и по одному – Чугуевское, Рижское и Гельсингфорское пехотные училища.

Большинство из них, 63 чел., окончили Академию Генерального штаба. Примечательно, что из упомянутых выше четырех самых возрастных генералов ни один не имел высшего военного образования. В то же время наличие или отсутствие академического диплома отнюдь не являлось главным фактором профпригодности военачальников. Примеры тому –

главнокомандующие армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов и А.А. Брусилов, с именами которых связаны наиболее успешные операции Русской армии за все время войны.

Из 40 чел., занимавших соответствующие должности в августе 1914 – марте 1917 г., все, за исключением Н.Н. Янушкевича, имели чины полного генерала, т.е. генерала от инфантерии или генерала от кавалерии. Из 49 чел., занимавших аналогичные должности в апреле – октябре 1917 г., полными генералами был 21 чел., генерал-лейтенантами – 27 чел., и один, Верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский, не имел чина, так как никогда не служил в армии. Все генералы, за исключением Н.Н. Янушкевича, ко времени назначения на должности имели боевой опыт Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской (1904–1905) войн или Туркестанских походов или же приобрели таковой в ходе настоящей кампании.

Согласно положению о полевом управлении войск, принятом в 1912 г., в случае войны Верховным главнокомандующим должен был стать император Николай II, а начальником штаба Верховного главнокомандующего – начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич. Однако с началом войны император пошел навстречу амбициозным устремлениям великого князя Николая Николаевича и уступил ему пост главковерха. Полководческие таланты Николая Николаевича и современники, и исследователи оценивают по-разному: от наличия у него таковых до полного их отсутствия. В отношении же Янушкевича сформировалось общепризнанное мнение о его явном несоответствии должности начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Как выпускник Академии Генерального штаба Янушкевич прошел цензовое командование ротой и батальоном, но ни полком, ни дивизией, ни корпусом не командовал. Не имел он и практики работы в войсковых штабах. Военную карьеру Янушкевич сделал в аппарате Военного министерства. В 1900–1913 гг. он последовательно занимал должности помощника делопроизводителя, делопроизводителя, заведующего законодательным отделом и помощника начальника канцелярии Военного министерства, а в 1913 г. неожиданно для всех был назначен начальником Николаевской военной академии. Спустя год, в марте 1914 г., столь же неожиданно получил пост начальника Генерального штаба. В возрасте 41 года он получил чин генерал-майора, в 45 лет – генерал-лейтенанта, в 46 – генерала от инфантерии.

Николай Николаевич и Янушкевич, несомненно, несут ответственность за провалы и просчеты в военных операциях первого года войны, и их устранение с занимаемых должностей в августе 1915 г. было вполне оправданно. Однако решение императора лично занять пост Верховного главнокомандующего было обусловлено, скорее, политическими соображениями. За время войны, несмотря на поражения, популярность великого князя в армии и обществе усилилась настолько, что у царственной четы возникли «опасения,

¹ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

² См. картотеку А. Лихотворика: Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html> (дата обращения: 26.10.2015)

что этой популярностью может быть нанесен ущерб той власти, носителем которой являлся государь» [3, с. 47]. Именно в этом, по мнению генерала Ю.Н. Данилова, занимавшего в 1914–1915 гг. должность генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, заключались истинные причины отставки Николая Николаевича. В данном случае нет необходимости подробно анализировать подоплеку опасений императора, но следует отметить, что для политического дискурса первого года войны было характерно противопоставление фигур Николай II и великого князя Николая Николаевича.

Полководческие таланты императора Николая II не очевидны. Большинство мемуаристов и историков не признают за ним каких-либо военных способностей. Но следует отметить, что именно в период его верховного главнокомандования Русская армия преодолела кризис снабжения и после почти катастрофических неудач перешла к успешным наступательным действиям. Коренной перелом в ходе всей войны в пользу стран Антанты к концу 1916 г. произошел именно во время главнокомандования императора Николая II.

Важнейшую роль в руководстве армией при Николае II играл М.В. Алексеев, избранный императором на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего. Алексеев – один из самых выдающихся русских военачальников Первой мировой войны, «автор и соавтор» большинства крупных успехов Русской армии в ходе всей войны. В этом отношении Николай II принял оптимальное кадровое решение, тем более что Алексеев, выдвинувшийся благодаря своим талантам уже в ходе войны, находился вне каких-либо политических группировок. Во всех отношениях комбинация в верховном главнокомандовании «Николай II – генерал Алексеев» являлась гораздо продуктивнее тандема «Николай Николаевич – генерал Янушкевич».

Важным фактором вертикальной мобильности высшего командного состава на уровне «армия – фронт» стало организационное развертывание Русской армии в ходе войны, в результате чего появлялись новые вакансии. В начале войны действующая армия подразделялась на два фронта – Юго-Западный (Н.И. Иванов) и Северо-Западный (Я.Г. Жилинский). В 1915 г. Северо-Западный фронт разделился на Западный и Северный, а в 1916 г. был создан Румынский фронт. В начале войны были образованы управления двенадцати армий (1 – 11-я и Кавказская). В январе 1915 г. развернута 12-я армия, а в августе 1916 г. – 13-я (Особая). Таким образом, к началу 1917 г. количество фронтов увеличилось с 2-х до 4-х, а армий – с 12 до 14.

Боевая убыль высшего генералитета в ходе войны была незначительной. Единственным, кто погиб на боевом посту, был командующий 2-й армией Северо-Западного фронта генерал А.В. Самсонов. В целом ротация высшего командного состава была связана с устранением генералов по несоответствию занимаемой должности или по состоянию здоровья.

Я.Г. Жилинский, как не справившийся с должностью главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, был заменен генералом Н.В. Рузским. В должности командующего 3-й армией Рузский сыграл решающую роль в успехах Юго-Западного фронта, был награжден одновременно орденами Св. Георгия IV и III степеней и при активном участии прессы приобрел славу выдающегося полководца. Хотя в должностях командующего Юго-Западным, а затем Северным фронтом Н.В. Рузский уже не проявлял блестящих способностей, героический ореол обеспечил ему сохранение статуса вплоть до весны 1917 г. Ответственность за свои собственные стратегические просчеты он склонен был перекладывать на плечи подчиненных. Именно по его инициативе без должных оснований были удалены с занимаемых должностей командующий 1-й армией П.К. Ренненкампф (ноябрь 1914 г.), командующий 2-й армией С.М. Шейдеман (декабрь 1914 г.), командующие 10-й армией В.Е. Флуг (сентябрь 1914 г.) и Ф.В. Сиверс (апрель 1915 г.). Устранение всех четверых хотя и связывалось с несоответствием занимаемым должностям, но скорее всего являлось следствием германофобии Рузского.

Командующий 4-й армией Юго-Западного фронта А.Е. Зальца также был снят с должности в связи с поражениями его войск, но какой-либо интриги в этом кадровом решении не усматривается. К.П. Фан-дер-Флит и В.Н. Никитин, командовавшие соответственно 6-й и 7-й армиями, были удалены со своих постов по другим причинам. В первый год войны эти армии не принимали участия в военных операциях и на положении «отдельных» дислоцировались в тылу действующей армии. При передаче армий в состав фронтов и реформировании в полевые во главе их были поставлены генералы, имевшие боевой опыт и зарекомендовавшие себя способными военачальниками. Кроме того, Фан-дер-Флит и Никитин к данному времени уже достигли предельного возраста и не стремились в действующую армию.

Нисходящая мобильность в системе высшей военной иерархии является исключением и представлена лишь двумя примерами. С.М. Шейдеман начал войну командиром корпуса, около четырех месяцев командовал 2-й армией, а в ноябре был перемещен на должность командира 1-го Туркестанского корпуса. В.Е. Флуг в начале войны около месяца командовал 10-й армией, а затем возглавлял 2-й армейский корпус. В остальных случаях после снятия с занимаемых постов следовало назначение вне действующей армии.

Высокую степень ротации высшего командного состава характеризует то, что из 16 чел., занимавших соответствующие посты в начале войны, к марту 1917 г. свой статус сохранили лишь четверо: главнокомандующие армиями фронтов Н.В. Рузский, А.А. Брусилов, А.Е. Эверт и командующий 9-й армией П.А. Лечицкий. Последний из них является единственным, кто бессменно оставался на своем посту с начала войны и до весны 1917 г. Его биография является своего

рода примером того, как, не имея высшего образования и связей в столичных кругах, но, обладая талантами, можно было самостоятельно сделать выдающуюся военную карьеру.

П.А. Лечицкий родился в семье священника, окончил непристижное Варшавское юнкерское училище, служил в 39-м резервном кадровом батальоне. а в 1891 г. в чине капитана и в возрасте 36 лет прибыл для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток. Здесь в боях и походах он проявил себя как энергичный, волевой и умный военачальник. Во время Русско-японской войны он командовал полком, за выдающиеся боевые отличия был награжден чином генерал-майора, орденом Св. Георгия IV ст. и Золотым оружием, пожалован флигель-адъютантом к императору Николаю II. Затем он командовал бригадой, с 1906 г. – дивизией, с 1908 г. – корпусом, с 1910 г. – войсками Приамурского военного округа. С августа 1914 г. по апрель 1917 г. Лечицкий командовал 9-й армией, заслужил весьма редкое Георгиевское оружие с бриллиантами и орден Св. Георгия III ст. Со времен Русско-японской войны он сохранил широкую популярность в военных кругах. По мнению барона П.Н. Врангеля, именно Лечицкий был самой авторитетной фигурой в русском офицерском корпусе в 1917 г. [4, с. 45]

Вертикальная мобильность генералитета происходила почти исключительно в рамках командной иерархии «корпус – армия – фронт», т. е. на должность командующего армией назначались командиры корпусов, а на должность командующего армиями фронта – командующие армиями. Из этого правила имелось лишь два исключения: назначения начальника штаба Юго-Западного фронта М.В. Алексева (минуя командование армией) на пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта и начальника штаба Кавказской армии Н.Н. Юденича (минуя командование дивизией и корпусом) на пост командующего той же армией. Оба они, занимая штабные посты в первый год войны, де-факто выполняли командные функции вместо своих непосредственных начальников – соответственно главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова и главнокомандующего Кавказской армией И.И. Воронцова-Дашкова и заявили о себе как о крупных стратегах.

Важнейшим основанием для выдвижения генералов на высшие должности почти всегда являлись крупные боевые успехи возглавляемых ими войсковых объединений или соединений. За редким исключением, лица, выдвинутые на должности командармов и командующих армиями фронтов, были георгиевскими кавалерами. Некоторые из них имели по две – три георгиевские награды.

В категории главнокомандующих армиями фронтов на одну ступень поднялись четверо: Н.В. Рузский, А.А. Брусиллов, А.Е. Эверт и П.А. Плеве, ранее командовавшие армиями, и на две ступени – В.В. Сахаров и А.Н. Куропаткин, последовательно командовавшие корпусом и армией.

На должности командующих армиями из командиров корпусов были выдвинуты 12 генералов: А. И. Литвинов (1-я армия), С.М. Шейдеман и В.В. Смирнов (2-я армия), Р.Д. Радко-Дмитриев и Л.В. Леш (3-я армия), А.Е. Чурин (5-я армия), В.Н. Горбатовский (6-я армия), Д.Г. Щербачев (7-я армия), Ф.В. Сиверс, Е.А. Радкевич и А.А. Цуриков (10-я армия) и Д.В. Баланин (11-я армия).

Из начальников дивизий в командармы выдвинулись пятеро: А.М. Драгомиров, В.И. Ромейко-Гурко, А.М. Каледин, В.Н. Клембовский и А.Ф. Рагоза, которых следует признать самыми «карьерными» генералами.

Генерал-майор А.М. Драгомиров начал войну в должности начальника 2-й отдельной кавалерийской бригады, с декабря 1914 г. командовал 16-й кавалерийской дивизией, с апреля 1915 г. – 9-м армейским корпусом, а в августе 1916 г. занял пост командующего 5-й армией. За боевые отличия он был награжден орденами Св. Георгия IV и III ст., последовательно произведен в генерал-лейтенанты и генералы от кавалерии.

Генерал-лейтенант В.И. Ромейко-Гурко был начальником 1-й кавалерийской дивизии, с ноября 1914 г. командовал 6-м армейским корпусом, с декабря 1915 г. – 5-й армией. В августе 1916 г. он возглавил Особую армию, состоявшую из войск Русской гвардии, а в ноябре 1916 – феврале 1917 г. замещал генерала М.В. Алексева на посту начальника штаба Верховного главнокомандующего. Он также был удостоен орденов Св. Георгия IV и III ст. и произведен в генералы от кавалерии.

Генерал-лейтенант А.М. Каледин в первый год войны командовал 12-й кавалерийской дивизией, с августа 1915 г. – 12-м армейским корпусом. В апреле 1916 г., накануне знаменитого Луцкого прорыва, стал преиемником Брусилова на посту командующего 8-й армией. Он был награжден орденами Св. Георгия IV и III ст. и Георгиевским оружием, произведен в генералы от кавалерии.

Генерал-лейтенант В.Н. Клембовский выступил на фронт во главе 9-й пехотной дивизии, в октябре 1914 г. принял командование 16-м армейским корпусом, в декабре 1915 г. занял должность начальника штаба войск Юго-Западного фронта, а в октябре 1916 г. возглавил 11-ю армию. Его боевые заслуги были отмечены орденом Св. Георгия IV ст. и Георгиевским оружием, а также он был произведен в генералы от инфантерии.

Генерал-лейтенант А.Ф. Рагоза командовал 19-й пехотной дивизией, с сентября 1914 г. – 25-м армейским корпусом, а через год, в сентябре 1915 г., был назначен командующим 4-й армией. Он также получил чин генерала от инфантерии и был удостоен ордена Св. Георгия IV ст.

В категории командующих армиями имела место горизонтальная ротация. Девять из 34 генералов последовательно командовали двумя, а двое – тремя армиями (А.Е. Чурин – 12-й, 5-й и 6-й и В.Н. Горбатовский – 12-й, 6-й и 10-й).

Явный диссонанс в стройную систему ротации высшего командного состава действующей армии вносит фигура Н. Куропаткина. Еще за десять лет до начала мировой войны он достиг всех высших постов в Русской армии: в 1898–1904 гг. занимал должность военного министра, а во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. являлся главнокомандующим. Российское общественное мнение с его именем связывало поражение в войне с Японией, но Николай II сохранил доверие к Куропаткину и отнюдь не разочаровался в его военных способностях. Вскоре после вступления императора в верховное главнокомандование, в сентябре 1915 г. Куропаткин получил назначение на должность командира Гренадерского корпуса, в конце января 1916 г. был назначен командующим 5-й армией и, спустя несколько дней, – командующим войсками армиями Северного фронта. Но в июле 1916 г., не оправдав надежд императора, Куропаткин был назначен Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанским военным округом. Это решение имело явно символический подтекст: Куропаткин был направлен именно туда, где до назначения военным министром он проявил выдающиеся военные и административные способности.

Свержение монархии в России и устранение императора – Верховного вождя всей армии и Верховного главнокомандующего войск, находящихся на театре военных действий, привело к кардинальным изменениям в системе ротации высшего командного состава. Отныне функции Николая II по решению всех кадровых вопросов в Русской армии перешли к лицам мало сведущим в военном деле: сначала к военному министру А.И. Гучкову, а затем с мая 1917 г. – к сменившему его на этом посту А.Ф. Керенскому.

Первые шаги А.И. Гучкова в должности военного министра, по словам барона П.Н. Врангеля, «ознаменовались массовой сменой старших начальников – одним взмахом пера были вычеркнуты из списков армии 143 старших начальника, взамен которых назначены новые, не считаясь со старшинством. Мера эта была глубоко ошибочна». По его мнению, «смена такого огромного количества начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно и замена их людьми чуждыми этим частям [...] не могли не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии» [4, с. 38]. По свидетельству А.И. Деникина, «операция» Гучкова по увольнению огромного числа генералов получила в военной среде трагическое название «избиения младенцев» [5, с. 259]. Гучковские чистки пришлось на апрель 1917 г. и почти непрерывно продолжались при Керенском, достигнув своего пика в конце августа – начале сентября в связи с «мятежом» генерала Корнилова.

Из 20 чел., занимавших соответствующие высшие посты в марте 1917 г., к октябрю того же года остались всего трое: помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта Д. Г. Щербачев, командующие 4-й и 6-й армиями этого фронта А.Ф. Рагоза и А. А. Цуриков. Причины такой устойчивости этих генералов

в 1917 г. объясняются, видимо, тем, что Румынский фронт был самым удаленным от революционного Петрограда, а кадровые перестановки там ограничивались мнением короля Румынии, который официально, хотя и чисто формально, являлся главнокомандующим армиями фронта.

Для 1917 г. характерен стремительный карьерный рост генералов. Если до революции даже самые «карьерные» военачальники до назначения на должность командарма имели годичный стаж командования корпусом, то теперь командный стаж в той или иной должности мог ограничиваться всего несколькими неделями.

Наиболее яркий пример – это генерал Л. Г. Корнилов, который в 1914 г. выступил на фронт во главе 48-й пехотной дивизии, в начале 1917 г. командовал 25-м армейским корпусом, в течение марта – августа последовательно занимал должности командующего войсками Петроградского военного округа, командующего 8-й армией, главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта и, наконец, – Верховного главнокомандующего.

Не менее показательный случай – карьерный путь В.А. Черемисова, начавшего войну полковником и командиром пехотного полка, затем в чине генерал-майора занимавшего должность генерал-квартирмейстера штаба армии. В 1916 г. за упущения по службе он был исключен из Генерального штаба и переведен на должность командира неотдельной бригады. С марта 1917 г. Черемисов командовал 159-й пехотной дивизией, с апреля – 12-м армейским корпусом, с июля – 7-й, затем – 9-й армиями, был произведен в генералы от инфантерии, а в сентябре получил пост главнокомандующего армиями Северного фронта.

Еще один пример – Я.Д. Юзефович, который в 1914 г. состоял в чине полковника и в должности начальника штаба дивизии, а к началу 1917 г. вырос до генерал-майора и начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса. С апреля 1917 г. он без опыта работы в штабах армии и фронта исполнял обязанности генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем; в июне был назначен командующим 12-й кавалерийской дивизией, через месяц – командиром 26-го армейского корпуса, а еще через месяц – командующим 12-й армией с производством в генерал-лейтенанты.

Вышеназванные генералы хотя бы кратковременно занимали необходимые командные должности, ряд же других поднялся по служебной лестнице, перескочив через одну – две, а то и три должностные ступени. Яркий пример тому – Н.Н. Духонин. Начав войну полковником, занимавшим должность старшего адъютанта штаба 3-й армии, затем он стал командовать полком, а к началу 1917 г. в чине генерал-майора состоял генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта. С мая Духонин занимал пост начальника штаба сначала Юго-Западного, затем – Западного фронтов, а в сентябре, не командуя до этого ни дивизией, ни корпусом, ни армией, был назначен начальником штаба Верхов-

ного главнокомандующего, став вторым, а де-факто – первым лицом в армии, учитывая, что «первым» де-юре был А.Ф. Керенский.

Н. Г. Володченко в 1914 г. в чине генерал-майора командовал бригадой 3-й Донской казачьей дивизии, и к началу 1917 г. поднялся на одну должностную ступень, состоя начальником 16-й кавалерийской дивизии. В апреле он был назначен командиром 46-го армейского корпуса, а в сентябре, минуя должность командующего армией, стал главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. А.К. Кельчевский в начале войны командовал полком, с 1915 г. в чине генерал-майора занимал должность генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. С апреля 1917 г. он – начальник штаба, а с сентября, минуя должности начальника дивизии и командира корпуса, – командующий той же армии с производством в генерал-лейтенанты.

В. Г. Болдырев начал войну полковником в должности начальника штаба дивизии, затем командовал пехотным полком, а ко времени Февральской революции в чине генерал-майора занимал должность генерал-квартирмейстера штаба армий Северного фронта. В апреле, минуя должность начальника дивизии, он был назначен командиром 43-го армейского корпуса, произведен в генерал-лейтенанты, а в сентябре принял командование 5-й армией. Болдырев поставил своего рода рекорд, став в свои 42 года самым молодым русским военачальником Первой мировой войны. В то же время он – один из немногих военачальников, кто благодаря своим интеллекту, смелости и энергии способен был эффективно работать в сложной революционной обстановке. По свидетельству комиссара Северного фронта В.Б. Станкевича, Болдырев «умел требовать и умел подтягивать, но не во имя старых привычек, а во имя дела. Это чувствовалось всеми, и солдаты говорили со “своим” командиром, стоя на вытяжку, забывая о всяких декларациях прав солдат» [6, с. 180].

По темпам и основаниям ротации высшего командного состава достаточно четко выделяются два периода, которые можно условно назвать имперским (август 1914 – март 1917 г.) и революционным (апрель – октябрь 1917 г.). Сопоставление ротационных процессов в эти периоды продолжительностью соответственно в два с половиной года и полгода показывает, что после Февральского переворота 1917 г. темпы вертикальной мобильности генералитета увеличились почти в 5 раз.

В «имперский» период ротация была связана прежде всего с военной целесообразностью, т. е. с объективной необходимостью продвижения на вышестоящие посты наиболее талантливых и блестяще зарекомендовавших себя в боевом отношении военачальников. По большому счету, на начало 1917 г. Русская армия имела свой лучший высший командный состав за всю Первую мировую войну.

В «революционный» период на передний план была выдвинута целесообразность политическая, когда от военачальника требовались не только профессионализм, но и умение адаптироваться к сложной революционной действительности. Как следствие, на высшие должности стали продвигаться генералы без необходимых ранее стажа и опыта, но в силу своих личных качеств способные находить общий язык и с новым политическим руководством страны, и с солдатской массой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. 463 с.
2. *Порошин А.А.* Первая мировая. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014. 448 с.
3. *Данилов Ю.* На пути к крушению. М.: XXI век – Согласие, 2000. 293 с.
4. *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). М.: ТЕРРА, 1992. Ч. I.
5. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. 463 с.
6. *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1920. 63 с.

REFERENCES

1. *Zaleski K.A.* Who was who in the World War I. Moscow, 2003, 463 p. (In Russ.)
2. *Poroshin A.A.* World War I. Losers winners. Russian generals. Moscow, 2014, 448 p. (In Russ.)
3. *Danilov Y.* On the way to ruin. Moscow: XXI Century – Consent, 2000, 293 p. (In Russ.)
4. *Wrangell P.N.* Memories. Southern Front (November 1916 – November 1920). Moscow: TERRA, 1992, Part I (In Russ.)
5. *Denikin A.I.* Essays on Russian turmoil. The collapse of the government and the army, February-September 1917. Moscow: Science, 1991, 463 p. (In Russ.)
6. *Stankevich V.B.* Memories. 1914–1919. Berlin, 1920, 63 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150412
УДК 94(47).084.3

В.В. ЖУРАВЛЕВ

**«ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИОГРАФИЯ» В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ:
СТРУКТУРА БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
В СИСТЕМЕ ВОЖДИСТСКОГО КУЛЬТА А.В. КОЛЧАКА**

Вадим Викторович Журавлёв,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории ИИ СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
доцент Новосибирского государственного университета,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: vvzh@mail.ru

Статья посвящена обоснованию использования понятия «политическая агιοграфия» при анализе массовых, повседневных идеологических практик антибольшевистского движения на востоке России в 1918–1919 гг. В статье анализируются жизнеописания главы контрреволюционного движения адмирала А.В. Колчака, опубликованные в виде брошюр и листовок. Делается вывод о значительном сходстве внутренней структуры пропагандистских биографий и житийной литературы. Текст рассматриваемых сочинений в значительной степени организован в соответствии с агιοграфическим каноном.

Ключевые слова: политический культ, политическая агιοграфия, биография, пропаганда, революция, гражданская война, А.В. Колчак, вождизм, культ личности, Россия

V.V. ZHURAVLEV

**“POLITICAL HAGIOGRAPHY” IN THE CIVIL WAR:
STRUCTURE OF BIOGRAPHICAL TEXTS
IN THE SYSTEM OF THE LEADER CULT OF A.V. KOLCHAK**

Vadim V. Zhuravlev,
Candidate of Historical Sciences,
Institute of History of SB RAS,
Nikolaeva 8, Novosibirsk, 630090, Russia,
Associate Professor,
Novosibirsk State University,
2, Pirogova Str., Novosibirsk, Russia, 630090,
e-mail: vvzh@mail.ru

The epoch of revolution and civil war in Russia in 1917–1922 attracted to the political life huge numbers of people whose cultural background in its essential part was shaped by religious forms; the “sacralization of politics” took place. No wonder that in studying the political realia of revolution and civil war, researchers often use theological concepts. One of them is a concept of “political hagiography” that involves the life stories of “great men” – objects of certain “political cults”. These life stories performed functions of indoctrination and promoted this cult within and beyond the “political community” using the specific set of symbols. Hagiography is generally a genre that exhibits stability in the canon. The characteristic feature of hagiographic canon is the stable inner structure of a text. Manifestations of hagiographic canon can provide unique data about a “political ideal” communicated to the “political fold”, and about ideological structure of a given “political cult”. To prove this hypothesis the author used the published materials – brochures and leaflets with biographies of A.V. Kolchak, the leader of the Anti-Bolshevik movement in Eastern Russia. The study revealed considerable similarities between these biographies and the lives of saints in terms of their inner structure. Text structure followed hagiographic canon and had relevant functions. Previously, these effects were registered only in the materials of communist propaganda literature and practice. The political history of Russia of both revolutionary and post-revolutionary periods cannot be understood without the reconstruction of complicated and multidirectional interactions between the elite and mass perceptions, interrelationship between the “secular” and “sacred” meanings, the religious and political cultures of the Russian society. Histories of “political cults” in Russia are yet to be written.

Key words: political cult, political hagiography, biography, propaganda, revolution, civil war, A.V. Kolchak, leader cult, personal cult, Russia.

Эпоха революции и гражданской войны в России 1917–1922 гг. призвала к политической жизни огромные массы людей, чей культурный опыт в существенной части был обусловлен религиозными формами.

В свое время М.С. Агурский, характеризуя восприятие событий того времени культурной элитой российского общества, отмечал, что и среди противников большевистской революции, и среди ее сторонников было множество людей, описывавших происходившее в религиозных понятиях либо как «эсхатологическую национальную трагедию», либо как выдающееся событие «духовной истории» русского народа [1, с. 10, 19].

Б.И. Колоницкий, исследуя политическую культуру широких слоев населения России, также пришел к сходным выводам: в России в эту эпоху не только «политические проблемы переплетались с проблемами религиозными», но и «обратной стороной политизации религиозной жизни стала сакрализация политики». Он отметил, что «Российскую революцию часто сравнивают с революциями Нового Времени. Но не меньше оснований сравнивать ее с религиозными конфликтами, битвами за веру и крестовыми походами...» [2, с. 85–86].

Неудивительно, что при изучении политических реалий революции и гражданской войны исследователи охотно прибегают к религиозоведческому понятийному аппарату: говорят о революционных *ритуалах*, о политической *мифологии*, о *сектантской* политической традиции большевиков и т.д. Характерно, что для описания практики восприятия политических лидеров революционной эпохи очень широко употребляется термин *культ* (обзор вопроса см.: [3, с. 9–14; 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]). Одним из таких концептов, позволяющих привлечь инструментарий науки о религии для изучения, казалось бы, чисто политических феноменов, является понятие *агиография*.

Авторитетный французский «Словарь историка» под редакцией Н. Оффенштадта приводит три значения термина «агиография». Первое, «в узком смысле слова», – «рассказы о жизни святых и о совершенных ими чудесах». Второе – «научные исследования, посвященные культу святых». Наконец, третье: «поскольку жития святых всегда представляли собой апологии, данным термином – в широком смысле слова и зачастую с критической коннотацией – называют биографические сочинения и речи, содержащие безоговорочное восхваление героя» [12, с. 11]. Последнее, «широкое» определение очевидным образом не относится к собственно религиозной сфере и представляет собой метафорический перенос термина «агиография» на светский биографический текст по одному общему признаку – односторонне-положительному описанию главного персонажа.

Однако исследователи биографических повествований о деятелях российской революции, которые охотно используют термин «коммунистическая агиография» [13, 14], пишут о значительно более развернутых и глубоких сходствах житийной и политпропагандистской литературы, о том, что речь в данном случае

идет не об аспектном совпадении, а сущностном жанровом единстве. Например, Е.К. Макаренко отмечает: «Очень интересна в связи с этим житийная традиция в повестях и биографиях 1920–1940-х гг., в которых по житийной схеме создаются биографии „великих“ вождей революции», и подчеркивает «формальное соблюдение житийного жанрового канона» в этих произведениях [15, с. 96]. Однако само по себе словосочетание «коммунистическая агиография», вполне в духе определения словаря Н. Оффенштадта, неся идеологическую «критическую коннотацию», намекает на некую уникальную «религиозность», якобы присущую именно и исключительно большевизму.

Значительно более адекватной выглядит широко используемая в зарубежных исследованиях формула «политическая агиография». Иногда она применяется к исследованию политических аспектов культа христианских святых [16, 17]. Однако значительно шире встречается она в светском контексте. Вполне ожидаемо данный термин употребляется по отношению к биографии В.И. Ленина [18, р. 109], но также и для характеристики сочинений, посвященных «отцам-основателям» США [19, р. 35], или, например, для характеристики книги У. Черчилля о его предке – герцоге Мальборо [20, р. 75]. Французский исследователь выносит термин в заглавие своего сочинения, посвященного корпусу текстов, оформлявших во Франции во время и после Второй мировой войны культа Ф. Петена, Ш. де Голля, М. Тореза и И.В. Сталина [21].

И все же в большинстве случаев словосочетание «политическая агиография» и в зарубежной литературе используется как метафора, а иногда всего лишь как риторический образ. Какие же возможности обещает рассмотрение (конечно, *mutatis mutandis*) пропагандистских биографических сочинений, неконфессиональных по своему происхождению, относящихся к сфере секулярной политики и эпохе Нового и Новейшего времени, через призму полноценного понятия политической агиографии?

В первую очередь, это возможность понимания того, как функционирует такая агиография. Культа основателей и великих адептов – неотъемлемая часть любой религиозной жизни, один из важнейших каналов коммуникации «паствы» и «клира». По словам В.М. Лурье, автора фундаментального «Введения в критическую агиографию», «в системе общины, организованной вокруг какого-то культа, то содержание, которое доступно немногим профессионалам через посредство догматических, канонических или исторических трактатов, становится достоянием всех именно через агиографию – и в этом состоит важнейшая функция этого рода литературы, да и вообще всего культа святых» [22, с. 54].

Именно эта функция выступает критерием выявления «агиографического документа», который данный автор, опираясь на идеи болландиста И. Делеза, определяет как «всякий документ, созданный и/или распространяемый вследствие и/или для рас-

пространения соответствующего культа» [22, с. 35]. «Не бывает агиографических документов, которые функционировали бы сами по себе, – подчеркивает В.М. Лурье. – Все они могут функционировать только в связи с соответствующим культом... Эти культы соотнесены каждый со своим набором символов, главным из которых является символическая фигура соответствующего святого или святых (храма или священной реликвии)». С помощью такого набора символов в агиографический документ закладывается тот главный смысл, который и определяет «реальную жизнь агиографических легенд» [22, с. 53].

В таком случае к политической агиографии должны быть отнесены именно жизнеописания «великих людей» в том или ином «политическом культе», выполняющие функции индоктринации, порожденные и обеспечивающие процесс распространения этого культа как вовне, так и внутри «политической общины» посредством определенного набора символов.

Еще одним приобретением такой постановки вопроса является то, что, как давно выяснено исследователями, жития святых в целом представляют собой жанр, обладающий устойчивым каноном. Проявления христианского агиографического канона многообразны, но его отличительным признаком является характерная внутренняя структура текста [23]. Вот как, основываясь на современной исследовательской литературе (см., например: [24, с. 43]), может быть представлен ее инвариант:

А. Риторическое вступление:

А₁ – самоуничижительная характеристика автора жития;

А₂ – торжественная похвала, прославление достоинств главного героя повествования.

Б. Описание основных жизненных вех святого:

Б₁ – сообщение о родителях, месте рождения, обучении;

Б₂ – рассказ о главных подвигах святого;

Б₃ – сообщение о смерти.

В. Описание чудес святого:

В₁ – прижизненных;

В₂ – посмертных.

Выявление повторяющейся структуры в житийном материале еще В.О. Ключевский использовал как «фильтр», разделяющей фактографически достоверную информацию и агиографические схемы, при этом он сделал вывод, что «для жития дорогá не живая цельность характера с его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал... оно изображает не жизнь отдельного человека, а развивает на судьбах его этот отвлеченный идеал» [25, с. 436]. Однако именно поэтому проявления канона в политической агиографии могут дать уникальный материал о транслируемом «политической пастве» политическом идеале, об идейной структуре того или иного

«политического культа», что опять возвращает нас к функциям агиографии.

Такое внутренне связанное, функционально-структурное прочтение понятия «политическая агиография», хотя и не исчерпывает всех возможностей его использования, но уже открывает вполне конкретные исследовательские перспективы.

Проиллюстрируем возможности применения данного концепта на определенном историческом материале.

* * *

Широкомасштабная гражданская война стала тем этапом революционного процесса в России 1917–1922 гг., когда противостоящие политические и социальные силы создали на различных территориях бывшей Российской империи собственные политические режимы и воинские формирования. Политический процесс, начавшийся в 1917 г. под антимонархическими лозунгами, отвергавший единоначалие сверху донизу, изначально описывавшийся как революция «народная», как дело «масс», очень быстро начал менять эту свою характеристику, выдвигая на первый план фигуры «героев» и «вождей». На данном этапе вождизм начинает оказывать огромное, местами определяющее влияние как на формы политической и военной организации, так и на идеологическую сферу противоборствовавших лагерей.

Вместе с тем, политические и военные лидеры, приобретающие статус «вождей», были слабо известны огромному большинству населения, которым они управляли, и существенной части военнослужащих, которыми они командовали.

В полной мере это относилось и к крупнейшему контрреволюционному политическому режиму, возникшему на востоке России после военного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к верховной власти адмирала А.В. Колчака. Современниками и исследователями неоднократно отмечалось, что колчаковский переворот носил верхушечный характер, что власть, возникшая в его результате, имела недостаточно прочные связи с населением. При этом для определенных (правда, весьма специфических и узких) кругов, военных и общественных, фигура А.В. Колчака уже на момент его прибытия в Омск обладала и известностью, и авторитетом [26, с. 465; 27]. По мере выдвижения Колчака на роль главы и символа определенной политической группировки и, конечно же, со значительно большей интенсивностью после занятия им поста Верховного правителя начался процесс формирования «полноценного вождистского культа» [28, с. 127]. Параллельно с процессом признания главенства А.В. Колчака другими антибольшевистскими регионами – на юге, севере и северо-западе России – этот культ проникает и на данные территории, а также в среду уже довольно многочисленной эмиграции. Одновременно с этим начала складываться политическая агиография Колчака, проявлявшаяся в текстах различных жанров.

Среди них выделяется особая группа источников – жизнеописания Верховного правителя, опубликованные в виде отдельных изданий – брошюры и листовки. На данный момент в различных архивохранилищах, библиотечных собраниях и музейных коллекциях нами выявлена информация об одиннадцати таких изданиях¹.

Из них пять были опубликованы на востоке России и пять – на «белом» Юге, место издания одной брошюры не определено. У семи изданий указано авторство, из них в двух случаях – псевдоним, в одном – как псевдоним, так и настоящее имя, остальные – анонимны. У восьми публикаций указан издатель или типография – в четырех случаях это коммерческие издательства, в трех – официальные военные и правительственные информационные структуры, в одном – и то, и другое одновременно. Объемы этих сочинений существенно различались – от 700 до более чем 60 тысяч слов.

Первым по времени публикации из этих изданий являлась двусторонняя листовка, выпущенная в Перми в январе – феврале 1919 г. издательством «Освобождение России». Издательство и одноименную газету возглавлял пермский литератор Б.А. Броневский, газета занимала «кадетские» позиции.

Текст листовки состоит из 16 абзацев и имеет следующую структуру:

Первый абзац представляет собой цитату из правительственного сообщения о передаче верховной власти А.В. Колчаку. Второй абзац задает тематические рамки текста: «Кто же такой Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак?».

Абзацы с 3-го по 8-й представляют собой краткое «описание основных жизненных вех»: рождение, учеба (Б₁), начало службы, полярные экспедиции, Русско-японская война, межвоенный период, Первая мировая война, отставка при правительстве Керенского (Б₂). Что подчеркивается в этом лаконичном рассказе, кроме разнообразия сфер деятельности будущего Верховного правителя? Прежде всего, «головкружительная, небывалая в летописях народов, его служебная карьера».

¹ Адмирал Александр Васильевич Колчак [Пермь]: Изво «Освобождение России», [1919]. 2 с.; Верховный правитель А.В. Колчак [Пермь]: Издательство «Освобождение России», [1919]. 1 илл.; *Ауслендер С.* Адмирал Колчак. [Пермь: Газета «Сибирские стрелки», 1919]. 8 с.; *Он же.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск: Тип. Русского об-ва печатного дела, [1919]. 33 с., 1 илл.; *Б.И.Ч.* Адмирал Колчак. Ростов н/Д., 1919. 16 с.; Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак. Б.м., [1919]. 16 с. 1 илл.; К народу русскому о Верховном правителе и правительстве / Штаб Верховного главнокомандующего. [Омск, 1919]. 7 с.; *Кипарисов В.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак / [Омск]: Изд. Лит.-худож. отд. канцелярии штаба 3-й армии, 1919. 37 с., 1 илл.; *Морской Н. (Лебедев Н.К.)* Кто такой Колчак? Ростов н/Д., 1919. 14 с. (Народная библиотека. [Вып.] 3. Серия 2-я: Вожди и герои России); *Ольгин И.* Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Харьков: Тип. М. Дрейшпуль и С-вья, 1919. 31 с., 1 илл.; *Щепкин Г.* Сибирь и Колчак. Новочеркасск: Изд. Н.И. Шерстнякова, Тип. Управления артиллерии Всевеликого войска Донского, 1919. 36 с., 1 илл.

Абзацы с 9-го по 11-й представляют собой более развернутый рассказ о двух «отдельных эпизодах из боевой, полной ратных подвигов, кристальной чистоты жизни». Первый эпизод – «смотр боем», устроенный кораблям Черноморского флота вместо парада при вступлении Колчака в должность командующего в 1916 г. Второй эпизод – выброшенная в море «золотая шпага», не доставшаяся матросам-большевикам. Оба эпизода представляют собой «политические чудеса» (В). Причем вид этих чудес также вполне «агиографичен». В первом случае это преобразование паствы: от идолопоклонства (формализм «парада») – к истинной службе («в бою произвел смотр») через реализацию функции праведного судьи («и оценил каждого по его заслугам»). Во втором – спасение святыни: изымая реликвию из греховного мира и перемещая ее в неподвластную этому миру «морскую пучину», он спасает от «поругания», осквернения стоящий за реликвией принцип (в данном случае – принцип власти, воплощенный в оружии). К обоим эпизодам можно легко привести многочисленные параллели из религиозной житийной литературы.

Абзацы с 12-го по 16-й подводят итог вышесказанному: «вот кто адмирал Колчак». Причем итог этот содержит и своеобразное политическое «пророчество», наполненное почти эсхатологическим пафосом: Колчак выводит и выведет «государственный корабль из бурного клокочущего моря революции, океана слез и людского горя и потока слов в тихое устойчивое русло спокойного государственного строительства настрадавшейся Родины». Параллели этого текста с мотивами 20–22 глав Апокалипсиса очевидны.

Самой известной из пропагандистских биографических публикаций, посвященных главе сибирской контрреволюции, самой объемной и, видимо, изданной самым большим тиражом, была брошюра «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», принадлежащая перу писателя С.А. Ауслендера. Истории текста данной брошюры и анализу образа А.В. Колчака в ней нами посвящена отдельная публикация [29], поэтому здесь рассмотрим лишь отдельные основные моменты, важные для понимания феномена политической агиографии в целом.

В функциональном и содержательном отношении композиция брошюры представляется следующим образом.

Часть первая вполне может быть охарактеризована как «риторическое вступление» (А). В первых строках автор начинает говорить о себе, своих особых свойствах составлять «определенное» мнение о человеке на основании первого впечатления, «часто совершенно бессознательного», а также описывает «ощущение какой-то спокойной уверенности», которое «вдруг охватило» его при первой встрече с адмиралом. Эта автохарактеристика вполне соответствует элементу А₁. Апелляция к спонтанному и бессознательному для человека эпохи Ницше и Фрейда выполняла роль, вполне аналогичную той, что для традиционной эпохи значила характеристика себя как человека «некнижно-

го», «простого» и даже «темного», т. е. гарантировала безыскусную правдивость нижеизложенного.

Далее автор переходит к «торжественной похвале» (А₂). Прежде всего, он описывает загадочное состояние *déjà vu* при этой первой встрече: «почему так знакомо это лицо, где я уже видел» его. И дает ответ: «на римских камнях искусный художник запечатлевал образ воина и героя».

В данном случае речь идет о Древнем Риме как своего рода эталоне истории вообще – истории мировой, всеобщей, связанной с культурой. То, что нос, подбородок, губы и даже глаза героя выглядят «римскими», должно говорить о его статусе – исторического деятеля. Далее автор еще раз повторяет этот же прием. Такие «лица далеких победителей», подчеркивает он, я с детства видел на страницах «старых книг с выцветающими гравюрами». Отсылка не к конкретному образу, а к «старым книгам» вообще, позволяет прописать героя сразу во всей мировой культуре и отделить его от эмпирического настоящего.

Отдалив от читателя образ Колчака отнесением его к миру сакрализованной истории, к миру «камей» и «гравюр», автор перебрасывает между ними мостик. Делается это опять через противопоставление. Текст включает длинную инвективу в адрес «больших и маленьких властителей», которые, с одной стороны, «опьяняются, теряют чувство меры», а с другой – становятся в «фальшивые позы», «надевают маски» и, наконец, «становятся мертвыми манекенами партийности», от чьих «жестов механических» «совершаются события роковые, проливается кровь». Непоименованным антигероем этого фрагмента выступает глава свергнутого колчаковским переворотом Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьев (но и одновременно его «прототип» – А.Ф. Керенский²), «недавний властитель», «овеванный холодом предвзятых теоретических выкладок, которого не может преодолеть даже пафос звонко-пустого красноречия». В антитезу этому говорится, опять с апелляцией к позиции непосредственного свидетеля, о «какой-то необычайной подлинной человечности» героя. В диапазоне его забот наряду с высокими вопросами находится место и «потерянному вагону хлеба», и «невыдаче керосина», о которых рассказывает «делегация рабочих». Колчак обладает «человеческой простотой», а постоянная забота обо всех делает его лицо «совсем близким каждому», и он, в свою очередь, своим взглядом «замечает каждое лицо». Герой одновременно и чужд, и близок каждому, и величественен, и прост.

Далее автор пишет: «в нем есть что-то, что привлекает взоры и сердца помимо воли, что-то магнетизирующее». Эти мистические свойства объясняются его контактом со смертью и реализуются в том, что герой

умеет «владеть толпой», умеет сохранить авторитет перед лицом «революционного безумия» (В₁).

Когда автор переходит к внутренним качествам героя, он снова использует противопоставление. Колчак отделяется от многочисленных «храбрых и безупречных воинов», которым были чужды «многие государственные вопросы». Герой описывается и как воин, и как ученый, и как государственный и политический деятель, наконец как человек, «многое познавший в жизни различных стран». Колчак данного текста предстает воистину интегральным человеком.

Вторая часть брошюры представляет собой монтаж собственных текстов Верховного правителя, приведенных буквально или в пересказе и сопровождаемых некоторыми комментариями автора. Предшествовавшая явлению героя ситуация описывается как «разъединение», «раздор» и «распад». Далее следует описание благотворного воздействия героя: «Он сумел соединить Армию в одном порыве», исчезли «разногласия между Властью и Армией», теперь «мысли и дела их спаяны вместе неразрывно». Описывая ход гражданской жизни, автор говорит об отсутствии разногласий Колчака с Советом министров. Вся деятельность Колчака описывается как подчиненная исключительно «интересам целого».

В итоге «непосредственно за поездкой Верховного правителя наши армии повсеместно перешли в победоносное наступление», «именно после выступлений» Колчака в Перми местным политическим партиям «удалось примирить свои разногласия и соединиться в блок». Таким образом, слова героя надеются силой непосредственного действия, чудесно преображают действительность, преодолевают «разъединение» и творят «единство» (В₂).

Эта часть завершается рассуждением, которое является переходом к биографическому блоку. Оценка жизни героя дается заранее, не только предваряя, но и окрашивая все дальнейшее повествование. Данный фрагмент вновь возвращает читателя к идее исключительности героя, выводя последнего из-под юрисдикции своей эпохи: «в годы безвременья, приведшего нас к страшной катастрофе... когда... люди разучились ярко желать и твердо действовать... кажется такой удивительной, несвоевременной эта жизнь».

Все последующие пять частей, за исключением финала последней, представляют собой изложение жизненного пути героя, приведенного его на пост Верховного правителя, и вполне могут быть квалифицированы как «описание основных жизненных вех» героя (Б), с акцентом на «главных подвигах» (Б₂). При этом автор, отказывая своим современникам в праве быть даже аудиторией рассказа о судьбе героя, адресует непосредственно к «какому-нибудь будущему историку, который будет творить суд всем нашим делам». Эта апелляция к грядущему «судии» также носит вполне житейский характер.

Завершающая часть брошюры посвящена событиям революции и начавшейся гражданской войны. На фоне крушения армии и государства вновь описы-

² Н.Д. Авксентьева современники неоднократно сравнивали с главой Временного правительства 1917 г., указывая, что по своей политической манере он «чрезвычайно походил на Керенского» (цит. по: [30, с. 90]).

ваются особые качества героя – способность, пусть временно, вызывать «просветление» у революционных матросов («экзорцизм»), а также «дар глубокого предвидения», позволявший ему знать, что именно «ожидает армию, флот и всю Россию» («профетические способности»). Далее описывается ситуация «пророка в своем отечестве»: герой оскорблен происходящим на родине, и лишь иноземцы (американская миссия Э. Рута) высоко ценят адмирала. Затем следует эпизод с поступлением на британскую службу. Факт явно рассматривается не как компрометирующий, а как авторитетное подтверждение уникальных качеств героя.

Данная часть завершается финалом, общим для всего повествования. Политический агиограф вновь обращается к неэмпирическим силам: Колчак «поставлен во главе новой национальной власти» не кем-нибудь, а «судьбой», причем поставлен «конечно, не случайно». Вновь, уже третий раз, повторяется, что жизнь героя «несхожа с жизнью наших современников».

Далее, в полном соответствии с агиографическим каноном, появляется тема смерти (Б₃). Только здесь она возникает как угроза, как то, что еще предстоит победить.

Конечно, не во всех брошюрах агиографические черты выявляются так ярко. Некоторые них (например, сочинения южнорусских авторов Г. Щепкина и И. Ольгина) вообще сконцентрированы на истории антибольшевистского движения на востоке России, создавшего предпосылки для прихода к власти А.В. Колчака, и изложении основных пунктов политической программы «белых» (международной позиции, рабочей и крестьянской политики, лозунга Учредительного собрания и т.д.), при этом собственно биографии и фигуре А.В. Колчака уделяется незначительное внимание.

Однако финал, например, казалась бы прагматической, рациональной брошюры И. Ольгина содержит весь знакомый нам комплекс мотивов: и древнеримские ассоциации (Волга как Рубикон), и национально-исторические образы («из седых кремлевских стен»), и титанический, нечеловеческий масштаб и «материал» героя («раздастся могучий голос... железного адмирала»), и политически переосмысленные религиозные цитаты («Россия воскресла»). Да и часть основного текста брошюры Г. Щепкина, рисующая положение дел на востоке России, написана столь светлыми красками, что возникает чуть ли не утопическая картина далекого, но прекрасного в социально-политическом плане сибирского «Беловодья».

* * *

Итак, при обращении к пропагандистским биографиям главы «белого» движения на востоке России обнаруживается значительная степень сходства их внутренней структуры, мотивов, топосов, тропов с житийной литературой. Текст брошюр и листовок в огромной степени организован в соответствии с христианским агиографическим каноном, причем агиографические черты не были привнесены в текст механически,

а скорее востребованы из культурного фонда. Тексты, структурно организованные как жития, и функционировали соответственно своей структуре. Ранее эти эффекты фиксировались исключительно на материале коммунистической пропагандистской литературы и практики, посвященной, как правило, уже покойным «вождям» и «героям».

Политическую историю России как революционной, так и послереволюционной эпох невозможно понять без реконструкции сложных, разновекторных взаимодействий между элитарными и массовыми представлениями, между «профанными» и «сакральными» смыслами, между религиозной и политической культурой российского общества. Истории «политических культов» в России того времени еще только предстоит быть написанной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. 2-е изд. М., 2003. 320 с.
2. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд. СПб., 2012. 320 с.
3. *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. 438 с.
4. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. 288 с.
5. *Колоницкий Б.И.* Культ А.Ф. Керенского: образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108.
6. *Колоницкий Б.И.* Керенский как «новый человек» и новый политик: к изучению генеалогии культа личности // Источник: человек и личность в истории России: конец XIX–XX в. СПб., 2013. С. 262–274.
7. *Великанова О.В.* Образ В.И. Ленина в государственной идеологии и общественном восприятии в Советской России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 19 с.
8. *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Онтарио; Нью-Йорк, 2001. 284 с.
9. *Ундалов А.М.* О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии (Нижний Новгород). 2012. № 4. С. 64–69.
10. *Шукунда С.З., Энгель Е.И.* Апофеоз Вашингтона, или Культ личности по-американски // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 3. С. 104–112.
11. *Якимова Е.Г., Мартынов Е.Ю.* Эсхатологические основания этики культа личности И.В. Сталина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 208–212.
12. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта; пер. с фр. М., 2011. 222 с.
13. *Шатин Ю.В.* Эстетика агиографического дискурса в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2. С. 24–30.
14. *Поддубнова Ю.С.* Метажанры в русской литературе 1920–начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 21 с.
15. *Макаренко Е.К.* Агиография XX века: Проблемы жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95 – 102.

16. *Anderson R.S.* Aelfric's Kings: political hagiography in Anglo-Saxon England. Indiana University, 2004. 468 p.

17. *Neil B.* Seventh-Century Popes and Martyrs: The Political Hagiography of Anastasius Bibliothecarius. Macquarie University, 2007. XVI+336 p.

18. *Service R.* Lenin: A Biography. Harvard University Press, 2002. 592 p.

19. *Twing S.W.* Myths, models, and U.S. foreign policy: The Cultural Shaping of Three Cold War Warriors. Lynne Rienner Publishers, 1998. 213 p.

20. *Valiunas A.* Churchill's Military Histories: A Rhetorical Study. Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 208 p.

21. *Seveno Th.* La construction du grand homme: essai sur l'hagiographie politique. Université de Rennes, 1989. 610 p.

22. *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб., 2009. 238 с.

23. *Руди Т.Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59–101.

24. *Тумова Л.В.* Тексты агиографического характера в старообрядческих полемических сочинениях XVII в. // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 42–47.

25. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. Репринтн. воспр.: М., 1989. 484 с.

26. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 1. 576 с.

27. *Шишкин В.И.* Военный и морской министр Временного Всероссийского правительства А. В. Колчак // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2008. Т. 7, вып. 1. С. 54–65.

28. *Журавлев В.В.* Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 108–127.

29. *Журавлев В.В.* Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102–111.

30. *Иoffe Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294 с.

REFERENCES

1. *Agursky M.S.* Ideology of National-Bolshevism. 2-nd ed. Moscow, 2003, 320 p. (In Russ.)

2. *Kolonitsky B.I.* Symbols of power and race for power: to the study of political culture of the Russian revolution of 1917. 2-nd ed. St. Petersburg, 2012, 320 p. (In Russ.)

3. *Enker B.* Formation of Lenin cult in the Soviet Union. Moscow, 2011, 438 p. (In Russ.)

4. *Tumarkin N.* Lenin is alive! Lenin cult in the Soviet Russia. St. Petersburg, 1997, 288 p. (In Russ.)

5. *Kolonitsky B.I.* A.F. Kerensky Cult: Images of Revolutionary Power. *Otechestvennaya istoriya*. 1999, no. 4, pp. 105–108 (In Russ.)

6. *Kolonitsky B.I.* Kerensky as a "new human" and new politician: to the study of genealogy of personal cult. *Istochnik: chelovek i lichnost v istorii Rossii: konets XIX–XX v.* St. Petersburg, 2013, pp. 262–274 (In Russ.)

7. *Velikanova O.V.* Image of V.I. Lenin in the state ideology and in public perception in the Soviet Russia. Abstract of dissertation of candidate of historical sciences. St. Petersburg, 1993, 19 p. (In Russ.)

8. *Velikanova O.V.* Image of V.I. Lenin in the mass perception of the Soviet people on the basis of archive materials. Ontario, New York, 2001, 284 p. (In Russ.)

9. *Undalov A.M.* About some methods of influence of the Napoleon propaganda on the public opinion. *Vestnik NGTU im. R.E. Alek-*

seeva. Seriya: Upravlenie v sotsialnykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii (Nizhnii Novgorod). 2012, no. 4, pp. 64–69 (In Russ.)

10. *Shukunda S.Z., Engel E.I.* Apotheosis of Washington, or the American cult of personality. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2013, no. 3, pp. 104–112 (In Russ.)

11. *Yakimova E.G., Martyanov E.Yu.* Eschatological basis of the Stalin's cult of personality. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014, no. 6–1 (44), pp. 208–212 (In Russ.)

12. Historian's glossary. N. Offenshtadt (ed.); transl. from French. Moscow, 2011, 222 p. (In Russ.)

13. *Shatin Yu.V.* Aesthetics of hagiographical discourse in the V. Mayakovsky's poem "Vladimir Ilyich Lenin". *Diskurs*. 1996, no. 2, pp. 24–30 (In Russ.)

14. *Podlubnova Yu.S.* Metagenre in Russian literature of 1920 – the beginning of the 1940s (The communist hagiography and "european" tale allegory). Extend abstract of Cand. Sci (Philol.) Dissertation. Ekaterinburg, 2005, 21 p. (In Russ.)

15. *Makarenko E.K.* Hagiography of the XX century: problems of genre and methods of its study. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2011, no. 1, pp. 95–102. (In Russ.)

16. *Anderson R.S.* Aelfric's Kings: political hagiography in Anglo-Saxon England. Indiana University, 2004, 468 p.

17. *Neil B.* Seventh-century popes and martyrs: the political hagiography of Anastasius Bibliothecarius. Macquarie University, 2007, XVI+336 p.

18. *Service R.* Lenin: a biography. Harvard University Press, 2000, 592 p.

19. *Twing S.W.* Myths, models, and U.S. foreign policy: the cultural shaping of three cold war warriors. Lynne Rienner Publishers, 1998, 213 p.

20. *Valiunas A.* Churchill's military histories: a rhetorical study. Rowman & Littlefield Publishers, 2002, 208 p.

21. *Seveno Th.* La construction du grand homme: essai sur l'hagiographie politique. Université de Rennes, 1989, 610 p.

22. *Lurye V.M.* Introduction into critical hagiography. St. Petersburg, 2009, 238 p. (In Russ.)

23. *Rudi T.R.* Topography of Russian lives of saints (questions of typology). *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. St. Petersburg, 2005, pp. 59–101 (In Russ.)

24. *Titova L.V.* Hagiographical texts in polemical works of Old Believers in the 17th century. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2012, no. 2, pp. 42–47 (In Russ.)

25. *Klyuchevsky V.O.* Old Russian lives of saints as the historical source. Moscow, 1871. Reprintn. vospr. Moscow, 1989, 484 p. (In Russ.)

26. *Melgunov S.P.* Tragedy of Admiral Kolchak. Moscow, 2004, vol. 1, 576 p. (In Russ.)

27. *Shishkin V.I.* Minister of War and Marine of the Provisional All-Russian Government, A.V. Kolchak. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Novosibirsk, 2008, vol. 7, issue 1, pp. 54–65 (In Russ.)

28. *Zhuravlev V.V.* Leaderism in the ideological practice of the counterrevolutionary movement in Eastern Russia: attempt of analysis of complimentary addresses to A.V. Kolchak. *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revoliutsii i grazhdanskoi voyny*. Novosibirsk, 2013, issue 2. pp. 108–127 (In Russ.)

29. *Zhuravlev V.V.* Image of A.V. Kolchak in the publications of S.A. Auslender. *Vlast i obshchestvo v Sibiri v XX veke*. Novosibirsk, 2012, issue 3, pp. 102–111. (In Russ.)

30. *Ioffe G.Z.* Kolchak's venture and its failure. Moscow, 1983, 294 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150413
УДК 94(47)“1917/1930”

И.И. КРОТТ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920-е гг.)

Иван Иванович Кротт,
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14,
e-mail: ivkrott@mail.ru

В статье на основе репрезентативного комплекса источников рассматриваются вопросы социальной мобильности сельских предпринимателей Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.). Сделан вывод о том, что в результате революционных событий 1917 г. и «строительства нового общества» сельские предприниматели оказались выбитыми из привычной для них социокультурной и профессиональной среды. В новых условиях они оказались лишены не только своей собственности, но и прежнего социального статуса. В итоге они оказались за рамками формируемых политической властью социокультурных норм и традиций.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальные лифты и каналы, маргинализация, сельские предприниматели, предпринимательские хозяйства, «враждебные классы», «бывшие», «эксплуататоры», Западная Сибирь, революция 1917 г., Гражданская война.

I. I. KROTT

SOCIAL MOBILITY OF RURAL ENTREPRENEURS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR (1917–1920s)

Ivan I. Krott,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Pedagogical University,
14, Nab. Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russia,
e-mail: ivkrott@mail.ru

Based on the archival and published sources, the article considers issues of social mobility of rural entrepreneurs in Western Siberia during the period of revolution and Civil War (1917-1920). The study is carried out within the methodological framework of social mobility theory of P.A.Sorokin who introduced basic categories and concepts that enable researchers to study this phenomenon. In the wake of the revolutionary events of 1917 and “construction of a new society”, rural entrepreneurs as representatives of the “wealthy and privileged” social classes and groups of the prerevolutionary Russian society hopped out to be thrown out of their usual socio-cultural and professional environment. They lost not only their material wealth and property but also their previous social status and position under new conditions. These “shatters of the accursed past” turned out to be artificially merged by the authorities into the categories with such symbolic names as “hostile classes”, “formers”, “exploiters”, “socially alien and dangerous elements”. The policy towards the “former ruling classes” was of a clear discriminatory character. Under the guise of “class justice” and tasks of “class struggle” the local authorities confiscated for “the benefit of revolution” not only the lands of rural entrepreneurs but also their personal property such as clothes, furniture, dishware, luxury articles etc. The former owners and their families were evicted from their estates and actually left destitute. Besides, the period under study was marked by a considerable decline in social status of the former owners of entrepreneurial households and their close relatives. As a result, rural entrepreneurs were left outside the socio-cultural norms and traditions artificially formed by the political authorities. They were not only restricted to their social positions but also could not realize their economic potential.

Key words: social mobility, social lifts, marginalization, rural entrepreneurs, “hostile classes”, “exploiters”, Western Siberia, the 1917 Revolution, the Civil War.

В последние годы одним из приоритетных направлений в развитии отечественной исторической науки стало изучение вопросов связанных, с соци-

альной мобильностью российского общества в первой половине XX в. Современные историки сосредоточили основное внимание на исследовании каналов,

институтов и лифтов, которые вели к понижению/повышению социального статуса как отдельных индивидов, так и целых социальных, этноконфессиональных или профессиональных групп населения [1, с. 89–93].

В результате революционных событий 1917 г. и «строительства нового общества» представители так называемых «имущих и привилегированных» сословий и групп дореволюционного российского общества оказались выбитыми из привычной для них социокультурной и профессиональной среды. В новых условиях они лишились не только своих доходов, собственности, но и прежнего в обществе. Эти «осколки проклятого прошлого», оказались искусственно объединены властью в разнообразные категории под символическими названиями: «враждебные классы», «бывшие», «эксплуататоры», «социально чуждые и опасные элементы» и пр. В условиях политики, явно направленной на подавление сопротивления «свергнутых классов», этим категориям населения, в противоположность их «высокому положению» в царской России, в постреволюционном советском обществе было уготовано место социальных изгоев [2, с. 23–36].

В связи с этим, актуальным является изучение процессов социального перемещения предпринимателей – «класса исторически проигравшего». Привычную социальную нишу, которую занимали предприниматели в дореволюционной России, пришлось освободить, так как первые послереволюционные годы характеризовались декларацией принципа «революционной законности» и «классовой справедливости». Поэтому именно вертикальная социальная мобильность сельских предпринимателей в эпоху радикальных трансформаций сибирского общества и является предметом нашего особого внимания.

В Западной Сибири советская власть первоначально была установлена в декабре 1917 – апреле 1918 г., а окончательно во второй половине 1919 г., хотя ее провозглашение в регионе началось еще в ноябре 1917 г. [3, с. 153]. Но несмотря на сложность политической ситуации и консолидацию антибольшевистской оппозиции, начало социально-экономическим преобразованиям в сибирской деревне положили Декрет о земле и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа¹.

Новая политическая власть, разделяя социум на «своих» и «чужих», переводила в периферийное и дискриминационное состояние целые социальные слои и отдельные категории граждан. В результате такого подхода судьба бывших помещиков, чиновников, представителей деловых кругов была предрешена. Политика в отношении «бывших господствующих классов» носила дискриминационный характер.

Как справедливо отмечает современный историк Т.М. Смирнова, вплоть до середины 1920-х гг. такие понятия, как «контрреволюционер», «изменник», «буржуй», «помещик», «капиталист» в дискуссии большевиков и на практике использовались как тож-

дественные. Социальное пространство «бывших» зависело не только от конъюнктуры момента, удаленности территории от центра, но и личностного фактора (обличенные партийной и государственной властью лица нередко руководствовались «классовым чутьем», «размахом собственного революционного рвения», «личными симпатиями и антипатиями») [2, с. 30–31].

В соответствии с действующим аграрным законодательством процедура ликвидации казенного, частновладельческого, церковно-монастырского и некоторых форм казачьего землевладения затрагивала интересы и сельских предпринимателей. По подсчетам Н.Ф. Иванцовой, только в Бийском уезде в марте–мае 1918 г. были отобраны земли, живой и мертвый инвентарь у 39 коннозаводчиков и скотопромышленников [3, с. 199]. Весной 1918 г. по инициативе местных Советов изъятие земель у сельских предпринимателей было дополнено конфискацией инвентаря [4, с. 21–22]. Но на практике – конфискации подвергался не только сельскохозяйственный инвентарь, но и другое имущество бывших владельцев².

Достаточно большая группа частновладельческих хозяйств предпринимательского типа находилась в пределах Омского, Тюкалинского и Татарского уездов Омской области³. Весной 1918 г. в этом районе были конфискованы хозяйства М.П. Телегина, П.Я. Калинина, П.А. Липатникова, Е.А. Яцкина, И.И. Гогмана, И.Л. Бекеля, А.Д. Зейферта, А.С. Хаймовича и др. [5, с. 144]⁴.

Еще ранее, 19 февраля 1918 г., по уездам Омской области было разослано постановление исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о национализации живого и мертвого инвентаря частновладельческих нетрудовых хозяйств⁵.

Местные советские работники иногда проявляли и благосклонное отношение к бывшим предпринимателям. Так, в отношении предпринимательских хозяйств, в которых имелись опытные поля, питомники племенного скота и которые не пострадали от погромов местного населения в конце 1917 г., земельные органы принимали решения о частичной или полной компенсации владельцам за отчужденное имущество [3, с. 203].

К весне 1920 г. на базе 75 национализированных предпринимательских хозяйств, в основном Омского и Петропавловского уездов, было создано 50 совхозов, что составляло 41 % от числа советских хозяйств всей Сибири⁶. Из крупных сельских предпринима-

² Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 87; Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 – июнь 1918 гг.): сб. документов и материалов. Курган, 1957. С. 202–204.

³ В январе 1918 г. Акмолинская область была переименована в Омскую область.

⁴ ИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; Д. 135. Л. 5–5 об.; Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–4 об.

⁵ ИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 51; Д. 416. Л. 63; ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–6 об.

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17–20, 321, 322.

тельских хозяйств, на основе которых были образованы совхозы, можно выделить хозяйства И.М. Карзина, Т.Т. Подковырова, Ф.Ф. Штумпфа, И.Ф. Лобачева, А.И. Даниленко, Г.И. и Я.И. Шварцев, Я.И. Романенко, Е.М. Красюкова, А.П. Бодылевского, В.Р. Штейнгеля, И.С. Зайцева, И.С. Леженкина, П.Н. и Д.Н. Николенко, Т.Д. Левашова, И.С. Цыбульского, Г.П. и Д.П. Шевченко и др.⁷

В Томской губернии на ноябрь 1920 г. числилось 13 совхозов, 4 из которых были организованы на базе бывших предпринимательских хозяйств Г.И. Фуксмана, Горохова, Чернышева, Диденко⁸.

По подсчетам советского историка А.К. Касьяна, в 1920 г. 63,5 % всех коммун и 14,2 % артелей в Омской губернии были организованы также на землях бывших частновладельческих хозяйств [6, с. 16]. Для этих целей использовалось имущество бывших предпринимателей И.Я. Мамонтова, М.А. Красильникова, Г.Е. Грязнова Д.В. Фурмана, П.А. Липатникова, Н.Я. Смирнова, Г.В. Деркача, Л.Ф. Федорова, И.П. Зименца и др. [5, с. 177; 7, с. 71,82]⁹.

Сознательно проводимая властью политика искусственной маргинализации, т. е. перевода на периферийное или дискриминационное положение большей части сельских предпринимателей, вызывала с их стороны протестные действия. Так, в Омской губернии предприниматели пытались продать земельные участки, скот и инвентарь своих хозяйств и таким образом компенсировать вложенные средства в организацию имений¹⁰. В подобных ситуациях местные Советы изымали у бывших крупных собственников и владельцев все документы на имения и предотвращали действия, квалифицированные властью как незаконные, а владельцев подвергали штрафу и суду ревтрибунала [4, с. 20–21].

Некоторые сельские предприниматели, теряя землю, мертвый и живой инвентарь своих хозяйств, искусственно создавали препятствия для образования коллективных хозяйств в национализированных у них имениях. Известны случаи, когда предприниматели скрывали скот, зарывали в ямы и погребов хлеб, конскую сбрую, теплую одежду, сжигали необмолоченные скирды хлеба [6, с. 12]¹¹.

Огромную ценность для образованных новых хозяйств имели знания, предприимчивость, умение организовать дело, опыт прежних владельцев. С уче-

том этого, а также из-за нехватки кадров, приоритет при назначении на должность временных управляющих первоначально имели бывшие владельцы [8, с. 123]¹². Так, известные в регионе предприниматели Г.П. Телегин, Р.Г. Шпехт, К.И. Каллен, Л.Я. Шварц, Н.Я. Шварц, братья Ф.К. и В.К. Розвезевы, И.М. Карзин, Т.Т. Подковыров, Н.М. Хаймович, Ф.М. Саяпин, П.И. Косицын и др. в первые месяцы после национализации хозяйств временно исполняли обязанности управляющих [7, с. 76]¹³.

Но со временем региональные партийные организации принимали меры к «очищению совхозов от враждебных элементов и наведению в них большевистского порядка»¹⁴. Дискриминация по признаку классового происхождения проникала во все сферы жизни общества, а система управления не была исключением. Так, 10 сентября 1920 г. по этому вопросу на заседании Омского губбюро РКП(б) был заслушан доклад Дьякова. В результате его обсуждения губбюро предложило губземотделу: «В срочном порядке заменить лиц, стоящих во главе совхозов, из помещиков и контрреволюционеров работниками, выдвинутыми ячейками» [9, с. 21].

Таким образом, по мере подготовки советским органами кадрового резерва бывших владельцев увольняли с занимаемых должностей. Правда, некоторые бывшие предприниматели, благодаря своему опыту и профессионализму, все же продолжили работать в новой системе управления. Например, Р.Г. Шпехт, который не смог остаться в своем хозяйстве, был назначен управляющим Кокчетавского конного завода, Е.И. Хаймович работал в отделении животноводства Губземотдела на должности омского уездного специалиста, Т.Т. Подковыров и Т.И. Колмаков являлись специалистами того же отделения, но по овцеводству¹⁵.

Прикрываясь политикой «классовой справедливости» и задачами «классовой борьбы», местные власти изымали у предпринимателей в «интересах революции» не только землю, но и имущество – одежду, мебель, посуду, предметы роскоши и пр. Бывшие владельцы и их семьи были выселены из собственных имений и фактически остались без всяких средств к существованию. Об этом красноречиво говорят всевозможные заявления прежних владельцев, их жен и детей (Я.И. Шварца, Т.Т. Подковырова, М.И. Колосовской, братьев Н.И., Ф. И., Я.И. и А.И. Кузнецовых, Н.Н. Оанча, Е.М. Красюкова, вдов С.Я. Бартель и И. Изаак), с просьбами выделить земельные участки по установленной трудовой норме с инвентарем для существования и ведения простого крестьянско-

⁷ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3, 54 об. – 55; Д. 642. Л. 1–1 об.; Д. 659. Л. 17–20 об., 23–26, 31, 35, 41, 45–46, 54–57 об., 59–60 об., 62, 66, 71–73, 76–78 об.; Д. 685. Л. 7; Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 215. Л. 122 об. – 124; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 83. Л. 11–12; Д. 158. Л. 75.

⁸ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 101. Л. 2, 16–16 об.

⁹ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 598. Л. 48; Д. 1346. Л. 8, 16–16 об.; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 84. Л. 33; Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–1 об.

¹⁰ ИАОО. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об.; Омский вестник. 1917. 12 (25) дек. С. 4.

¹¹ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 782. Л. 66–67.

¹² ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 53 об.

¹³ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 728. Л. 65–66; Д. 782. Л. 40; Д. 798. Л. 7; Д. 800. Л. 2; Д. 805. Л. 1–2; Д. 806. Л. 21 об.; Д. 813. Л. 1–1 об.; Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 127. Л. 8; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 78. Л. 2–2 об.; Д. 157. Л. 73.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 173 об. – 174.

¹⁵ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 13. Л. 61 об.; Д. 248. Л. 10, 53; Д. 293. Л. 126; Д. 739. Л. 82; Д. 743. Л. 114; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 158. Л. 34.

го хозяйства¹⁶. Например, в заявлении Я.И. Шварца на имя управляющего совхозом № 16 Я.И. Портненко указывалось: «При национализации моего хозяйства и паровой мельницы 1 января 1920 г. я остался без всяких средств, потому что мне не было выдано из этого хозяйства никакого пособия для дальнейшего существования или ведения маленького сельского хозяйства. Не имея ни кола, ни двора, живя по чужим дворам в полуразрушенных землянках, мне будущей весной обязательно нужно выстроить свой собственный домик и посеять несколько десятин хлеба»¹⁷. Далее в заявлении была просьба выделить необходимый сельскохозяйственный инвентарь и семенной хлеб для ведения трудового хозяйства. Отметим, что уполномоченный по обследованию и учету советских хозяйств И. Топорков не возражал против надления Я. И. Шварца необходимым инвентарем, в силу того что бывший владелец «принимал горячее участие в физической работе, т. к. руки его были в мозолях»¹⁸. После длительного рассмотрения в марте 1922 г. заявление Я. И. Шварца было удовлетворено¹⁹.

В делопроизводственных материалах по обследованию и учету бывших частновладельческих хозяйств имеются свидетельства того, что некоторые сельские предприниматели уезжали вместе с отступающими белогвардейскими войсками далее на восток страны, а некоторые погибли в «смутные годы» Гражданской войны. Известно, что оставили свои предпринимательские хозяйства братья Г.П. и Д.П. Шевченко, Г.Г. Попов, Н.П. Ковалев, М.Т. Чернов, Д.С. Горбунов, П.Грушин, Ф.Ф. Штумпф (заболел в дороге и вернулся назад в Омск), И.С. Зайцев (эмигрировал за границу), а Л.И. Коптелов и Власов были убиты местным населением [5, с. 169; 10, с. 120; 11, с. 122]²⁰.

Отметим, что региональной властью вокруг «бывших» постепенно создавалась атмосфера нетерпимости. Основанием для арестов становилось занимаемое до революции социальное и имущественное положение. В этот период практически неограниченной стала власть ВЧК и ее местных комиссий. Так, в конце 1919 – начале 1920 гг. В.А. Пальгов, Н.Н. Оанч, братья Ф.К. и В.К. Розвезевы, братья И.А. и А.А. Романтеевы, братья С.В. и Г.В. Бартель и другие были арестованы Омской губернской чрезвычайной комиссией по обвинению в контрреволюционной деятельности. И если в отношении Розвезевых и В.А. Пальгова со временем дела были прекращены, и они были освобождены из-под стражи, то Н.Н. Оанч был приговорен к одному году лишения свободы в концлагере и позже амнистирован, а Г.В. Бартель был приговорен в высшей мере наказа-

ния и расстрелян. В отношении его брата С.В. Бартель постановление Омской губЧК о расстреле не было утверждено ВЧК. Дальнейшая судьба С.В. Бартель не известна, так как в его персональном деле нет другого решения комиссии²¹.

В октябре 1920 г. был арестован и 6 ноября по приговору Омской губЧК расстрелян по необоснованному обвинению в организации белогвардейского партизанского отряда бывший крупный коммерсант, а на момент ареста – представитель Омского центрального сельскохозяйственного общества по заготовке семенных материалов А.П. Бодылевский [11, с. 126].

В марте того же 1920 г. был задержан и помещен в концлагерь «до окончания гражданской войны» бывший томский предприниматель Г.И. Фуксман²². Под следствием он находился 10 месяцев, но был освобожден. Позже бывший предприниматель был лишен избирательных прав, работал извозчиком. В 1929 г. Г.И. Фуксмана повторно арестовали, выслали с семьей из Томска в Туруханский край. Через несколько лет он вернулся в Томск, но в 1937 г. снова был арестован и расстрелян, хотя его возраст приближался к 80 годам [12, с. 257; 13, с. 68–69].

Мы уже отмечали, что в политической практике большевиков социальная категория «эксплуататоров» трактовалась предельно широко. В этой ситуации, сами «бывшие» пытались причислить себя к представителям «трудового» населения. Такую модель поведения можно объяснить, с одной стороны, страхом за свою жизнь, желанием принизить свой прежний социальный статус и имущественное положение. Вместе с тем, определение социальной принадлежности новой властью делалось по «внешним» признакам, по «дореволюционному наследию» в виде количества обрабатываемых до революции десятин земли, количества скота, наличия сельскохозяйственной техники²³.

В заключение следует отметить, что в послереволюционные годы в значительной степени целенаправленно и искусственно российское общество было переструктурировано. Политическая власть, разделяя социум на «своих» и «чужих», переводила в периферийное и дискриминационное состояние целые социальные слои и категории населения. Сельские предприниматели были в этом отношении не исключением.

Социальная трансформация сибирского общества после революционных событий 1917 г. характеризовалась не только выделением новых общностей в системе стратификации (лидерные, базисные и маргинальные группы [14]), но и соответствующей адаптацией этих социальных элементов ко вновь возникающим статусно-ролевым функциям, переориентацией их индивидуальной и групповой социальной идентичности.

¹⁶ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–1 об.; Д. 708. Л. 1–2 об.; Д. 734. Л. 6; Д. 735. Л. 46; Д. 765. Л. 13; Д. 793. Л. 9–9 об.; Д. 1080. Л. 22 об.

¹⁷ Там же. Д. 1802. Л. 23.

¹⁸ Там же. Д. 1802. Л. 24–24 об.

¹⁹ Там же. Д. 1080. Л. 22 об.

²⁰ Там же. Д. 724. Л. 1; Д. 733. Л. 26; Д. 749. Л. 14; Д. 751. Т. 1. Л. 11–11 об., 68, 91, 108; Д. 765. Л. 13, 16–16 об., 21.; Д. 774. Л. 44–45; Д. 796. Л. 4 об.; Д. 1761. Л. 10 об.

²¹ Там же. Д. 793. Л. 22–22 об.; Д. 795. Л. 2–2 об.; Д. 800. Л. 1–2; Д. 802. Л. 1–2; Список жертв политического террора. URL: <http://lists.memo.ru/d3/f315.htm> (дата обращения: 25.05. 2015).

²² Знамя революции. 1920. 21 февр., 9 марта.

²³ ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 728. Л. 65–66.

В новых условиях сельские предприниматели находились за рамками характерных, точнее, искусственно формируемых политической властью социокультурных норм и традиций. Они не только были ограничены в своих статусных позициях, но и оказывались не в силах реализовать творческие и хозяйственные возможности и тем самым обогатить общество материально и духовно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. №4. С. 89–93.
2. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. 296 с.
3. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993. 352 с.
4. Горюшкин Л.М. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири в конце 1917 – первой половине 1918 гг. // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1965. Вып. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. С. 7–27.
5. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007. 368 с.
6. Касьян А.К. Первые шаги колхозного строительства в омской деревне. Омск, 1958. 52 с.
7. Касьян А.К. Строительство коллективных хозяйств в Омской губернии в период военного коммунизма (ноябрь 1919 – март 1921 гг.) // Уч. зап. Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Омск, 1957. Вып. 8. С. 67–93.
8. Фот А.А. Национализация немецких крупных частновладельческих и арендаторских хозяйств в 1919–1921 гг. // Музей и общество на пороге XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1998. С. 122–124.
9. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 – 1928 гг.) Омск, 1976. 108 с.
10. Храмов А.А., Клычников А.Н. Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянского) Барнаульского уезда (опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах массовых источников): сб. науч. стат. / отв. ред. В. Н. Разгон. Барнаул, 2002. С. 101–122.
11. Мороз А.А. Забавные страницы былого: историко-документальный очерк. Омск, 2010. 187 с.
12. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. 283 с.
13. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1998. Т. 4, кн. 2. 160 с.
14. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе. 1917 – конец 1930-х гг.: Учеб. пособие. Новосибирск, 1998. 90 с.

REFERENCES

1. Shishkin V.I., Savin A.I. Social mobility in Russia during the era of wars, revolutions and radical transformations of the first half of the XX century: main directions and results of the study. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*, 2014, no. 4, pp. 89–93 (In Russ.).
2. Smirnova T.M. "Former people" of Soviet Russia: strategies of survival and ways of integration. 1917–1936. Moscow, 2003, 296 p. (In Russ.).
3. Ivantsova N.F. West Siberian peasantry in 1917 – first half of 1918. Moscow, 1993, 352 p. (In Russ.).
4. Gorushkin L.M. The implementation of the Decree on Land in West Siberia at the end of 1917 – the first half of 1918. *Sibir v period stroitelstva sotsializma I perekhoda k kommunizmu*. Novosibirsk, 1965, issue 5: *Krestyanstvo i selskoye hozyaistvo Sibiri*, pp. 7–27 (In Russ.).
5. Vibe P.P. German colonies in Siberia: socio-economic aspect. Omsk, 2007, 368 p. (In Russ.).
6. Kasyan A.K. First steps of collective farm building in Omsk village. Omsk, 1958, 52 p. (In Russ.).
7. Kasyan A.K. Construction of the collective farms in the Omsk province during the period of War Communism (November 1919 – March 1921). *Ucheniye zapiski Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A.M. Gorkogo*. Omsk, 1957, no. 8, pp. 67–93 (In Russ.).
8. Fot A.A. Nationalization of major German private and tenant farms in 1919–1921. *Muзей i obshchestvo na poroge dvadtsat'pervogo veka*. Materialy Vseross. nauch. konf. Omsk, 1998, pp. 122–124 (In Russ.).
9. Kasyan A.K. Socio-economic development of village of South-West Siberia before collective farm period (the end of 1919–1928). Omsk, 1976, 108 p. (In Russ.).
10. Khramkov A.A., Klychnikov A.N. Immigrants and old residents in the village of Anisimovo (Borovlianskoye) of Barnaul district (Experience of analysis of the 1917 All-Russian Agricultural Census). *Demograficheskoye i khoziaistvennoye razvitiye altaiskoy derevni vo vtoroy polovine deviatnatsatogo – nachale dvadtsatogo vekov (na materialakh massovykh istochnikov)*. Sb.nauch.st.. Otv. red. V.N. Razgon, 2002, pp. 101–122 (In Russ.).
11. Moroz A.A. Amusing pages of the past: historical and documentary essay. Omsk, 2010, 187 p. (In Russ.).
12. Dmitriyenko N.M. Siberian town of Tomsk in the XIX – the first third of the XX century: government, economy, population. Tomsk, 2000, 283 p. (In Russ.).
13. The Brief Encyclopedia of the Siberian Merchandry and Commerce. Novosibirsk, 1998, vol. 4, book 2, 160 p. (In Russ.).
14. Krasilnikov S.A. At the brakes of the social structure: Marginal people in the post-revolutionary Russian society. 1917 – the end of 1930: tutorial. Novosibirsk, 1998. 90 p. (In Russ.).

Статья принята редакцией 29.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150414
УДК 94(47).084.6

В.В. АЛЕКСЕЕВ

ДРАГОЦЕННОСТИ РОМАНОВЫХ НА СЛУЖБЕ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Вениамин Васильевич Алексеев,
д-р ист. наук, академик РАН, советник РАН,
Институт истории и археологии УрОРАН,
РФ, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16,
e-mail: veniaminalekseev7@mail.ru

Статья посвящена трагической истории поисков и обретений драгоценностей царской семьи Романовых после ее гибели на Урале. Теоретической основой статьи является концепция модернизации. Для преодоления социально-экономической отсталости России требовались огромные капитальные вложения. После провала мировой пролетарской революции большевики взяли курс на ускоренную модернизацию страны, используя для этой цели на первых порах ресурсы, оставшиеся от царской России, в частности драгоценности Романовых, о чем до недавнего времени было мало известно. На основе рассекреченных документов 1930-х гг., а также современных материалов исследуются пути и методы советской власти по привлечению золотовалютных ресурсов для нужд модернизации страны, трагические судьбы людей, прятавших и искавших сокровища царей.

Ключевые слова: Россия, Урал, Романовы, царские драгоценности, историко-культурное достояние, модернизация, индустриализация, революция.

V.V. ALEKSEEV

THE ROMANOV JEWELS FOR STALIN'S MODERNIZATION

Veniamin V. Alekseev,
Doctor of Historical Sciences, Academician RAS, Adviser of RAS,
Institute of History and Archaeology of the UB RAS,
16, S. Kovalevskaya Str. 620990, Ekaterinburg, Russia,
e-mail: veniaminalekseev7@mail.ru

Attempting to obtain foreign currency to pay for numerous purchases of the industrial equipment, representatives of the Soviet regime sold out tsars' jewels via their trade agents abroad. One of them was the son of an American communist A. Hammer, who arranged large-scale sales in Berlin, Vienna, London and New York. A legitimate ground for sale was the decree on nationalization of the Romanovs' property, issued three days before the death of the last Tsar and his family, as well as a special decree of the Council for Labor and Defense "On the use of values for the trade turnover", issued in October 1919, and a number of specific decisions adopted in the 1930s.

The author concludes that the proceeds of the sale of tsars' jewels could not provide the ever-growing demand of industrialization for gold and currency resources. Each major enterprise required not less than a ton of gold for its construction, while large plants needed tens of tons to pay for their projects and imported equipment. According to official estimates during the first five years plan almost 5 billion dollars were spent for this purpose. It was covered mainly by a sharp increase in gold production in the USSR.

Nevertheless, huge gold and foreign exchange resources that were required for the so called Stalin's modernization were obtained to a certain extent due to the export of the tsars' jewels. Thus, the Romanovs made a posthumous "contribution" to the formation of a new Russian identity. This contributed to the advancement of Russia at the level of world industrial civilization, while it also led to a loss of its considerable historical and cultural heritage of the three centuries of the Romanov dynasty's rule. It also resulted in deaths and sufferings of many people. The mysterious and tragic fate of the tsar's treasures left a lot of mysteries that disappeared forever with the participants of these events of the bygone days. It is important, yet difficult to implement the task of finding and identifying pieces of jewelry that previously belonged to the Romanov dynasty and currently are scattered in private collections of the Western world.

Key words: Russia, the Urals, the Romanovs, tsars' jewelry, historical and cultural heritage, modernization, industrialization, revolution.

*Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (проект НШ-3422.2014.6 – «Исторический опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: социокультурные детерминанты и трансформации).

На подходе к XX столетию ведущие мировые державы вступили в эпоху индустриализма. Россия отставала. Несмотря на значительный промышленный подъем начала века, отставание не удалось преодолеть. В 1913 г. уровень индустриализации на душу населения в ней составлял лишь 17,4 % от британского [1, С. 106–107]. Хуже того, Первая мировая война и последовавшая за ней революция еще больше усугубили социально-экономическое положение страны. Большевики, взявшие власть в октябре 1917 г., ориентировались на мировую пролетарскую революцию и потратили на ее подталкивание немалые средства, в том числе из сокровищ семьи бывшего императора Николая II (см.: [2]).

После того, как провал мировой революции стал очевиден, сталинское руководство взяло курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране – СССР. Сегодня ясно, что и это не завершилось успехом. Тогда что же произошло со страной в XX в.? Она слишком дорогой ценой совершила модернизацию – переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, как и большинство государств мира, а для этого требовалось очень много средств, которыми не располагали ни имперская, ни советская Россия. Именно в этом заключается одно из объяснений ее триумфа и трагедии на указанном пути. Найти иное толкование происшедшего трудно (см. подробнее: [3]).

Не имя возможности сколько-нибудь подробно осветить такую сложную проблему в столь кратком тексте, остановимся лишь на источниках средств ее решения – месте царских драгоценностей в этом деле. В историографии этим источникам уделялось мало внимания. Вопрос о золотом запасе России в начале XX в. раскрывается историками преимущественно в связи с вывозом его значительной части за пределы страны в годы иностранной интервенции и Гражданской войны, а также в связи с освещением опыта организации золотовалютных операций в советский период [4; 5; 6; 7; 8]. Судьба царских драгоценностей осталась не раскрыта.

В начале 1990-х гг. в ходе работы по идентификации предполагаемых останков царской семьи, найденных под Екатеринбургом, нам удалось получить и опубликовать только что рассекреченные документы на этот счет, в том числе блок о драгоценностях Романовых, привезенных на Урал [9]. Десять лет спустя этот блок был целиком перепечатан В.В. Кузнецовым с дополнением более поздних текстов, но он не занимался задачей осмысления вклада романовских драгоценностей в сталинскую модернизацию [10]. Тогда главное внимание уделялось идентификации останков. Теперь с привлечением дополнительных материалов ставится задача – оценить, какие драгоценности остались после гибели семьи, что с ними произошло, какую роль они сыграли в форсированной модернизации страны. Отметим, что до сих пор не на все вопросы можно ответить с исчерпывающей полнотой.

От свергнутой в ходе Февральской революции династии Романовых осталось много ценностей, поскольку она была едва ли не самой богатой в Европе. За три столетия ее существования накопились несметные сокровища, которые по указу Петра I запрещалось дарить, менять или продавать. Это крупные земельные участки внутри страны, а также за рубежом, золотые и серебряные рудники, другие месторождения полезных ископаемых, хозяйственные предприятия, недвижимость внутри державы и за ее пределами, дворцы, государственные и личные драгоценности, денежные вклады в отечественных и зарубежных банках, которые могли быть конвертируемы в зарубежную валюту и гарантировать получение западных инноваций для индустриального рывка.

Не последнюю роль в данной связи могли сыграть фамильные ценности царской семьи, расстрелянной в Екатеринбурге¹. По имеющимся сведениям, отправляясь в Тобольск на основании распоряжения Временного правительства, семья взяла с собой большую часть фамильных драгоценностей. При выезде из Царского Села царица Александра Федоровна и великие княжны имели при себе драгоценностей на 1 млн руб. в твердой валюте [11, Р. 64]. В действительности их оказалось гораздо больше, а цена в ходе послевоенной инфляции возросла многократно. Некоторые изделия представляли собой уникальные произведения искусства и составляли национальное достояние. В дневнике царицы Александры Федоровны было отмечено более 300 ювелирных украшений.

В июле 1918 г., за три дня до ликвидации царской семьи, был выпущен декрет советской власти об обращении в собственность государства имущества Романовых². В октябре 1919 г. Совет Труда и Оборона принял специальное постановление «Об использовании ценностей для товарооборота», что послужило основанием для продажи драгоценностей за рубеж. Земля, недвижимость и другие активы вскоре перешли под руководство новой власти. А драгоценности? Те, что остались в столичных дворцах или оказались в Екатеринбурге, частично были направлены на поддержку мировой революции (о чем уже сообщалось в нашей статье [2]), а судьба большого тобольского клада до 1930-х гг. оставалась неизвестной. Его обнаружение совпало с разворотом сталинской модернизации и представляется в данной публикации.

После долгих и безуспешных розыскных мероприятий осенью 1933 г. ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) вышло на след царских драгоценностей, оставленных в 1918 г. в Тобольске, и начало разработку в отно-

¹ Со времени екатеринбургской трагедии появилось немало публикаций о полном или частичном спасении членов семьи, но это не отменяет реального факта конфискации новой властью фамильных драгоценностей Романовых.

² Декреты Советской власти. М., 1984. Т. 3. С. 21–22.

шении 21 человека³. Материалы дела составили три тома совершенно секретных документов, которые, с одной стороны, раскрывают безжалостность сталинских искателей кладов, а, с другой – показывают преданность своему долгу хранителей имперских сокровищ. Рассмотрим кратко эту почти детективную историю.

В 1918 г. во время пребывания царской семьи в г. Тобольске в их дом был допущен священник Тобольской Благовещенской церкви Алексей Васильев, который совершал церковные обряды и был их духовником. Перед отправкой семьи из Тобольска в Екатеринбург царицей Александрой Федоровной было поручено Васильеву вынести чемодан с бриллиантами и другими ценностями. При содействии начальника охраны Кобылинского и писца Николая II Александра Кирпичникова ценности были скрыты от представителей власти. Позднее была вынесена также шпага в золотой оправе с ручкой червонного золота. В 1921–1922 гг. эти ценности хранились у крестьянина Егорова д. Батиной Тобольского района, который рассказал бывшей прислужнице дома Романовых Паулине Межанс, что Васильев забрал их себе обратно. В 1929 г. Васильев вместе со своей женой Лидией выехал из Тобольска в Омск к своему сыну. По дороге Васильев умер, оставшиеся ценности хранили жена и сын Александр⁴.

На допросе Паулина Межанс добавила к вышесказанному, что царь с царицей поручили Васильеву и Кирпичникову спрятать диадемы Александры Федоровны и ее дочерей. При этом она подчеркнула: «Я хорошо видела корону Александры Федоровны, она была вся бриллиантовая»⁵. Последнее замечание имеет принципиальное значение, поскольку вопрос о судьбе короны царицы содержит многочисленные противоречивые толкования. Другая часть золота и бриллиантов, по ее утверждению, поручалась Кобылинскому, которому предстояло доставить их царице-матери Марии Федоровне, находящейся в то время на Украине. Выполнить это поручение полковник не смог, а сталинским охотникам за царскими сокровищами не удалось обнаружить их след.

В ходе следствия выяснилось, что распределением ценностей занимался гувернер царской семьи Пьер Жильяр, который фиксировал, кому и что передавалось для хранения⁶. Он вручил Кобылинскому шкатулку с золотом и бриллиантами общей стоимостью свыше 1 млн золотых рублей, а тот передал ее тобольскому предпринимателю Константину Печекосу, который признался следователю в получении ценностей и сообщил, что дал клятву: «Помру, но о ценностях никому не скажу». Он указал фиктивное место в г. Омске, в бывшем доме своего бра-

та. Когда выяснилось, что их там нет, Печекос совершил попытку самоубийства – прыгнул с пятого этажа дома, но остался жив⁷. А его жена Аниль Печекос проглотила изломанную на несколько частей алюминиевую ложку и умерла⁸.

У следствия возникло подозрение, что ценности были переправлены в Польшу братом Печекоса Александром⁹. Доказать это и вернуть драгоценности не удалось, несмотря на угрозы и запугивания подозреваемых. На очной ставке, проведенной между женой Кобылинского Клавдией и Константином Печекосом, следователь грозно вопрошал: «Почему Вы, гражданин Печекос, скрываете эти ценности от советской власти, ибо Вы знаете, что за сокрытие их с вами будет устроена расправа и не только с вами, и даже с родственниками в целом»¹⁰.

Накануне отъезда из Тобольска в Екатеринбург Александра Федоровна передала баул с золотом и бриллиантами «весом не менее одного пуда» местному духовенству. По одной версии, он сначала попал к священнику Тобольской Благовещенской церкви Алексею Васильеву, но тот вскоре умер, а ценности продолжали хранить родственники. По другой версии, они были отданы камердинером Терентием Чемодуровым игуменье Тобольского монастыря Дружининой, которая незадолго до смерти передала их своей помощнице – благочинной Марфе Ужинцевой. Возможно, эти версии где-то пересекаются, поскольку фамилии, названные в том и другом случаях, перекрещивались на очных ставках.

На допросе 29 ноября 1933 г. Ужинцева показала, что она со священником Васильевым была вхожа в дом, где размещалась царская семья. Перед отъездом Романовых в Екатеринбург Чемодуров принес ей большой сверток и попросил передать игуменье в монастырь, что она немедленно сделала. Там ценности хранились до закрытия монастыря в 1923 г., после чего вернулись в руки Ужинцевой, которая спустила их сначала в колодец, а потом зарыла в могиле на монастырском кладбище.

Измученная тяжелой тайной, Марфа потеряла сон и аппетит. Отчаявшись, решила бросить ценности в Иртыш. «Перед тем, как исполнить это решение, – сообщила она следствию, – я обратилась за советом к Василию Корнилову – местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем и с которым я была знакома. Когда я сказала о своем решении, он страшно испугался и замахал руками: «Что ты, что ты? Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят. Ведь в Иртыш заставят за ценностями лезть». «Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия взять ценности на хранение себе... Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему

³ Архив Свердловского управления МБ РФ. Коллекция документов «Романовские ценности». Т. 1. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 56–57.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 20–25.

⁷ Там же. Л. 207.

⁸ Там же. Л. 192–193.

⁹ Там же. Л. 205.

¹⁰ Там же. Л. 187.

на квартиру, принесла с собой все ценности, две стеклянные банки и два туеска. В эти банки и туески я переложила все ценности из свертка, спустилась с Василием в подполье, и там вместе зарыли их»¹¹.

Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В доме на протяжении нескольких лет жили разные люди, в том числе милиционеры, ищущие царские сокровища и не подозревающие, что они у них под ногами. Марфа между тем ходила мимо и скорбела о судьбе своего тайника, пока чекисты не арестовали ее в октябре 1933 г. и не заставили указать место хранения драгоценностей. Туески были вскрыты, их содержимое легло на стол ОГПУ и составило перечень в 154 наименования¹².

В перечне фиксируется знаменитая бриллиантовая брошь царицы в 100 карат, золотые с драгоценными камнями диадемы и подвески, браслеты, множество коле с бриллиантами, изумрудами и жемчугом, кулоны и броши, царский герб из бриллиантов, уникальный турецкий подарок царю – бриллиантовый полумесяц с пятью большими камнями, роскошные панагии и другие драгоценности. Общая стоимость обнаруженных драгоценностей составила значительную по тому времени сумму – более 3 млн золотых рублей. По всей вероятности, она выше, если учесть их художественные достоинства и мировые цены. Вряд ли это могли сделать приглашенные чекистами оценщики. Зверев и Боровских, судя по оформлению документов, были малограмотные. Первый даже не мог расписаться. Вместо подписи он поставил три креста.

Благодаря Тобольской операции государство получило значительные ценности. В совершенно секретной записке заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды на имя Иосифа Сталина от 14 декабря 1933 г. сообщалось, что в результате длительной агентурной разработки в Тобольске найдены ценности царской семьи на сумму 3,3 млн золотых рублей (а планировалось обнаружить 700 тыс. руб.). Отмечалось, что операция по изъятию валютных ценностей продолжается¹³. Между тем ситуация с золотовалютными ресурсами в стране была катастрофической. По данным профессора Владлена Сироткина, в результате Первой мировой и Гражданской войн, революции и иностранной интервенции из России было вывезено 4 тыс. т золота – практически весь золотой запас государства [8, с. 3]. В этих условиях оставшиеся коронные ценности империи и личные семейные драгоценности Романовых приобрели особое значение. Новая власть видела

в них шанс для своего спасения, сохранения завоеванной революции, проведения модернизации.

Советское руководство рассчитывало выручить за царские сокровища большие деньги на международных рынках драгоценностей. Базилевич, Заместитель особо уполномоченного Совета Народных Комиссаров по учету и сосредоточению ценностей Республики, еще в начале 20-х гг. докладывал Льву Троцкому, что «при залоге этих вещей за границей гарантировано получение 300 000 000 рублей». Власть подыскивала оптовых покупателей, чтобы упростить продажу и увести ее в тень. С этой целью в Гохране была проведена большая работа по сортировке и оценке драгоценностей. По ее результатам ценности были разделены на три категории, при этом учитывались стоимость камней, художественная значимость и историческая важность изделий. В первую категорию вошли 366 предметов, оцененных в 654 935 000 руб., из них украшенные отборными бриллиантами и жемчугом коронационные регалии стоили 375 млн руб. Изделия второй категории, имевшие историческую и художественную ценность, оценивались в 7 382 200 руб., третьей категории (не имевшие особой важности) – в 285 524 руб. Стоимость бриллиантового кольца с сапфиром составляла 3 млн руб., бриллиантовых подвесок – в 5 млн руб.¹⁴ Наиболее ценные вещи оставались в первоначальном виде, из менее ценных выковыривались самоцветы, а золото переплавлялось в слитки с тем, чтобы скрыть принадлежность прежним хозяевам. Изъятые из оправы драгоценные камни отправлялись на продажу в опечатанных мешках без описи, на вес.

С развертыванием модернизации спрос на валюту нарастал с каждым годом. Строительство гигантских промышленных предприятий требовало новых проектов решений, современного оборудования и механизмов, которые покупались за рубежом на золото. Для укомплектования одного крупного предприятия, по расчетам специалистов, необходимо было до тонны золота, а для таких гигантов, как Магнитогорский металлургический комбинат, – от 50 т золота и более. Если бы Россия строила всего 100–150 предприятий, то пришлось бы вывезти весь выращиваемый в стране урожай хлеба, а она с конца 1920-х гг. и до 1941 г. построила 9 тыс. крупных промышленных предприятий. Трудно представить, сколько ушло золота на покупку для них оборудования. Кроме того, возникали новые города, активно шел процесс урбанизации, повышался уровень образования и культуры.

Страна превращалась из аграрной в индустриальную державу во всем своем величии и трагизме, и это требовало все больше золотовалютных ресурсов. Они изыскивались с большим трудом, в частности, за счет продажи царских ценностей на международных валютных аукционах, благодаря которым их стоимость

¹¹ Архив СУ МБ РФ. Коллекция документов «Романовские ценности». Т. 1. Л. 74–76, 137–139. Существует много других версий о сокрытии царских сокровищ, в том числе о захоронении их в семи гробах где-то в пустыне Гоби, о запаянных в 37 шестилитровых банках и спрятанных неизвестно где, а чекисты смогли найти лишь седьмую часть. Судить о правомерности таких версий сложно, но вместе с тем и трудно представить, что романовские драгоценности уместились в двух туесках.

¹² Там же. Л. 2–6.

¹³ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Пор. 2416. Л. 21.

¹⁴ Прохоров А. Дело о розыске царских кладов. URL: <http://amnesia.pavelbers.com/Romanov%20Zarsky%20klad.htm> (дата обращения: 05.10.2015)

заметно возрастала. Вырученные средства вкладывались в приобретение западного оборудования и новых технологий для советской индустрии, без чего невозможно было проведение модернизации в отсталой крестьянской стране. Стремясь получить иностранную валюту для оплаты многочисленных закупок промышленного оборудования, большевики распродавали царские драгоценности с помощью торговых агентов за границей, пользующихся услугами посредников в Лондоне, Париже, Брюсселе, Амстердаме, Нью-Йорке. Проданные сокровища оседали в дворцах правящей элиты Европы и Америки, в подвалах коммерческих банков, в будорагах состоятельных граждан Старого и Нового Света. Теперь обнаружить их местонахождение очень трудно.

Одним из таких агентов стал сын американского коммуниста Арманд Хаммер, появившийся в Москве еще в 1921 г. Его принял В.И. Ленин, который высказался за передачу тому «уральских драгоценностей на комиссию для продажи в Америке». Позднее, в 1932 г., он устроил распродажи этих драгоценностей в универсальных магазинах США. В специальном антикварном магазине, открытом в Нью-Йорке, можно было купить пасхальные яйца Фаберже, в том числе поддельные (с фирменными клеймами, добытыми в Москве) и еще кое-что из «уральских драгоценностей». Хаммер помогал организовать крупные торги царскими драгоценностями в 1927–1934 гг. в Берлине, Вене, Лондоне, Нью-Йорке.

Распродавались целые коллекции драгоценных камней. На одной из выставок лондонского коммерческого банка «Сэмюэль Монтэгю Компани» были представлены камни, принадлежавшие покойной императрице Александре Федоровне: множество неоправленных изумрудов, сапфиров, рубинов, аметистов, нитки жемчугов, жемчужное ожерелье с алмазными застежками, большой крест, отделанный жемчугом, несколько пар жемчужных серег в виде подвесок, браслеты с самоцветными застежками. По мнению В.В. Кузнецова, «Драгоценные украшения, в особенности серьги, по-видимому, были сняты с убитых представительниц царской семьи...» [10, с. 249].

По данным фирмы «Хеннел», английская королева Мария приобрела из романовских драгоценностей жемчужное с бриллиантами кольцо с сапфиром и бриллиантовой застежкой, жемчужную с бриллиантами брошь, продолговатую брошь с полированным сапфиром и розовым бриллиантом, овальную брошь, украшенную веточками сапфиров и бриллиантов с жемчужной подвеской и многое другое [10, с. 249].

Вырученная от реализации драгоценностей валюта использовалась для целей модернизации. За годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) на эти цели было потрачено почти 5 млрд долл. (в золотом эквиваленте) [12, с. 350]. Конечно, полностью компенсировать указанную сумму продажа царских драгоценностей не могла. Эту роль выполнял в основном интенсивный рост золотодобычи в СССР. Если в имперский период

в России намывалось 30 т золота в год, то в Советском Союзе к началу Второй мировой войны его добыча достигла 250 т в год [10, с. 280]. Разумеется, использовались и другие внутренние ресурсы, особенно вывоз за рубеж продукции сельского хозяйства, и, тем не менее, распродажа царских драгоценностей как национального достояния сыграла существенную роль в модернизации СССР и его включении в мировую индустриальную цивилизацию.

Социальную значимость этого феномена выразил специальный буклет «Алмазный фонд СССР», в котором отмечалось: «Теперь, фактически перейдя во владение народа, эти сказочные вещи, по отношению к которым не всегда знаешь, что драгоценнее – самый материал или созданный из него творчеством мастера предмет, – зажили новой жизнью и так или иначе примут участие в общей созидательной работе... многие из них сыграют и более важную роль, превратятся в столь настоятельно необходимые для рабоче-крестьянского государства предметы, как машины и т.п. и на смену яркому, но безмолвному мерцанию драгоценных камней придет менее яркое, но более живое мерцание стальных частей машин, поющих песню о мощи народа, строящего новую жизнь».

Таким образом, для сталинской модернизации потребовались огромные золотовалютные ресурсы, которые были получены в определенной степени за счет вывоза за рубеж царских драгоценностей. Тем самым Романовы внесли посмертный «вклад» в формирование новой российской идентичности. Это способствовало выходу России на уровень мировой индустриальной цивилизации, но привело к потере большей части историко-культурного наследия трехсотлетней династии, обернулось гибелью и страданиями многих людей. Таинственная и трагическая судьба царских сокровищ оставила немало загадок, которые навеки унесли с собой участники событий давно минувших дней. Очень важна, но трудно осуществима задача обнаружения и идентификации произведений ювелирного искусства, ранее принадлежавших династии Романовых, а ныне хранящихся в частных собраниях Западного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. – М.: Ин-т. Гайдара, 2013. Т. 2: 1870 – наши дни. 624 с.
2. Алексеев В.В. Царское золото – для нужд мировой революции // Урал в модернизационной динамике России XX в.: профессорский сборник науч. стат. К 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Андрея Владимировича Сперанского. Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2015. С. 42 – 48.
3. Алексеев В.В. Триумф и трагедия российской модернизации XX века // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште. II. *Russica Pannonicana*. – Будапешт, 2012. С. 180–204.
4. Clark W. The Lost Fortune of Tsars. London: St. Martin's Griffin; Reprint edition. 1994. 336 p.
5. Будницкий О. Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

6. Курносов В. Царское золото. М.: Вече. 2011. 324 с.
7. Осокина Е. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.
8. Сироткин В. Зарубежное золото России. М.: Олма-пресс, 2000. 461 с.
9. Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность (новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. 281 с.
10. Кузнецов В.В. По следам царского золота. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛИМА-ПРЕСС Образование», 2003. 448 с.
11. Trewin J.C. House of Special Purpose. N.Y.: Stein & Day A Scarborough Book, 1982. 148 с.
12. Верхотуров Д. Сталин против Великой депрессии. Анти-кризисная политика СССР. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 576 с.

REFERENCES

1. The Cambridge economic history of Europe, modern and contemporary periods. Moscow, 2013, vol. 2, 1870 – present. 624 p. (In Russ.)
2. Alexeev V. V. Tsars' gold for the needs of the world revolution. *Ural v modernizatsionnoy dinamike Rossii XX veka. Professorskiy sbornik nauchnih statey. K 60-letiu so dna rojdenia doktora istoricheskikh nauk, professora Andrea Vladimirovicha Speranskogo.* Ekaterinburg, 2015, pp. 42–48 (In Russ.)
3. Alexeev V.V. Triumph and tragedy of Russian modernization of the twentieth century. *Istoricheskaya uralistika i rusistika na Urale i v Budapeshte.* Budapest, 2012, pp. 180–204. (In Russ.)
4. Clark W. The Lost Fortune of Tsars. L.: St. Martin's Griffin; Reprint edition. 1994, 336 p.
5. Budnitskii O. Money of the Russian emigration. Kolchak's gold. Moscow, 2008, 512 p. (In Russ.)
6. Kurmosov V. Tsars' gold. M., 2011. 324 p. (In Russ.)
7. Osokina E. Gold for industrialization: the Torgsin. Moscow, 2009, 592 p. (In Russ.)
8. Sirotkin V. Foreign gold of Russia. Moscow, 2000, 461 p. (In Russ.)
9. Alexeev V.V. The death of the tsar's family: myths and reality (new documents about the tragedy in the Urals). Ekaterinburg, 1993, 281 p. (In Russ.)
10. Kuznetsov V.V. In the footsteps of the tsars' gold. SPb.; Moscow, 2003, 448 p. (In Russ.)
11. Trewin J.C. House of Special Purpose. N.Y.: Stein & Day A Scarborough Book, 1982. 148 с.
12. Verkhoturov D. Stalin vs. the great depression. Anti-crisis policy of the USSR. Moscow, 2009, 576 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150415
УДК 94 (470)“1945/1990”

С.А. ПИСКУНОВ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДОМАМИ В РСФСР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1980-е гг.

Сергей Александрович Пискунов,
канд. ист. наук, доцент,
Благовещенский государственный педагогический университет,
РФ, 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104,
e-mail: grew5@mail.ru

В статье анализируется обеспечение плановых аграрных переселенцев жильем во второй половине 1940-х – 1980-е гг., являвшееся важнейшей мерой привлечения граждан страны в сельскую местность ряда регионов РСФСР. На основе широкого круга источников, включая архивные материалы, рассмотрена эволюция условий и объемов кредитования ремонта и строительства домов новоселов, определена степень бюджетной поддержки, зависевшей от районов вселения семей. Установлено, что переселенческое строительство осуществлялось подрядным и хозяйственным способами. Подчеркнута роль государственного финансирования переселенческого строительства.

Ключевые слова: аграрная политика, льготы, миграция, плановое сельскохозяйственное переселение, сельское население, строительство.

S. A. PISKUNOV

PROVIDING ACCOMMODATION FOR MIGRANT AGRICULTURAL WORKERS IN THE RSFSR IN THE SECOND HALF OF THE 1940s – 1980s

Sergey A. Piskunov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
104, Lenin Str., Blagoveshchensk, 675000,
e-mail: grew5@mail.ru

The article addresses the practice of providing accommodation for migrant agricultural workers in the second half of the 1940s-1980s. The research of this aspect touches upon a broader problem of adaptation of migrants arriving in the course of planned migration, which is both scientifically and practically relevant. The significant role in this process belonged to the state initiatives, called “measures of migration incentives” or “benefits” having the dual functional significance. On the one hand, they increased migration flows in accordance with the required vector; on the other hand, they ensured the new settlers’ survival. It is evident that the key measure was provision of accommodation for the newly arrived families.

This paper identifies the state’s role in financing the construction of resettlement houses. The terms and conditions of such budgeting depended on the territorial belonging of those households that accepted the new comers. The author applied a problem-chronological method which allowed tracing the evolution of government policy in this area during a period of more than 40 years.

On the basis of a wide range of sources the author determines the volume of housing construction and, equally important, its correlation with the number of accepted families. It is established that plans of resettlement construction adopted by the authorities were carried out in two ways – using its own resources (which implied creation of teams at the expense of internal resources of farms and contractors) and by a contractor which was characterized by involvement of specialized construction (building) companies. According to archival records, the first way was less costly and, therefore, more widespread. In conclusion the author highlights the importance of the state funding of the resettlement construction and the key role played by the relevant governmental agencies.

Key words: agricultural policy, benefits, migration, planned agricultural migration, rural population, building.

Традиционное для России неравномерное расселение жителей на ее обширных территориях требовало государственных инициатив, направленных

на централизованное перемещение части населения в слабоосвоенные регионы. Предоставляя льготы, власть оказывала воздействие на вектор движения

миграционных потоков, частично компенсируя ими неудобства в районах вселения. Очевидно, что конечным результатом такой политики являлась максимально возможная приживаемость новоселов. В этом ключе первостепенное значение, по мнению чиновников, приобретало хозяйственное устройство переселенцев, ассоциируемое главным образом с обеспечением их жильем и земельным участком. Например, новоселы Приамурья в начале XX в. имели возможность бесплатно получить казенный строевой материал [1, с. 269]. Оказание помощи в строительстве или приобретении домов осуществлялось и в советское время. В частности, в 1927 г. на эти цели предполагалось выдавать кредиты, а позднее и компенсировать часть расходов за счет государства¹. Бюджетное финансирование строительства было продолжено и в 1940-е гг. в связи с возобновлением планового переселения.

Следует отметить, что решение жилищной проблемы новоселов в заявленных хронологических и территориальных рамках, несмотря на появление ряда серьезных научных работ (см., например: [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]), преимущественно регионального характера, не получило детальной разработки. Тем самым целью статьи, определившей ее новизну, является исследование практики обеспечения плановых аграрных переселенцев жильем во второй половине 40-х – 80-е гг. XX в. на территории РСФСР.

В 40-е гг. XX в., как и прежде, важнейшей задачей плановой сельскохозяйственной миграции являлось увеличение численности жителей деревни многоземельных районов. Еще в годы Великой Отечественной войны на переселение было возложено решение специфической задачи – обеспечения трудовыми ресурсами территорий, жители которых подверглись депортации. Тем самым для стимулирования заселения территорий ряда упраздненных на тот момент республик Крыма, Кавказа и Поволжья предоставлялись льготы, включавшие предоставление жилья. Так, в пункте 7 Постановления СНК СССР от 09 марта 1944 г. (№255-74сс) отмечалось: «Общественные и индивидуальные постройки..., оставленные в районах бывшей Чечено-Ингушской АССР, передать по балансовой стоимости, а там, где ее нет, по страховой оценке с учетом износа... колхозам и колхозникам с рассрочкой на 5 лет...»². Этот же способ обеспечения жильем помещенными новоселов предполагалось использовать в хозяйствах Крыма и Поволжья. Таких построек, например, в Грозненской области насчитывалось 30 484 единицы, в Саратовской области – 33 103 дома, из которых к 1946 г. около 20 тыс. было разрушено³.

По окончании войны одной из приоритетных задач государства стало наращивание в кратчайшие

сроки демографического потенциала в присоединенных территориях – Калининградской и южной части Сахалинской областей. Здесь в собственность переселенцам передавались имевшиеся свободные дома с постройками, а в случае их отсутствия предусматривалось кредитование семей, при этом 50 % кредита компенсировалось государством. Размер ссуды был различен: на Сахалине он достигал 20 тыс. руб. на хозяйство и выдавался на 10 лет с погашением, начиная с 3-го года после получения кредита; в Калининградской области – до 10 тыс. руб. на 7 лет⁴.

В 1947–1950 гг. возобновилось переселение в районы Северо-Запада, Северного Кавказа, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока РСФСР. В табл. 1 приведены размер выдаваемого кредита и условия его погашения в зависимости от региона вселения.

Из приведенных данных видно, что наиболее выгодными были кредитные условия в восточных районах страны и Крымской области.

Отметим, что табл. 1 составлена в соответствии с решениями союзного правительства, принятыми в 1949–1951 гг. Этот широкий перечень был унифицирован в феврале 1953 г. В документе выделены 9 групп. Первая включала ряд северных районов, Камчатскую область и Еврейскую автономную область Хабаровского края, Сахалинскую область. Они кредитовались из расчета стоимости дома, равной 20 тыс. руб. с 50 %-й компенсацией за счет государственного бюджета. Последняя, представленная некоторыми областями Поволжья, Урала и Западной Сибири – 10 тыс. руб. До 3 тыс. руб. кредитовались ремонтные работы. Сельхозбанк предоставлял заем сроком на 10 лет (3 года для ремонтных работ) под 2 % годовых, выплаты по которому после 3-го года с момента передачи строений новоселам⁵.

Однако выделяемая ссуда не покрывала реальной стоимости строительства жилья. Так, по данным на март 1956 г. установленный лимит в 10 тыс. руб. был ниже фактических затрат в Иркутской (17,6 тыс. руб.), Кемеровской (17,7 тыс. руб.), Новосибирской (18 тыс. руб.), Тюменской (21,1 тыс. руб.) областях. Это, в свою очередь, обусловило ходатайства местной власти об увеличении выделяемой ссуды⁶.

В 1959 г. такое увеличение произошло. Так, на Камчатке выдавалось 30 тыс. руб. с 60 %-й бюджетной компенсацией; чуть ниже – 25 тыс. руб. – на Сахалине за вычетом 50 %; в районах освоения целины и залежей и Калининградской области – от 18 до 22 при 30–40 % возмещении государством; в Приморье, Хабаровском крае, Амурской, Мурманской и Читинской областях – 20 тыс. руб. за минусом 50 %; для всех остальных – 10 тыс. руб.⁷

¹ См., например: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1928. № 6. Ст. 56; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-327. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 104. Л. 289.

³ Там же. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 599. Л. 2; Д. 611. Л. 26.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁵ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 571. Л. 376, 378, 381–382.

⁶ Там же. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 142. Л. 67а–67б.

⁷ Собрание Постановлений Правительства РСФСР. 1959. №3. Ст. 34.

Т а б л и ц а 1

Размер кредита на ремонт и строительство домов и надворных построек для переселенцев, на 01.01.1952 г.*

Наименование республик, областей, краев вселения	Размер предоставляемого кредита		
	На строительство, тыс. руб.	В том числе за счет государства, %	На ремонт, тыс. руб.
Сахалинская область	20	50	Входит в кредит на строительство
Хабаровский край	15	50	
Камчатская область	20	50	
Читинская	10	50	3
Бурят-Монгольская АССР	10	50	3
Иркутская область	7	35	3
Красноярский край	7	35	3
Алтайский край	7	–	3
Молотовская область	7	–	3
Калининградская	20	40	–
Ростовская область	10	–	3
Краснодарский край	10	–	–
Грозненская область	12	–	3
Крымская область, колхозы, хлоп. совхозы	16 и 20**	40	5
Крымская область, совхозы	12	40	5
Смоленская область	10	–	3
Дагестанская АССР	12	–	–
Приморский край	10	50	3
Амурская область	10	50	3
Кемеровская	7	–	3
Новосибирская	7	–	3
Челябинская	7	–	3
Курганская	7	–	3
Ленинградская	10	–	3
Саратовская	10	–	3
Сталинградская	10	–	3

*Составлено по: ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 507. Л. 45–48.

**Кредиты размером 20 тыс. руб. выдавались колхозам следующих районов: Судакского, Алуштинского, Балаклавского, Куйбышевского, Бахчисарайского, Симферопольского, Зуйского, Белогорского, Старо-Крымского районов, Ялтинского горисполкома, во всех остальных – 16 тыс. руб. Этот же принцип был распространен на хлопководческие совхозы: в перечисленных выше районах и горисполкоме размер кредита составлял 20 тыс. руб., тогда как в остальных – 16 тыс. руб. // ГА РФ. Оп. 1. Д. 84. Л. 100; Постановление Совета министров СССР от 21 декабря 1951 г. №5263 «О льготах по переселению на 1952 г.» // Правовая система «Консультант плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6696> (дата обращения: 15.12.2014).

С 1963 г. в совхозах планировалось внедрение отличного от колхозов порядка обеспечения новоселов домами. Предполагалось, что строительство жилья должно осуществляться преимущественно за счет капложений (около 80 %). На практике это оказалось трудно реализовать. Так, в 1965 г. из-за недостатка средств обеспечение новоселов жильем производилось за счет фонда, предназначенного для рабочих совхозов. Особенно острой проблема оказалась на Даль-

нем Востоке: в ряде районов прибывшим семьям было выделено более половины строящегося жилья⁸.

Повышение стоимости строительных материалов, с одной стороны, и необходимость усиления мер миграционного стимулирования – с другой, обусло-

⁸ Государственный архив Приморского края (ГА ПК). Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 14. Л. 135–136; ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 216. Л. 7; Ф. 10005. Оп. 1. Д. 36. Л. 88; Д. 290. Л. 20.

вили увеличение банковского участия в подготовке переселенческого жилого фонда. Кроме того, требовалось устранить разность объемов бюджетной помощи, что отличалось не только в сходных по природно-климатическим условиям регионах, но и в рамках одной области⁹.

В 1973 г. правительством были утверждены новые льготы по переселению. Повышая размер ссуды, государство одновременно снизило долю своей компенсации. Однако это не означало увеличения финансового бремени для новоселов, поскольку к погашению займа стали привлекаться хозяйства. По-прежнему наибольший кредит выдавался на Дальнем Востоке и в Читинской области – 6 тыс. руб., из них за счет государства 2 тыс. руб., за счет хозяйства 2 тыс. руб. и лишь оставшаяся часть – 2 тыс. руб. – выплачивали новоселы под 0,5 % годовых. Для областей и краев Сибири, Башкирской АССР и Калининградской области – 5 тыс. руб.: 1,3 тыс. руб., 1,5 тыс. руб. и 2,2 тыс. руб., для остальных – 4,5 тыс. руб.: 1,2 тыс. руб., 1 тыс. руб. и 2,2 тыс. руб. соответственно¹⁰.

Наконец, в 1977 г. размер максимального кредита, выдававшегося на Дальнем Востоке и в Читинской области, составил 12 тыс. руб., из них по 5 тыс. руб. приходилось на бюджет и хозяйство, и, как и прежде, 2 тыс. руб. погашали сами новоселы. Минимальный – в Поволжье (за исключением районов орошаемых земель Саратовской области) и Дагестанской АССР – 4,5 тыс. руб.: 1,2 тыс. руб., 1 тыс. руб. и 2,3 тыс. руб. соответственно¹¹.

Кредиты получали хозяйства. Им предстояло подготовить жилье для прибывших семей. Ремонт и строительство домов осуществлялись двумя способами: хозяйственным – за счет собственных сил, и подрядным – с привлечением строительных организаций. Так, в 1946 г. по опыту довоенного времени были созданы конторы (в Калининградской области с июля 1947 г. – трест) с соответствующими подразделениями – участками – в районах. Организации «Переселенстрой» начали функционировать в Хабаровском и Приморском краях с 1947 г., с 1948 г. – в Амурской области¹².

Однако намеченные планом объемы подготовки жилья не выполнялись. Это было связано, как неоднократно отмечалось работниками переселенческих отделов, с недостаточным финансированием организаций и, как следствие, слабой материально-технической базой и отсутствием специалистов¹³.

Поэтому широкое распространение получил хозяйственный способ подготовки жилого фонда. Он

был менее затратным, поскольку работы осуществлялись главным образом силами созданных в колхозах и совхозах бригад. Это, по мнению начальника приморской конторы «Переселенстрой», позволяло укладываться в выдаваемые в 1949 г. государством кредиты – 10 тыс. руб. По его данным, сметная стоимость одного дома составляла 16–17 тыс. руб. (в ценах 1949 г. – прим. С.П.). Снижение расходов происходило как за счет использования рабочей силы хозяйств, так и относительно дешевых местных стройматериалов. Например, стоимость возведения глинолитного дома уменьшалась с 13,9 тыс. до 9,7 тыс. руб., саманного – с 13,7 тыс. до 8,9 тыс. руб.

В качестве главного недостатка таких бригад был временный характер их деятельности, поскольку из-за дефицита работников в хозяйствах их члены отвлекались на сев или уборку урожая¹⁴. Поэтому полного отказа от использования в переселенческом строительстве подрядных организаций не произошло.

В течение 1949–1950 гг. строительство в деревне было сосредоточено в системе Главного управления по делам сельского и колхозного строительства и его региональных подразделений¹⁵. Стремление упорядочить и придать строительству жилых домов более организованный характер было реализовано в Постановлении Совета министров СССР от 25 ноября 1950 г. (№4757). Местному руководству предписывалось создавать постоянные строительные и лесозаготовительные бригады. Нововведением явилась директива, согласно которой предполагалось авансирование подготовки жилых домов¹⁶.

Очередная реорганизация участвовавших в переселенческом строительстве структур была осуществлена в 1953 г. Так, согласно Постановления республиканского (РСФСР) правительства 19 мая 1953 г. (№569) в ведение Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР передавались Хабаровсксельстрой, Пирморсельстрой, Сахалинсельстрой, Грозсельстрой, Крымсельстрой, Калининградсельстрой, Сталинградпереселенстрой; Министерству жилищно-гражданского строительства РСФСР – Амурсельстрой, Дагсельстрой, Краснодарсельстрой, Красноярсельстрой, Ростовсельстрой, Саратовсельстрой, Челябинсельстрой¹⁷. С августа 1954 г. по май 1957 г. функционировало Министерство городского и сельского строительства, непосредственно участвовавшее в подготовке жилья¹⁸.

¹⁴ ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 639. Л. 17–18; Государственный архив Амурской области (ГА АО). Ф. Р-22. Оп. 3. Д. 11. Л. 8.

¹⁵ Там же. Д. 476. Л. 40; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 383. Л. 113; Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. Р-553. Оп. 1. Д. 55. Л. 115.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 439. Л. 318–319.

¹⁷ Там же. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 112. Л. 13.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1957 г. №11. Ст. 275; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июль 1956 г. М.: Гос. издат. юр. лит., 1956. С. 91–92; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 238. Л. 40.

¹⁰ Собрание действующего законодательства СССР. Раздел 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Кн. 4. Т. 32. М.: Известия, 1974. С. 234, 242–243.

¹¹ Собрание Постановлений Правительства СССР. 1977. №20. Ст. 125.

¹² ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 18. Л. 39–40; Д. 19. Л. 40; Оп. 2. Д. 639. Л. 5, 26; Д. 787. Л. 5.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 639. Л. 26–28.

Подготовка жилых домов и хозяйственных построек для переселенцев, 1951–1990 гг.*

Годы	Принято семей	Подготовлено домов	
		Всего	В т.ч. построено новых
1951–1955	116 847	112 851	Нет данных
1956–1960	105 556	97 346	Нет данных
1961–1965	65 027	69 087	55 247
1966–1970	65 542	71 157	63 906
1971–1975	61 743	66 012	66 012
1976–1980	60 278	51 182	51 182
1981–1985	60 425	50 390	50 390
1986–1990	62 055	58 890	Нет данных

*Составлено по: ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 170. Л. 20; Ф. А-518. Оп. 1. Д. 24. Л. 41, 47, 59; Д. 65. Л. 53, 109; Д. 100. Л. 113, 134; Д. 133. Л. 148, 153; Д. 163. Л. 163, 179–180; Д. 195. Л. 144, 157–158; Д. 216. Л. 139, 154; Д. 239. Л. 135, 148; Д. 266. Л. 122, 135; Д. 290. Л. 106, 122; Д. 308. Л. 157, 177; Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 37, 60; Д. 72. Л. 6, 23; Д. 118. Л. 50, 68; Д. 166. Л. 39, 54; Д. 218. Л. 184, 205; Д. 270. Л. 180, 201; Д. 325. Л. 185, 203; Д. 393. Л. 176, 194; Д. 494. Л. 173, 192; Д. 522. Л. 179, 202; Д. 581. Л. 143, 161; Д. 650. Л. 143, 156; Д. 719. Л. 113, 130; Д. 794. Л. 117, 134; Д. 908. Л. 141, 159; Д. 984. Л. 157, 165; Д. 1 050. Л. 152, 159; Д. 1 120. Л. 146, 151; Д. 1 183. Л. 144, 149; Д. 1 247. Л. 130, 135; Д. 1 310. Л. 97, 109; Д. 1 363. Л. 117, 127; Д. 1 425. Л. 7; Д. 1 477. Л. 1.

Отметим, что реорганизация строительных ведомств, высокая стоимость их услуг и порой невыполнение взятых ими обязательств являлись причинами слабой вовлеченности данных структур в обеспечение жильем новоселов. Так, в 1956 г. из запланированных к сдаче в колхозах 34 600 домов на долю подрядчиков отводилось лишь 7 500 (21,68%)¹⁹. Более того, и взятые ими обязательства не выполнялись²⁰.

Несмотря на все инициативы властей, хозяйственный способ переселенческого строительства по-прежнему играл ключевую роль, хотя архивы содержат и иные данные. Так, в Калининградской области в 1968 г. на его долю пришлось лишь 27,7%²¹. Пожалуй, это являлось исключением из правила, поскольку подрядный способ строительства, как и прежде, был более затратным, особенно при реализации новых проектов домов, возросшее качество которых автоматически увеличивало их стоимость. Вот что сообщал в июне 1976 г. один из сотрудников Госгражданстрой СССР в письме Совету министров СССР: «... некоторое снижение стоимости этих домов в пределах до 30% может быть достигнуто за счет более широкого привлечения к участию самих переселенцев...»²².

Результаты деятельности сложившейся системы подготовки жилого фонда и степень удовлетворения потребностей прибывших семей домами отражены в табл. 2.

Совета РСФСР и постановлений правительства РСФСР. Т. 6. 1957 г. М.: Гос. изд-во юр. лит-ры, 1959. С. 202.

¹⁹ ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 133. Л. 46.

²⁰ Там же. Д. 138. Л. 16, 18.

²¹ Там же. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 75. Л. 40.

²² Там же. Д. 563. Л. 139–140.

Подготовленные дома передавались новоселам по актам. Однако, судя по архивным данным, они не спешили приобретать жилье в собственность. На это, в частности, в марте 1972 г. указывал председатель Совета министров РСФСР М.С. Соломенцев: «... В настоящее время большинство переселенцев отказывается принимать в собственность дома, так как их стоимость возросла, и годовые взносы значительно превышают размер квартплаты...»²³. Так, на 1 января 1968 г. из оставшихся 11 168 семей 1967 г. вселения по актам приняли 2 824 дома (25,56%). Спустя 10 лет этот показатель был еще ниже – из 11 049 семей оформили в собственность 1 144 дома (10,35%), а в 1987 г. из 12 140 семей лишь 199 домов (1,64%)²⁴. Такая ситуация приводила к возникновению задолженности у хозяйств по ссудам перед банком.

Таким образом, в послевоенный период происходило расширение и усиление мер миграционного стимулирования, наиболее важной из которых являлось обеспечение жильем прибывших семей. Активное участие в обеспечении переселенческого строительства принимало государство – от выдачи кредита до целенаправленных капитальных вложений. Степень этого участия зависела от региона вселения.

В ходе исследования были выявлены способы подготовки жилья – подрядный, осуществляемый специализированными строительными организациями, и хозяйственный, производимый силами колхозов и совхозов. Их доля не оставалась неизменной. Однако доминировал на данном этапе хозяйственный способ. Такая ситуация объяснялась сравнительно высокой

²³ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 238. Л. 46.

²⁴ Там же. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 37; Д. 581. Л. 143; Д. 1310. Л. 104.

стоимостью услуг порядных организаций, и все более возрастающими объемами строительства в СССР – как промышленного, так и сельского. Оно отвлекало как людские, так и материальные ресурсы, имело приоритетное значение в сравнении с задачей обеспечения новоселов жильем. Вместе с тем, это не означало полного игнорирования потребностей переселенческого строительства

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. 423 с.
2. Бадалян Т.М., Мелентьева А.П. Организация сельскохозяйственного переселения в Сибирь в 1940 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №2. С. 91–97.
3. Большакова Г.И. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 621 с.
4. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 203 с.
5. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию: (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 160 с.
6. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 268 с.
7. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-е – 70-е гг. XX века). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ, 2000. 328 с.
8. Сеитова Э.И. Организация трудового переселения в Крым (1944–1976 гг.) // Уч. зап. Казан. ун-та. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 173–183.

REFERENCES

1. Overview of the agricultural colonization of the Amur region. Blagoveshensk, 1913, 423 p. (In Russ.)
2. Bolshakova G.I. The resettlement policy of the Soviet state and its real implementation on the Karelian isthmus in 1940–1960: Dis. Doct. hist. sciences. St. Petersburg, 2010, 621 p. (In Russ.)
3. Badalyan T.M., Melent'eva A.P. The organization of agricultural migration to Siberia in 1940s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1998, no 2, pp. 91–97. (In Russ.)
4. Vlasov S.A. House building in the Russian Far East (1946–1991). Vladivostok, 2008, 203 p. (In Russ.)
5. Zandanova L.V. Relocation of the peasantry in the Asian part of Russia (the end of the 1940s to mid 1960s. XX century). Irkutsk, 1997, 160 p. (In Russ.)
6. Krushanova L.A. Migration policy of the USSR in the Far East (mid 1940s–1970s.). Vladivostok, 2014, 268 p. (In Russ.)
7. Osmanov A.I. Agrarian reforms in Dagestan and resettlement of mountaineers on the plain (20th – 70ies. XX century). Mahachkala, 2000, 328 p. (In Russ.)
8. Seitova Je.I. Arrangement of Labor Migration to Crimea (1944–1976). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2013, vol. 155, book 3, part 1, pp. 173–183 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150416
УДК 94(47).084.9

Д.С. ОРЛОВ

АГРАРНЫЙ КРИЗИС В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Дмитрий Сергеевич Орлов,
канд. ист. наук, доцент,
Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина,
РФ, 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 55,
e-mail: orlovd2010@mail.ru

В статье на материалах Западной Сибири анализируются причины, динамика и последствия аграрного кризиса начала 1980-х гг., а также деятельность государственных органов по преодолению его последствий. Показано, что катализатором аграрного кризиса стала сильная засуха на юге Западной Сибири. На решение обострившейся продовольственной проблемы была направлена принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа. С началом ее реализации ситуация в аграрном секторе экономики Западной Сибири стабилизировалась.

Ключевые слова: аграрный кризис, сельское хозяйство, аграрная политика, административно-командная система, колхозы, совхозы, продовольственный дефицит, государственные закупки, Западная Сибирь.

D.S. ORLOV

THE AGRARIAN CRISIS IN WESTERN SIBERIA IN THE EARLY 1980s

Dmitry S. Orlov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Altai State Academy of Education named after V.M. Shukshin,
55, Korolenko Str., Biysk, 659333, Russia,
e-mail: orlovd2010@mail.ru

On the materials of Western Siberia the article analyzes the causes, course and results of agricultural crisis of the early 1980s as well as the state bodies' efforts to overcome its consequences. The economic slowdown in the second half of the 1970s and the crisis in the agricultural sector in the early 1980s were due to the out-of date agrarian policy of the Soviet state. Its implementation led to the economic imbalance and strengthened administrative methods of economic management. The actual bankruptcy of the majority of regional state and collective farms, growing price disparity between agricultural and industrial products, controversial procurement policy of state agencies were complemented by the growing alienation of agricultural workers from the results of their labour. The severe drought in the south of Western Siberia served as a catalyst for the agrarian crisis. The decline in food production led to the aggravation of the food situation in the country and in the region. Food Program adopted at the May Plenum of the Central Committee of the Communist Party of Soviet Union in 1982 was aimed at solving the aggravated food problem. It provided implementation of complex measures to promote the farmers' well-being, housing construction and social services development, to improve health and domestic services in rural areas. The government restructured the agricultural enterprises' debt as well as raised purchasing prices for agricultural products. After the start of the measures implementation provided by the Food Programme, the situation in the agricultural sector stabilized. In Western Siberia the second half of the 11th Five-year plan was marked by dynamic agricultural development.

Key words: agrarian crisis, agriculture, agricultural policy, administrative-command system, collective and state farms, food shortages, government procurement, Western Siberia.

Изучение причин, динамики и последствий кризиса сельского хозяйства начала 1980-х гг., а также исторического опыта его преодоления представляется актуальным, поскольку должно способствовать оценке недостатков и достоинств аграрного строя на завершающем этапе существования СССР. В статье делается

попытка рассмотреть заявленную проблему на примере одного из крупнейших аграрных регионов страны – Западной Сибири.

Ситуация, сложившаяся в аграрном секторе Западной Сибири во второй половине 1970-х гг., стала приобретать кризисные признаки. Резко сократи-

лись темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства. Если за восьмую пятилетку производство сельхозпродукции в регионе увеличилось на 19,7 %, за девятую – на 11,0, то за десятую – лишь на 2,3 %. В сельском хозяйстве трех западносибирских регионов – Кемеровской и Новосибирской области, а также в Алтайском крае – в 1976–1980 гг. наблюдались отрицательная динамика или стагнация. Так, в сельском хозяйстве Кемеровской области была зафиксирована рецессия, составившая 0,6 %, в Алтайском крае среднегодовое производство сельхозпродукции сократилось на 3,3 %, а в Новосибирской области был зафиксирован минимальный прирост (+0,6 %). Иначе выглядела ситуация в аграрном секторе Омской (+11,2 %), Томской (+10,1 %) и Тюменской (+9,8 % прироста валовой продукции) областей¹.

Колхозы и совхозы Кемеровской области в 1976–1980 гг. недопоставили государству 824 тыс. т зерна, 87 тыс. т овощей, 44 тыс. т мяса, 105 тыс. т молока. Задолженность сельхозпредприятий Новосибирской области составила 3 млн т зерна, 107 тыс. т мяса, 85 тыс. т молока и 900 т шерсти. В масштабах страны ситуация была аналогичной. Только колхозы РСФСР недопоставили 30 млн т зерна, 9,4 млн т картофеля, 32 млн т сахарной свеклы, 2,5 млн т молока, 986 тыс. т мяса².

Снизилась эффективность производства, его фондотдача, окупаемость затраченных средств, крайне низкими темпами увеличивалась производительность труда, возросла себестоимость продукции. Следствием этого стало снижение прибыльности сельхозпредприятий. В 1976–1980 гг. рентабельность сельскохозяйственного производства РСФСР составляла –9 %, убыточным был 71 % предприятий аграрного сектора [1, с. 29].

Причинами сложившейся ситуации стали неблагоприятные погодно-климатические условия, фактическое банкротство большинства сельхозпредприятий региона, диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности, несовершенство системы планирования производства и государственных закупок растениеводческой и животноводческой продукции.

Ухудшение экономического положения хозяйств к концу 1970-х гг. во многом было связано с установлением неблагоприятного для них налогового режима, а также системы неформальных налоговых отчислений, в рамках которой из доходов колхозов и совхозов принудительно изымались в различные фонды 12 % плановой и 90 % внеплановой прибыли.

В начале 1970-х гг. государственные и партийные органы отошли от принципов планирования

производственной деятельности, определенных мартовским (1965 г.) пленумом ЦК КПСС. Перестали доводиться до колхозов и совхозов плановые показатели – по фиксированному количеству показателей (объем закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы, прибыль). Планы продаж растениеводческой и животноводческой продукции на девятую пятилетку были пересмотрены в сторону увеличения вопреки ранее провозглашенному принципу неизменяемости планов.

Рост себестоимости произведенной продукции и низкие закупочные цены приводили к убыткам, увеличению долговой нагрузки хозяйств. Неустойчивое финансовое положение вынуждало сельхозпредприятия все чаще привлекать кредиты Государственного банка, чтобы срочно решать собственные финансовые проблемы. Так, задолженность колхозов и совхозов Томской области, составлявшая в 1970 г. 82 млн руб., к началу 1980-х гг. выросла до 500 млн руб., или более чем в 6 раз. Схожей была ситуация и в других регионах Западной Сибири, где также имел место рост ссудной задолженности сельхозпредприятий. До 640 млн руб. увеличились долги колхозов и совхозов Кемеровской области, до 683 млн руб. – Тюменской области. Только колхозы Новосибирской области имели задолженность по краткосрочным и долгосрочным кредитам в объеме 596 млн руб.³ Задолженность колхозов РСФСР перед государством по ссудам выросла в 5 раз (с 6,9 млрд руб. в 1970 г. до 34,5 млрд руб. в 1979 г.)⁴.

Замедление темпов роста в аграрном секторе экономики осложнило продовольственную ситуацию в регионе. В 1978 г. в Алтайском крае в течение 6 мес. в продаже в государственных магазинах не было мяса, торговля колбасными изделиями и цельномолочной продукцией велась со значительными перебоями. Из рыбы постоянно продавали только мойву и минтай. На 8-м пленуме Томского обкома КПСС 31 октября 1980 г. отмечались проблемы с продовольствием в области, перебои в торговле хлебом, колбасой, мясом. Нехватка продуктов питания побудила партийные и хозяйственные органы к использованию государственных резервов. В Алтайском крае, впервые за 15 лет, распоряжением краевого Совета народных депутатов от 3 января 1978 г. было разрешено использовать продукты из госзапасов⁵.

Кроме того, колхозы и совхозы региона в условиях нарастания дефицита продовольствия увеличили расход продуктов питания на внутренние цели. Это выражалось, в частности, в натуральных выдачах зерна, мяса, молока. Хозяйства продавали своим

³ Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 3619. Л. 21; Д. 3585. Л. 6–10; ГАКО Ф. П-75. Оп. 51. Д. 75. Л. 3–31; Оп. 48. Д. 76. Л. 28; ГАНО Ф. П-4. Оп. 85. Д. 278. Л. 41.

⁴ ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 3873. Л. 103.

⁵ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 3568. Л. 2–3; Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 10. Д. 14. Л. 11.

¹ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 6.

² Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 39. Д. 13. Л. 13; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-4. Оп. 80. Д. 325. Л. 10; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-616. Оп. 9. Д. 5154. Л. 101.

сотрудникам и часть произведенной растениеводческой, а также животноводческой продукции, отпускали ее на нужды предприятий общественного питания. В результате были превышены установленные плановыми органами лимиты внутрихозяйственного потребления. Такого рода лимиты регламентировали номенклатуру и объем сельхозпродуктов, которыми колхозы и совхозы могли распоряжаться по собственному усмотрению. В Алтайском крае лимиты были превышены в 5 раз, в Новосибирской области – более чем в 2 раза. С 1977 г. в стране проводилась кампания по борьбе с превышением лимитов внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах, что было одним из косвенных признаков надвигающегося кризиса [2, с. 94–97].

Предвестниками надвигающихся проблем в аграрном секторе стало увеличение объемов применения партийными и государственными органами административных компенсаторных механизмов. С помощью создания подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций планировалось расширить количество источников получения сельхозпродукции, увеличить ее объемы. После принятия соответствующего партийного решения в 1978 г. началось массовое создание подсобных хозяйств в западносибирских регионах [3, с. 96–98]. На годы десятой пятилетки пришлось максимальные объемы шефской помощи селу со стороны городских предприятий, заводов, организаций. Кроме того, в 1976–1977 гг. началось стимулирование развития личных подсобных хозяйств населения, был снят ряд ограничений с развития сельских подворий, массовое развитие получило коллективное садоводство и огородничество.

Однако вышеперечисленные меры исправить общую ситуацию не смогли. В 1981–1982 гг. в условиях неурожая (два года подряд) в основных сельскохозяйственных регионах Западной Сибири, вызванных сильной засухой, объем аграрного производства в целом по Сибири сократился на 6,2 % [4, с. 169–173]. В СССР в целом производство сельхозпродукции снижалось три года подряд: в 1979, 1980 и 1981 гг.⁶

В Новосибирской области валовое производство в 1981 и 1982 гг. по сравнению со среднегодовым уровнем в предыдущей пятилетке сократилось на 8 и 10 %. В основном снижение произошло в полеводстве (практически на четверть), в животноводстве только в 1982 г. имел место спад в 1 %. В растениеводстве упали объемы производства зерновых культур и картофеля. Государственные закупки зерновых в 1981 г. снизились в 5 раз, в 1982 г. в 6 раз по сравнению с 1980 г. Картофеля и овощей государство закупало меньше – в 1981 г. на 43 и 7 %, а в 1982 г. на 26 и 12 % соответственно⁷.

Поскольку засуха особенно сильно отразилась на сельхозпроизводстве южных районов Западной Сибири, темпы снижения прироста сельхозпродукции в северных регионах были меньше, по сравнению с Алтайским краем, Новосибирской и Кемеровской областями. Так, в Томской области растениеводческой продукции в 1981 и 1982 гг. было произведено, соответственно, на 104,8 и 93,5 млн руб., что было ниже, чем в 1980 г. (122,3 млн руб.). Вместе с тем, падения производства в животноводстве не произошло. Здесь за аналогичный период было произведено продукции на 219,5 и 222,9 млн руб., что было выше 1980 г., когда сельхозпроизводители Томской области произвели мяса, молока, яиц и шерсти на 202,4 млн руб.⁸

В аграрном секторе экономики Омской области в 1981 г. валовая продукция сельского хозяйства (по сравнению со среднегодовым уровнем в 1976–1980 гг.) сократилась на 1 %, в 1982 г. – на 7 %. Основной причиной стало падение производства в растениеводстве –16 % и –28 % соответственно, животноводство же демонстрировало позитивную динамику: +9 % и +6 %. В полеводстве области динамика развития была разнонаправленной: если овощеводство демонстрировало уверенный рост (+25 % и +31 %), то в зерноводстве и картофелеводстве имел место спад. Сборы картофеля в 1981 г. сократились на 25 %, в 1982 г. на 5 %, уменьшились сборы зерновых культур⁹.

За два года одиннадцатой пятилетки сельхозпроизводители страны недопоставили государству 58,4 млн т зерна, 63 млн т сахарной свеклы, 2,6 млн т семян подсолнечника, 3,2 млн т скота и птицы (в живом весе). Чтобы удержать достигнутый уровень снабжения населения продуктами питания и товарами, ЦК КПСС и правительство вынуждены были принимать меры особого порядка. В 1981–1982 гг. импорт зерна, сахара, растительного масла, мяса и молочных продуктов обошелся государству в несколько миллиардов рублей валютных средств.

Кризисная ситуация, сложившаяся в аграрном секторе страны и региона в начале 1980-х гг., требовала принятия мер, способных приостановить деградацию аграрного производства. На решение этих задач была направлена принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. В ней предусматривалось осуществить комплекс мероприятий для повышения материального благосостояния колхозников, расширения масштабов жилищного и культурно-бытового строительства, улучшения медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Списывалась задолженность с сельхозпредприятий, состоялось очередное повышение закупочных цен. Были созданы новые органы

⁶ Сельское хозяйство СССР (1961–1981 гг.): стат. сб. М., 1982. С. 135, 301; Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 25, 29.

⁷ Народное хозяйство Новосибирской области за 1981–1985 гг.: стат. сб. Новосибирск. 1986. С. 26.

⁸ Народное хозяйство Томской области за 1981–1985 гг.: стат. сб. Томск. 1986. С. 23.

⁹ Народное хозяйство Омской области в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. Омск. 1986. С. 35

управления агропромышленным комплексом – районные агропромышленные объединения, которые включали колхозы, совхозы, предприятия «Сельхозтехники» и «Сельхозхимии» и др. [5, с. 21–61].

В 1982 г. с хозяйств Томской области было списано 65,9 млн руб., отсрочены платежи на сумму 40,2 млн руб. С сельхозпредприятий в Алтайском крае государство списало 213 млн руб. и отсрочило платежей на 283 млн руб. В Новосибирской области было списано 36,1 млн руб. ссудной задолженности и отсрочены выплаты на сумму 236,4 млн руб. Повышение закупочных цен дало предприятиям аграрного сектора дополнительно 97 млн руб., а сумма введенных надбавок для низкорентабельных и убыточных хозяйств составила 55 млн руб. С совхозов и колхозов Кемеровской области в 1982 г. была списана задолженность 35 млн руб., пролонгированы долгосрочные и краткосрочные ссуды на 64 млн руб. В целом по стране только с колхозов по Продовольственной программе было списано 9 млрд руб., а отсрочено платежей на 11 млрд руб. На повышение закупочных цен государство тратило ежегодно 16 млрд руб., дотации для убыточных и малорентабельных хозяйств составляли 3,3 млрд руб. в год¹⁰.

Благодаря принятым мерам произошло финансовое оздоровление предприятий сельского хозяйства. В 1983 г. колхозы и совхозы Кемеровской области впервые за девятую – одиннадцатую пятилетки получили прибыль в 147 млн руб. Рост прибыльности предприятий аграрного сектора имел место во всех регионах Западной Сибири. В 1984 г. государственные хозяйства Алтайского края получили 187,7 млн руб. прибыли, а колхозы – 134,7 млн руб. Сельхозпредприятия Тюменской области в 1983 г. получили прибыль в размере 159,1 млн, в 1984 г. – 127,3, в 1985 г. – 181,1 млн руб. В 1984 г. прибыль предприятий сельского хозяйства Новосибирской области составила 203,6 млн руб. В целом по стране удельный вес убыточных колхозов снизился в 1985 г. до 13 %, совхозов – до 23 %¹¹.

В рамках Продовольственной программы приоритетное внимание в Западной Сибири уделялось развитию свиноводства, птицеводства и пригородного овощеводства. В строй были введены высокопроизводительные животноводческие комплексы и птицефабрики. Увеличилось количество подсобных хозяйств предприятий и учреждений, большинство из которых специализировалось на животноводстве и выращивании овощей.

Принятые меры в сочетании с благоприятными погодными условиями привели к позитивным резуль-

татам. Однако, в разных западносибирских регионах ситуация складывалась по-разному. В ряде регионов из-за кризиса 1981–1982 гг. имело место значительное уменьшение объемов государственных закупок и невыполнение планов одиннадцатой пятилетки. Минимальным стал прирост валовой продукции сельского хозяйства в Алтайском крае (+0,8 %). В Новосибирской области данный показатель составил +1,3 %. Относительно более высокие показатели прироста отмечены в Омской (+3,8 %), Кемеровской (+9,2 %), Тюменской (+10,7 %) и Томской (+16 %) областях, однако они исправить ситуацию в целом по Западной Сибири (+4,4 %) не могли¹².

В Алтайском крае план закупок зерновых в 1981–1985 гг. был выполнен на 50 %, сахарной свеклы – на 75, подсолнечника – на 49 картофеля – на 99,6 %. Планы по закупке продукции животноводства были полностью выполнены (кроме закупок мяса скота и птицы)¹³. В Новосибирской области государственные закупки в одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой (в среднем за год) сократились по зерновым культурам на 11 %, овощам – на 13 %, молоку и шерсти – на 2 % соответственно. В остальных подотраслях сельского хозяйства закупки выросли¹⁴.

Среднегодовые закупки продуктов животноводства в сельском хозяйстве Омской области в 1981–1985 гг. (в хозяйствах всех категорий) сократились только по молоку (–2 %), картофелю (–7 %) и зерновым (–46 %)¹⁵. В аграрном секторе Томской и Кемеровской областей прирост госзакупок имел место во всех отраслях, кроме зерноводства. В Тюменской области все подотрасли полеводства и животноводства продемонстрировали рост.

Таким образом, главной причиной аграрного кризиса начала 1980-х гг. стала отстававшая от запросов времени аграрная политика, которая привела к разбалансировке хозяйственного механизма и усилению административных методов управления экономикой. Убыточность большинства сельхозпредприятий, усиливающийся диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности, противоречивая заготовительная политика осложнялись сильной засухой на юге Западной Сибири. Уменьшение производства продуктов питания привело к осложнению продовольственной ситуации. После начала реализации мер, предусмотренных Продовольственной программой, ситуация в аграрном секторе стабилизировалась. Сельское хозяйство Западной Сибири в 1983–1985 гг. развивалось достаточно динамично.

¹⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1791. Оп. 1. Д. 419. Л. 95–98; Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 1. Оп. 40. Д. 18. Л. 6; ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 6887. Л. 43–51; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 90. Д. 5. Л. 34.

¹¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 51. Д. 15. Л. 8; ГААК. Ф. Р-569. Оп. 13. Д. 6585. Л. 105.; Д. 6628. Л. 58; ГАНО. Ф. П-4 Оп. 99. Д. 225. Л. 10, 1; Тюменская область в цифрах (1981–1987 гг.): стат. сб. Свердловск, 1987. С. 17; Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 448, 459.

¹² Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 6.

¹³ Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы одиннадцатой пятилетки: стат. сб. Барнаул, 1987. С. 17–18.

¹⁴ Народное хозяйство Новосибирской области за 1981–1985 гг. С. 36, 43.

¹⁵ Омская область за 50 лет (цифры и факты): стат. сб. Омск, 1985. С. 123–127.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назаренко В.И. Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики. М., 2008. 476 с.
2. Орлов Д.С. Кампания по ограничению внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 94–97.
3. Орлов Д.С. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 96–98.
4. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреевков, В.М. Рышков [и др.]. Новосибирск, 2012. 408 с.
5. Продовольственная программа СССР: сб. документов. М., 1982. 256 с.

REFERENCES

1. Nazarenko V.I. Russia and foreign countries. Models of Agricultural Policy. Moscow, 2008, pp. 476 (In Russ.)
2. Orlov D.S. Campaign to curb domestic consumption of food in the collective and state farms of Western Siberia in the second half of 1970s - the first half of the 1980s. *Gumanitarnye Nauki v Sibiri*. 2014, no. 2, pp. 94-97 (In Russ.)
3. Orlov D.S. Farms of enterprises and institutions of Western Siberia in the second half of 1970s - the first half of 1980s. *Gumanitarnye Nauki v Sibiri*. 2012, no. 2, pp. 96–98 (In Russ.)
4. Agriculture Siberia in the twentieth century: problems of development and crises / V.A. Ilyinykh, S.N. Andreenkov, V.M. Rynkov [et al.]. Novosibirsk, 2012, pp. 408 (In Russ.)
5. Food Program of the USSR: collection of documents. Moscow, 1982, pp. 256 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.10.2015

DOI: 10.15372/HSS20150417
УДК 94:656 (571.6)

А.В. ЛАВРЕНТЬЕВ

**ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ТРУДНОДОСТУПНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(СЕРЕДИНА 1980-х гг. – НАЧАЛО XXI в.)**

Александр Валентинович Лаврентьев,
канд. ист. наук, доцент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
РФ, 690990, Владивосток, ул. Гоголя, 41
e-mail: lavrist@list.ru

В статье исследуются исторические проблемы коммуникационной целостности Дальнего Востока, регионального обеспечения и особой роли транспорта в жизнедеятельности труднодоступных территорий. Анализируются условия осуществления транспортных связей с периферийными районами с позиций реализации государственных программ развития. Рассмотрены изменения технологий и финансовых возможностей осуществления северного завоза на Дальний Восток в годы проведения «перестройки». Показано кризисное положение системы снабжения удаленных районов после распада СССР. Дается анализ мероприятий, направленных на восстановление централизованного контроля сферы транспортного обслуживания труднодоступных дальневосточных территорий со второй половины 1990-х гг. и их результатов для экономики и населения.

Ключевые слова: транспорт, история, регион, государственная политика, социально-экономические процессы

A.V. LAVRENTYEV

**PROVISION OF TRANSPORT SERVICES IN THE REMOTE AREAS
OF THE RUSSIAN FAR EAST (MID-1980s – EARLY XXI CENTURY)**

Alexander V. Lavrentyev,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service
41, Gogolya Str., Vladivostok, 690990, Russia,
e-mail: lavrist@list.ru

The main purpose of the article is to analyze how the transport provision of the remote areas of the Far East was reformed during the period of social and economic transformations. For the most part communication lines were built in such areas due to the creation of geographically isolated extraction facilities and very often they were dead ends. Development and improvement of some related elements of life support were given a minor role.

Analysis of events and qualitative changes, most closely related to the present time, requires a broader methodological framework in addition to the classical principles of historicism and dialectic cognition. Key provisions of the transitional society theory constituted the conceptual basis for the conducted research. The break-up of the Soviet Union, the following social and economic stagnation and search for the new tools of regional policy adapted to the market requirements in the Russian Far East at the beginning of the XXI century are viewed as processes of escalating uncertainty, recurrent risks amidst the total crisis and intensive social transformations. In order to realize the stated objective the author applied descriptive, comparative-historical, historical-genetic, and retrospective scientific methods.

Research findings clearly demonstrate that the period under study was marked by persistence of considerable contradictions that led to substantial disproportions in communications deployment, inconsistent and excessively rapid changes in provision of the remote regions, absence of clear strategy for their development and support.

The author reveals consequences of transformations in the sphere of legal regulation and material resources of regional transportation which allows expanding the range of root causes of deficiencies in the current transportation system and taking them into account in the modern innovative development programs proposed for the Russian Far East.

Key words: transportation, history, region, government policy, socio-economic processes.

Степень освоенности региона и перспективы его развития во многом определяются характером государственной политики. Сложный переход к рыночной либеральной модели в России, учитывая длительный традиционный этатизм, пока еще содержит в себе массу противоречий. Попытки сочетать прямые и косвенные способы ликвидации пространственных диспропорций до сих пор не принесли для населения и экономики желаемых результатов.

Принимая во внимание огромную протяженность российской державы, становится понятно, что особую актуальность сохраняют для нее проблемы коммуникационной интеграции. Внутренняя и внешняя обособленность в сочетании с низким уровнем системы транспортного обслуживания, не вполне отвечающим современным общественным запросам, остается прищипкой российскому Дальнему Востоку.

Корректировка концепции освоения Дальнего Востока, проводимая со второй половины 1980-х гг. в рамках провозглашенной политики «перестройки», отразилась на стратегии совершенствования транспортных направлений. Параллельно с генеральными целями развития магистральных сообщений к разряду приоритетных относилось создание их разветвленной межрайонной сети. В дальневосточной программе комплексных преобразований ее объемам уделено особое внимание¹.

Помимо увеличения коммуникаций одной из первоочередных задач в партийно-правительственных решениях объявлялось улучшение методов управления и координации процесса перевозок; повышения их качества, надежности и регулярности. Отчасти на усиление такого рода акцентов повлияла объявленная в стране компания по борьбе с нерациональными транспортировками. Так, в поручении Совета министров СССР от 12 сентября 1986 г. при анализе эффективности работы железнодорожного транспорта в одиннадцатой пятилетке называлась колоссальная по тем временам сумма издержек (3 млрд руб.), вызванная неэффективностью схем доставки².

С учетом перевода предприятий на хозрасчет ключевыми становились проблемы совершенствования транспортных взаимодействий. Активизировалось проведение совместных совещаний, на которых согласовывались вопросы переключения грузопотоков с наземных видов на водный транспорт, улучшения обработки вагонов в портах, своевременного их предоставления и т.д.

Особое внимание уделялось так называемому северному завозу, осуществление которого носило

¹ О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года (вместе с «Долговременной государственной программой комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года»): Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 августа 1987 г. № 958 // Консультант Плюс. Версия Проф. М., 2008. Л. 3.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-398. Оп. 9. Д. 1521. Л. 232.

ограниченные сроки и требовало слаженных оперативных действий. Амурским пароходством было принято решение об обязательном предоставлении грузов для труднодоступных районов только в соответствующих контейнерах и пакетах. В навигационный период 1986 г. речные контейнерные перевозки увеличились на 5,6 тыс. т.³ Большегрузные контейнеры перевозились судами класса «река–море» на линиях Хабаровск – Москальво и Хабаровск – Николаевск-на-Амуре. Перемещение продукции в более компактном варианте незамедлительно сказалось на интенсивности ее переработки, запланированные показатели были перевыполнены⁴.

В системе крупных транспортных узлов (Владивостокском, Находкинском, Магаданском, Ванинском, Холмском и Камчатском) находили применение все более универсальные технологии доставки. Ежегодный грузооборот Магаданского порта с 1986 по 1990 г. увеличился в среднем на 355 тыс. т. Совершенствование паромного комплекса Ванино – Холмск и смежных предприятий, образующих единую систему, позволило за аналогичный период наладить относительно стабильное снабжение предприятий и населения Сахалинской области [1, с. 68,70]. Впервые в СССР апробировалась схема перемещения груза по так называемому принципу – «от двери отправителя до двери получателя» с участием автомобильного, железнодорожного и морского видов сообщений; для этих целей использовался специально разработанный единый документ. Применение электронно-вычислительных методов расчета оптимальной стыковки позволило снизить простой вагонов по Холмскому транспортному узлу за 1989 г. на 6 % [2, с. 55].

Морскими предприятиями осваивалась лихтерная система перевозки в северо-восточные районы. Баржи с небольшой осадкой, так называемые лихтеры, сгружались с крупнотоннажного судна в устье рек и с помощью буксиров доставлялись до пункта конечного назначения. Первым лихтеровозом, который обслуживал труднодоступные территории на Дальнем Востоке, был транспорт «Алексей Косыгин». Для обслуживания новой техники вступил в строй специально оборудованный цех судоремонтного завода в п. Славянка Приморского края [3, с. 150].

Активизировалось строительство зданий аэро- и железнодорожных вокзалов в северных населенных пунктах. Открытие новых маршрутов по Байкало-Амурской магистрали (Тында – Северобайкальск; Тында – Ургал; Красноярск – Комсомольск – Хабаровск) в течение 1988–1989 гг. способствовало увеличению средней дальности поездки пассажира на 13 км.⁵

Однако на темпах «перестроечных» преобразований сказывались недостаточно продуманные реше-

³ Там же. Оп. 1. Д. 8437. Л. 19–20.

⁴ Там же. Ф. А-562. Оп. 1. Д. 8591. Л. 17.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2021. Оп. 2. Д. 558. Л. 5.

ния в государственном масштабе. Избранные способы претворения в жизнь долгосрочных целей не всегда соотносились с региональными особенностями. Финансовая помощь из центра в полной мере поступала лишь в течение 1987–1988 гг. Впоследствии капитальные вложения были существенно ограничены, что обусловливалось усилением центробежных политических тенденций и наступлением системного социально-экономического кризиса. Повсеместное снижение регионального обеспечения привело к заметному падению общего уровня жизни дальневосточников.

Отсутствие опыта самостоятельных хозяйственных взаимоотношений, обострившиеся проблемы финансирования и технического снабжения региона расстраивали прежние транспортные связи, игравшие первостепенную роль в социально-экономической сфере. Применение инновационных технологий перевозок носило в большей мере экспериментальный и ограниченный по масштабам характер, не приводя к совершенствованию системы транспортного обслуживания региона в целом. Центральные органы при формировании госзаказа продолжали включать дальневосточный транспорт в смешанную систему перевозок без должного согласования с территориальными плановыми организациями. За последними сохранялось только право рекомендаций для вышестоящих инстанций.

Из-за начавшихся сбоев постепенно сужалась сфера социально значимых сообщений. В навигацию 1989 г. речные перевозки каменного угля снизились на 762 тыс. т, нефтеналивных грузов – 142 тыс., леса – 259 тыс. т.⁶ Вследствие несвоевременной обработки увеличивалось время нахождения грузов у причалов⁷.

Отмеченные тенденции отягощались нехваткой стабильных внутренних коммуникаций, их исторически обусловленной неравномерностью на дальневосточных пространствах. Оставались чрезвычайно слабыми периферийные связи. В результате в 1990 г. только около 40 % районных центров были соединены дорогами с твердым покрытием с городами краевого и областного значения (иначе говоря, имели с ними постоянную связь) [4, с. 95].

Обострившиеся в ходе радикальных экономических изменений начала 1990-х гг. проблемы пространственной разьединенности, несмотря на колоссальный спад производства и начавшийся массовый миграционный отток, создавали для отдаленных уголков региона реальную опасность возникновения чрезвычайных ситуаций. Мероприятия по проведению северного завоза, который в дореформенный период практически полностью координировался и финансировался из центра, в новых обстоятельствах нередко находились под угрозой срыва. Денежные средства в мест-

ные бюджеты поступали нерегулярно и не в полном объеме. Кроме того, чтобы сократить государственные расходы на эти цели, практиковалось исключение отдельных территорий из реестра нуждающихся в централизованной помощи.

Свидетельством дезорганизации системы снабжения являлись систематические задержки и последующее скопление грузов в транзитных пунктах. Они удлинляли сроки навигации, обуславливали прерывистый характер их осуществления. В частности, на июнь 1994 г. в базовых приморских портах (Владивосток, Восточный и Находка) по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года находилось почти в 13 раз меньше грузов, предназначенных для дальнейшей перевалки в северные районы⁸. К началу ноября морским транспортом было доставлено только около 70 % угля, необходимого для котельных станций арктических поселков. Запоздалая отправка привела к тому, что пять портовых пунктов вообще оставались без твердого топлива⁹.

Ликвидировались прежние регулярные каботажные рейсы из Приморского края на Камчатку, Сахалин и малокаботажные – в пределах самого края. Вследствие прессы обременительных налогов основными направлениями внутренней деятельности морских перевозчиков стало нерегулярное (или так называемое трамповое) судоходство.

Возобновляемые со второй половины 1990-х гг. программно-целевые методы территориального и отраслевого управления в совокупности с общими мерами антикризисной государственной политики стали неким смягчающим фактором негативных последствий «шоковых» постперестроечных преобразований. Задачи развития транспорта, механизмы их решения нашли свое отражение в комплексной стратегии модернизации Дальнего Востока, принятой на период с 1996 по 2005 г., и в профильных программах. На правительственном и ведомственном уровнях корректировались технологические и финансово-экономические условия обеспечения региона.

Практически ежегодно создавались специальные областные и краевые комиссии для решения проблемы северного завоза. Более того, поступающие со значительными опозданиями и в неполных объемах средства из центра, нередко предоставлялись в форме так называемого товарного покрытия транспортных издержек (преимущественно в виде горюче-смазочных материалов) или векселей, обналчивать которые было проблематично и невыгодно в условиях инфляции для предприятий, оказывающих транспортные услуги.

Со второй половины 1990-х гг. на первый план вышли, скорее, проблемы распределения средств на местах, а не трудности их получения из федерального бюджета. Процесс выделения гарантированных

⁶ ГАРФ. Ф. А-562. Оп. 1. Д. 8907. Л. 68.

⁷ По расчетам специалистов Амурского речного пароходства простой флота за 1990 г. был равнозначен исключению из участия во всей навигации 27 теплоходов, рассчитанных на перевозку 600 т каждый. (ГАХК. Ф. Р-736. Оп. 2. Д. 2245. Л. 33.).

⁸ Каков подход – таков и результат // Дальневосточный моряк. 1994. 22 июня. С. 1.

⁹ Навигация заканчивается, хотя и продлена // Дальневосточный моряк. 1994. 2 нояб. С. 1.

компенсаций на уровне региона нередко носил еще более запутанный и непрозрачный характер.

При всей минимизации и бессистемности поступлений ежегодные расходы на сезонные перевозки, по подсчетам специалистов, в несколько раз превышали суммы, инвестируемые в дорожную индустрию. Как и в прежние годы, приходилось прибегать к дорогостоящим методам запоздалой доставки жизнеобеспечивающих грузов, используя автомобильные «зимники», авиацию и пришедшие в почти полную непригодность ледоколы.

Замедление общеэкономической стагнации в стране на рубеже XX–XXI вв., курс на усиление элементов централизованного хозяйственного освоения дальневосточных территорий, расширение международных связей и решение геополитических задач вывели проблемы транспортного совершенствования в разряд первоочередных. Пересмотру подверглись комплексные и отраслевые региональные стратегии. Коммуникации страны и отдельных ее территорий предполагалось развивать, основываясь на системном подходе. Были введены в эксплуатацию перегрузочные комплексы и причалы в портах Восточный, Находка, Владивосток, проведена реконструкция гидротехнических сооружений в Сахалинской области, осуществлено техническое перевооружение нефтебункерочной базы и пирсов в Ванинском порту. Проведена реконструкция припортовых станций Находкинского железнодорожного узла и ст. Ванино. Морской торговый флот пополнили 152 судна общим дедевейтом 10 625 тыс. т [5, с. 33].

Некоторая планомерность отмечалась в организации транспортного обеспечения территорий с ограниченными сроками завоза. Учитывая опыт тяжелых кризисных лет, более обстоятельный характер приобретали взаимодействия местных администраций с транспортными компаниями. Заключаемые между ними договоры (по сравнению с прежними аналогичными документами) отличались подробным перечнем взаимных гарантий и обязательств. За 2000 г. судами ДВМП в арктические районы было доставлено вдвое больше грузов по сравнению с предыдущим навигационным периодом¹⁰.

В удаленных, но перспективных с точки зрения инвестиционной привлекательности местностях в процессе перевозок стали участвовать дополнительные транспортные организации. Для заинтересованных предпринимателей и администраций это имело положительное значение, так как снижалась цена доставки, расширялись возможности ее выбора и контроля. Нарушилась монополия морских перевозок судами ДВМП на Камчатку из Владивостока. Открылась линия между портами Петропавловск-Камчатский и Ванино, обслуживаемая транспортом Сахалинского пароходства. Отправление грузов по новому маршруту, не требующих срочности, обходилось значительно дешевле.

Расширялась конкурсная основа участия в программах северного завоза. В этом сегменте постепенно выявлялись новые лидеры. В частности, в 2006–2007 гг. приморская компания «Транзит – Север-Восток» осуществляла доставку 70 % угля и 30 % нефтепродуктов для Камчатского края; 100 % и 50 % аналогичной продукции для Магаданской области¹¹. Компания входила в холдинг «Группа «Транзит ДВ», имевший представительства на всех территориях, которые обслуживались ее флотом. Показательным являлся факт эксплуатации судов предприятия исключительно под российским флагом.

Актуальной становилась проблема возрождения Северного морского пути (СМП), движение по которому в 1990-е гг. резко снизилось. Его основными пользователями являлись крупные корпорации, занимавшиеся разработкой ресурсов. Они поддерживали транспортные объекты, которые были необходимы для обслуживания их деятельности. Сообщения в восточной части СМП носили эпизодический характер.

Дополнительный импульс к изысканию новых и восстановлению прежних направлений придало утверждение в сентябре 2008 г. Президентом Российской Федерации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В соответствии с этим документом была разработана стратегия развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности. В реализации крупных инфраструктурных проектов важная роль отводилась созданию единой национальной транспортной сети, включающей Северный морской путь и тяготеющие к нему меридиональные речные и железнодорожные коммуникации, а также аэропорты. Предполагаемые изменения предусматривали диверсификацию путей внутреннего и международного сообщения.

В навигацию 2009 г. государственное предприятие «Чукотснаб» впервые доставило из мурманского порта 42 тыс. т топлива, обеспечив 30 % общей потребности субъекта [5, с. 35]. По стоимости и временным затратам маршруты оказались более рентабельными. Однако перспективы продолжения и увеличения объемов этих линий оставались весьма зыбкими и предполагали сохранение как благоприятных цен на топливо в европейской части страны, так и вменяемых тарифов на сложную проводку судов. Кроме того, большая часть ледоколов из-за превышения сроков службы подлежала выводу из эксплуатации.

С начала 2000-х гг. назрела необходимость в пересмотре системы финансового обеспечения транспортировок для территорий, приравненных к районам Крайнего Севера. Наряду с попытками сокращения дальневосточного перечня общее их количество по России необоснованно увеличивалось. Соответственно непомерно возрастали и федеральные бюджетные ассигнования. Нередко происходило нецелевое

¹⁰ Рыбаков В. Арктика завершена, вопросы остаются // Дальневосточный моряк. 2000. 4 ноября. С. 1.

¹¹ Чуркин Р. Привлекательный каботаж // Российская газета. 2007. 31 июля. С. 3.

распределение дотационных средств. Поэтому прежний механизм централизованного финансирования досрочного завоза признавался неэффективным. Происходило перемещение ответственности за его осуществление на региональный уровень при частичном сохранении федеральных дотаций. В законодательство вносились поправки, которые возлагали на исполнительные органы субъектов РФ полномочия по размещению и исполнению заказа на поставки товаров для обеспечения населения муниципальных образований в условиях с ограниченными сроками завоза. Перечень необходимых грузов для транспортировки должен был утверждаться специальным законом края или области¹².

Однако нововведения не внесли ожидаемую ясность и системность в организацию транспортного обслуживания удаленных районов. Проблемы своевременной и полноценной доставки жизнеобеспечивающей продукции, сохраняя и где-то усиливая свою остроту, окончательно переключались на местную власть. Дотации, их размеры и обоснованность стали предметом горячих споров между нуждающимися северными муниципалитетами, законодательными и исполнительными органами дальневосточных субъектов. Принятие нормативных перечней централизованно дозируемых грузов в некоторых случаях затягивалось, к тому же перечни отличались узкой номенклатурой товаров. В частности, только спустя полтора года после передачи вышеуказанных полномочий федеральным центром на места к разработке соответствующего правового акта приступили депутаты парламента Амурской области.

Неоднократные проверки целевых региональных ассигнований выявляли стабильное завышение закупочной стоимости угля и мазута на аукционах примерно на 25–30 %. Вместе с тем их транспортировка нередко обходилась еще дороже. В конце 2011 г. руководитель администрации Президента России С. Иванов отметил, что перевозки топлива для труднодоступных районов в 1,5–2 раза превышали его цену. По данным департамента государственного контроля Министерства финансов РФ до 40 % выделенных для северного завоза средств расходовалось с нарушениями¹³.

В первое десятилетие XXI в. возврат к некоторым способам прямой государственной поддержки позволил добиться отдельных положительных изменений в инфраструктуре и системе сообщений труднодоступных местностей с транзитными пунктами дальневосточного региона. Однако проводившиеся преобразования и отдельные позитивные тенденции не приобрели системного характера. Условий для создания качественно нового уровня системы регионального транспортного обслуживания вследствие «пробуксовки» запланированного материально-технического переоснащения и сохранившихся организационно-финансовых противоречий оказалось недостаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленцов В.В. Морской транспорт Дальнего Востока во второй половине XX века. Владивосток, 2003. 239 с.
2. Меркулов В.Н. Территориально-отраслевое планирование в условиях регионального хозрасчета // Железнодорожный транспорт. 1990. №6. С. 50–55.
3. ДВМП: рейс длиной в 125 лет. Владивосток., 2005. 268 с.
4. Лаврентьев А.В. Стратегия автотранспортного развития российского Дальнего Востока в 90-е гг. XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2009. №2. С. 95–100.
5. Лаврентьев А.В., Медведева Л.М. Опыт реформирования морского транспорта на Дальнем Востоке России: некоторые аспекты социально-экономической безопасности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. №2. С. 30–41.

REFERENCES

1. Zelentsov V.V. The Sea Transport of the Far East in the Latter Half of the XX Century. Vladivostok, 2003, 239 p. (In Russ.)
2. Merkulov V.N. Territorial-sectoral planning under the circumstances of regional economic self-sufficiency. *Zheleznodorozhnyy transport*. 1990, no 6, pp. 50–55 (In Russ.)
3. FESCO (Far Eastern Shipping Company): sailing for 125 years. Vladivostok, 2005, 268 p. (In Russ.)
4. Lavrentyev A.V. Strategy for the Road Transport Development in the Far East in the 1990s. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2009, no. 2, pp. 95–100 (In Russ.)
5. Lavrentyev A.V., Medvedeva L.M. Experience in Reforming the Sea Transport in the Russian Far East: some aspects of socio-economic security. *Oyukumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2014, no. 2, pp. 30–41 (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.11.2015

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий: Федеральный закон от 18.10.2007 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 43. ст. 5084

¹³ Гурдин К. Северные крайности // Аргументы недели. 2012. 1 нояб. С. 2.

DOI: 10.15372/HSS20150418
УДК 930.1:91:004

М.В. РЫГАЛОВА

**ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Мария Владимировна Рыгалова,
аспирант,
Алтайский государственный университет,
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61,
e-mail: mariya_rygalova@mail.ru

В статье рассматриваются проекты и исследования по созданию исторических геоинформационных систем (ГИС), посвященных социально-демографической проблематике. На основе анализа зарубежных и отечественных работ освещаются возможности ГИС при работе с массовыми источниками, в частности, с материалами переписей населения, а также инструменты для пространственно-географического анализа социально-демографических и профессиональных аспектов в историческом контексте. Автор приходит к выводу, что пространственный анализ позволяет установить географические закономерности в развитии процессов в четко очерченных границах изучаемых территорий.

Ключевые слова: историография, геоинформационные системы (ГИС), пространственно-географический анализ, компьютерные методы, картографические материалы, массовые источники, перепись населения, демография, профессиоведение, миграции.

M.V. RYGALOVA

**GEOGRAPHIC INFORMATION SYSTEMS IN STUDYING THE HISTORY
OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PHENOMENA: HISTORIOGRAPHY ASPECT**

Maria V. Rygalova,
Graduate student,
Altai State University,
61, Lenin Str., Barnaul, Russia, 656049,
e-mail: mariya_rygalova@mail.ru

In contemporary historical science there is a visible trend to interdisciplinary cooperation and use of new modern approaches and directions. One of these approaches envisages the use of geographic information systems (GIS) in historical research. GIS are used in studies where spatial reference can be defined. This, in turn, determines the choice of main areas of application of these technologies for the study of geographic characteristics of objects in space. One such area is socio-demographic. Analysis of socio-demographic aspects of historical development is always a matter of topical interest, as it allows to reflect the current status and future population trends that form the territory image. Migration studies became one of the most popular lines of research in foreign and domestic historiography of GIS. Migrations are affected by various factors associated with social, economic, political, and professional interests. All these topics are reflected in the GIS-related research projects. GIS can be also used as an analytical instrument that reflects the space-time interdependence, correlation of factors affecting the natural changes of population and migration. The use of GIS technologies stimulates adoption of new sources. Mass sources with identical structure just perfectly fit into GIS format. For the most part such sources contain information about socio-demographic characteristics. In addition to concrete historical projects that focus on demographic aspects in a spatial context, GIS-related projects are implemented in the field of professional interests and professional reorientation of the population. Analysis of professional activities of population along with processes, influencing the change of professional statuses and structure of employment is closely connected with the study of migration flows. It is exemplified by the works written by S. Gruber who studied the professional migrations in Albania at the beginning of the XX century. The spatial analysis establishes geographical patterns of population change, relationships between the level of literacy, housing, and professional migrations.

Key words: historiography, geographic information systems (GIS), spatial and geographic analysis, computational methods, map, mass sources, population census, demography, occupational studies, migration.

*Исследование поддержано РФФИ, проект № 15-06-07553А

В исторической науке сегодня заметно все большее стремление к междисциплинарному взаимодействию и развитию новых современных подходов и направлений. Одним из них является использование геоинформационных систем (ГИС) в исторических исследованиях. Среди множества определений этого термина, которые даны специалистами различных научных областей, обозначим, пожалуй, одно из самых кратких, но емких: ГИС – информационные системы, обеспечивающие все этапы работы с данными вплоть до их визуализации и получения новой информации и характеристик объектов и явлений, имеющих пространственные характеристики [1, с.9].

Прежде всего, ГИС используются в исследованиях, в которых возможно пространственная привязка, что является одним из их неотъемлемых компонентов. Отсюда не случаен выбор основных направлений применения этих технологий, в которых акценты делаются на изучение географических характеристик размещенных в пространстве объектов. Одним из таких направлений является социально-демографическое.

Первые исторические ГИС на Западе возникли, по утверждению исследователей, потому, что было собрано большое количество данных переписей населения, нуждавшихся в обработке [2]. Эти данные и были положены в основу национальных исторических ГИС-проектов, созданных в Великобритании, США, Германии, Бельгии и Китае. Проекты были посвящены, прежде всего, реконструкции границ государств, и с этой целью использовались материалы переписей.

Рассмотрение социально-демографических аспектов исторического развития всегда находится в поле зрения исследователей, поскольку позволяет отразить актуальную ситуацию и судить о последующих тенденциях эволюции населения, формирующего облик территории. Данный аспект развития весьма подвижен и зависит от множества внешних и внутренних факторов, таких как динамичность границ, влияние экономического развития, инфраструктурные изменения и др., причем указанные аспекты развития хорошо вписываются в пространственную составляющую ГИС. Отсюда совсем не случаен выбор исследователями этих технологий для изучения отмеченного круга проблем.

Одним из направлений, получивших широкое распространение в зарубежной и отечественной историографии ГИС, стало изучение миграций, включающее в себя почти все вышеуказанные аспекты. Изменение численности населения происходит как под влиянием естественного прироста, так и за счет миграций, существенно влияющих на территориальное размещение населения и, как следствие, на социально-экономическое, культурное развитие территории. На миграции, в свою очередь, оказывают воздействие различные условия, вызванные социальными, экономическими, политическими, профессиональными интересами.

Я. Грегори, анализируя демографическую ситуацию в Англии и Уэльсе, отмечает взаимозависимость факторов, влияющих на естественные изменения на-

селения. Сравнивая данные по этим двум территориям, исследователь обнаруживает интересную взаимосвязь: несмотря на более высокий уровень медицины и уровень жизни, существовала связь между уровнем смертности в XIX и XX вв. К 2001 г. показатели младенческой смертности уменьшились, увеличились же они для возрастов после 75 лет. Средняя продолжительность жизни возросла с 46–50 лет в XIX в. до 77–81 в конце XX в. Эти изменения связаны с изменениями основных причин смерти, а также с повышением уровня жизни населения. Результаты ГИС-анализа показали, что в 1900 г. наиболее высокий уровень смертности наблюдался в городах и крупных промышленных районах (Ливерпуль, Манчестер), а самый низкий – на юге и востоке Англии [3].

Я. Грегори отмечает, что условия, в которых рождались и проживали дети, впоследствии влияли на причины их смерти. Так, рожденные в бедных районах в 1930-е гг., умирали около 2000 г., те условия, которые складывались в их юные годы (например, курение), влияли на причины смерти, среди которых, например, рак легких. Таким образом, исследователь с помощью ГИС выстраивает цепочку причинно-следственных связей, в которой отмечает влияние прежних мест и условий проживания предков на причины смерти [4, 5, 6]. В этом исследовании ГИС используется как аналитический инструмент, отражающий пространственно-временные взаимосвязи. Исследователь пытается установить косвенные причины, влияющие на изменение численности населения, но при этом обращает внимание только на одну возможную причину, повлиявшую на возникновение такой взаимосвязи.

Проект М. Джессора «Карта миграций» разработан при сотрудничестве Оксфордского университета, Центра изучения проблем беженцев, Центра компьютерных технологий Королевского колледжа в Лондоне и Научно-исследовательского центра македонской истории и документации. Проект посвящен исследованию вынужденных миграций Македонии (сегодня север Греции) в 1880–2000 гг. В ходе анализа М. Джессор установил, что македонские миграции внесли большой вклад в развитие балканского региона и его историю. На основе геоинформационной системы, созданной на базе картографических источников, демографических данных (как архивных, так и современных) организована целая серия тематических карт, которые посвящены миграциям.

Материалы проекта размещены в сети Интернет, и любой пользователь может получить к ним доступ¹. Уникальным проект делает то, что большая часть информации ранее не публиковалась и доступность ее онлайн теперь представляет бесценный источник. Исследователям удалось не только разработать методику работы с картами и ГИС, но и подробно проанализировать состояние региона, его привлекательность с точки зрения мигрантов.

¹ Mapping Migration in Kastoria, Macedonia. URL: <http://www.mmkm.kcl.ac.uk/main.htm> (date of access: 09.06.2014).

А. Беверидж на основе изучения этнической принадлежности по результатам переписей 1900–2000 гг. показывает, как менялся и рос Нью-Йорк в XX в., какие происходили перемены в этнических районах города [7, р. 65–72]. Исследователя интересуют приток и отток населения, смещение расположения расовых и этнических кластеров, взаимодействие этих факторов с экономическим неравенством. Изучая потоки миграций в Нью-Йорк и из него, А. Беверидж отмечает городской бум, который приходится на 1905–1940 и послевоенные годы.

Для демографического изучения Нью-Йорка на основе материалов Бюро переписи населения США создана ГИС, которая связала социальные и экономические границы 1900–2000 гг. Геоинформационная система включает слои по каждой переписи и используется для изучения потока и оттока населения: смещения расположения расовых и этнических кластеров, плотности населения, взаимосвязи этих факторов и этнического неравенства. Большое влияние на концентрацию населения имели линии метрополитена. Так, например, А. Бевериджу удалось установить, что продолжение линии метро привело к появлению новых жилых районов среднего и высшего класса. Анализ показал, что в 2000 г. население Нью-Йорка уменьшилось на 1 млн чел. по сравнению с 1900 г. Вместе с тем, на фоне этого уменьшения наблюдается рост пригородов. Этот факт находит объяснение: люди с крупными доходами предпочитали в качестве места жительства именно пригородные зоны [7, с.65–69].

Изучение миграций в отечественных исследованиях, как правило, затрагивает отдельные регионы страны, что связано со спецификой каждого из них, и огромным пространством России в целом. Д.Н. Лухманов отмечает, что изучение динамики расселения и освоения на примере отдельной территории представляет как методический, так и практический, и познавательный интерес [8, с.75].

Исследователи Алтайского государственного университета в числе первых обратились к изучению миграций на примере территории Алтая, применяя ГИС-технологии. И.Г. Силина более детально рассмотрела эти процессы в рамках кандидатской диссертации «Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг.: источники и методы исследования» [9].

Коллектив барнаульских исследователей под руководством В.Н. Владимирова на протяжении длительного времени занимался изучением движения населения на территории Алтая в 1865–1905 гг. Картографирование миграций потребовало сложной работы по наложению и совмещению карт, используемых в качестве основы.

ГИС как средство пространственного анализа позволяет проследить процесс миграций и выявить территории размещения населения, опираясь на такие демографические показатели, как половозрастной и сословно-профессиональный состав переселенцев. Благодаря такому анализу можно выделить волны миграций на территорию, а также разделить ее на части

в зависимости от степени эффективности ее заселения. Итогом работы стало создание тематических карт, отражающих основные тенденции размещения различных групп переселенцев на территории округа [10].

Алтайские историки использовали ГИС не только для визуализации результатов, но и для изучения пространственных закономерностей путем ГИС-анализа, прослеживая волны миграций, при этом опираясь на основные показатели, отраженные в базе данных ГИС.

Использование ГИС-технологий стимулирует введение в оборот новых источников. Массовые источники с идентичной структурой идеально вписываются в формат ГИС. Алтайские исследователи актуализируют информацию такого церковного источника, как клировые ведомости, положенные в основу реконструкции церковного деления. Именно они стали базой для создания ГИС по реконструкции территорий приходов Барнаульского духовного правления на базе программного обеспечения AtlasGIS, а вместе с тем и подробного демографического анализа населения [11, с.91–92].

Пространственный анализ ГИС, созданной на базе церковных источников, позволил выявить особенности и закономерности развития территорий приходов Барнаульского духовного правления, зафиксировать изменения, произошедшие с территориями отдельных приходов. Реконструкция границ церковного деления позволила сравнить численность и сословную принадлежность населения, численность по отдельным приходам и категориям населения. Исследование подкреплено тематическими картами [12].

Кроме конкретно-исторических проектов, посвященных демографическим аспектам в пространственном контексте, реализуются ГИС-проекты, раскрывающие профессиональные интересы и профессиональную переориентацию населения. В зарубежной науке данная область знаний изучается преимущественно в рамках междисциплинарного направления Social Science History.

Один из крупных зарубежных ГИС-проектов британский исследователь Я. Грегори посвятил голоду в Ирландии, связывая его с миграциями и внутренними перемещениями населения как его последствиями. Цель проекта – проследить на детальном пространственном уровне географию голода, выявить его причины и последствия. База данных по Ирландскому голоду содержит 32 млн отдельных записей и состоит из данных переписей 1821–1971 гг., а также опубликованной переписной статистики. Имеются демографические данные, статистика по грамотности, языку, профессии, религии. ГИС-анализ ставит перед исследователями множество вопросов, ответы на которые они получают уже в ходе аналитической работы. Результаты показывают, что больше всего голод ощутили на себе жители сельской местности, уменьшение численности населения наблюдалось и на крупных фермах. Анализ пространственного размещения показывает, что причины голода варьировались в зависимости от территории, а зачастую при анализе голода в пред-

шествующих исследованиях иного рода локальные изменения не учитывались.

Пространственный анализ устанавливает географические закономерности снижения численности населения, обозначив взаимосвязь между уровнем грамотности, плохими жилищными условиями и уменьшением численности населения. Исследователям удалось выяснить, что голод отразился, прежде всего, на людях неграмотных, относящихся к низшим слоям населения [6]. При этом они подчеркивают разницу между востоком и западом страны. На западе, где проживало население с высоким уровнем грамотности и более высоким уровнем жизни, сложилась более благоприятная ситуация, но и здесь происходили миграции. Основываясь на результатах ГИС-анализа, исследователи утверждают, что голод оказал значительное влияние на развитие Ирландии и демографическую ситуацию в силу ее сельскохозяйственной специфики [13].

В основу исследования Д. Хука также положены данные переписи населения. Он обратился к миграциям в Северной Норвегии второй половины XIX в., выбрав в качестве источников также агрегированные данные, например, серию публикаций по естественному движению и церковную статистику. Для выделения направлений миграций исследователь рассматривает четыре вида границ: сельские, городские (промышленные), зарубежные, вторичные (когда все свободные земли были колонизированы). Отслеживание пространственного перемещения населения приводит его к выводу о том, что женщины чаще были вовлечены во вторичные границы и в городской сектор, мужчины – в сельскую местность и перемещения за рубеж. Д. Хук отмечает так называемый социальный барьер: если у фермеров имелись средства, то они могли эмигрировать в США в случае, если поддерживались контакты с жителями этой страны [14]. Ценность принятому исследованию придает расширение границ до уровня провинций, что предполагает более глубокий анализ статистики и причин миграций.

Предметом анализа С. Грубера, изучающего миграционные потоки, стали профессиональные миграции в Албании в начале XX в. Не имея в распоряжении прямых сведений о переселениях, исследователь использовал косвенные данные, сопоставляя место рождения родителей и детей, изменения места рождения между братьями и сестрами, сравнение людей разных возрастных групп. В качестве основного источника данных С. Грубер использовал материалы переписи албанского населения. С помощью созданной ГИС исследователь показал движение профессиональных миграций, которые, как он отмечает, сильно отличались по городам в рамках одной и той же профессии [15, p.136–142].

Таким образом, изучение занятий населения и процессов, влияющих на изменение профессиональных статусов и структуры занятости населения, тесно связано с рассмотрением миграционных потоков. Это направление является динамично развивающейся об-

ластью исторических исследований как в России, так и за рубежом. Отечественный проект, посвященный изучению профессиональной структуры населения Европейской России и Сибири, реализован в Алтайском государственном университете. Проект «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века» (руководитель Е.А. Брюханова) представляет собой информационную систему, позволяющую провести исследование профессионального состава населения Европейской России и Сибири на основе агрегированных данных Всероссийской переписи населения 1897 г. [16]

В настоящее время создана информационная система, предполагающая отбор данных по административным единицам и категориям населения (сельское, городское). По запросу пользователь получает таблицу с перечислением профессиональных групп и указанием числа занятых в каждой группе. На экран выводится интерактивная карта, на которой цветом обозначены основные характеристики в выбранной категории, что позволяет выполнить пространственно-географический анализ. В территориальном отношении выбор возможен до уровня уездов и городов [17, с.12–14]. В окончательном варианте реализация проекта предполагает создание геоинформационной системы с целью проведения сравнительного пространственно-географического анализа профессионального состава населения двух крупных регионов России и выделения региональной и отраслевой специфики занятости населения, определения структуры профессиональной занятости отдельно по регионам, выявление отраслевых связей.

Историографический обзор зарубежных и отечественных исторических исследований с привлечением ГИС-технологий показывает, что изучение социально-демографических аспектов занимает весьма значительное место в ряду реализуемых ГИС-проектов. Приоритет принадлежит вопросам миграций, но в большинстве исследований эта проблема рассмотрена более широко, с учетом количественного и качественного состава населения. Все чаще исследователи обращаются к региональной специфике профессионального состава населения, его изменениям, профессиональным миграциям.

Основным источником для такого рода исследований являются данные переписи населения, уже активно включенные в научный оборот и обработку с применением ГИС-технологий. В качестве дополнительных источников могут привлекаться материалы выборов, адресные книги, церковные источники и прочая локализуемая информация.

Предпринятый анализ проектов демонстрирует возможности ГИС, связанные с компьютерной обработкой больших объемов информации, интеграцией данных из самых разных по структуре и содержанию источников, в том числе картографических, а также раскрывает графические и аналитические возможности ГИС-технологий. Вместе с тем, переписи населения содержат богатый материал для анализа профессиональной структуры и занятости населения,

что является одним из направлений в изучении социально-демографических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геоинформатика : словарь основных терминов. М., 1999. 204 с.
2. Southall H. Rebuilding the Great Britain Historical GIS, Part 1: Building an Indefinitely Scalable Statistical Database // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 2011. Vol. 44, N 3. P. 149–159.
3. Gregory I. Longitudinal Analysis of Age- and Gender- Specific Migration Patterns in England and Wales // *Social Science History*. 2000. Vol. 24, N 3. P. 471–503.
4. Kennedy L., Ell P.S., Crawford E.M., Clarkson L.A. Mapping the Great Irish Famine: A Survey of the Famine Decades. 1999.
5. Fotheringham A. S., Kelly M.H., Charlton M. The demographic impacts of the Irish famine: towards a greater geographical understanding // *Transactions of the Institute of British Geographers*. P. 1–17.
6. Ell P.S., Gregory I.N. Demography, Depopulation, and Devastation: Exploring the Geography of the Irish Potato Famine // *Historical Geography*. 2005. Vol. 33. P. 54–77.
7. Beveridge A.A. Immigration, Ethnicity, and Race in Metropolitan New York, 1900–2000 // *Past time, past place: GIS for history*. Redlands: ESRI Press, 2002. P. 65–77.
8. Лухманов Д.Н. Историко-географическое изучение расселения: задачи и методы // *Вестник исторической географии*. 1999. № 1. С. 75–88.
9. Силина И.Г. Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг.: источники и методы исследования: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 230 с.
10. Владимиров В.Н., Колдаков Д.В., Силина И.Г., Токарев В.В. Пространственные аспекты истории Алтая: значение компьютерного картографирования // *Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики*. М., 1997. С. 92–107.
11. Владимиров В.Н., Чибисов М.Е. Применение ГИС для реконструкции православных приходов Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа первой половины XIX в. // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 2006. № 34. С. 91–92.
12. Владимиров В.Н., Силина И.Г., Чибисов М.Е. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829–1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). 140 с.
13. Gregory I.N., Ell P.S. Analysing spatio-temporal change using national historical GISs: Population change during and after the Great Irish Famine // *Historical Methods*. 2005. N 38. P. 149–167.
14. Hooke D. The role of the historical geographer today // *Norsk Geografisk Tidsskrift–Norwegian Journal of Geography*. 1999. Vol. 53. P. 57–70.
15. Gruber S. Occupational migration in Albania in the beginning of the 20th century // *Humanities, Computers and Cultural Heritage Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing 14–17 September 2005*. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. P. 136–142.
16. Брюханова Е.А. Пространственно-географический анализ профессиональных данных переписи 1897 г. на основе международных систем классификации профессий // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 2012. № 38. С. 135–136.
17. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н., Иванов Д.Н., Чекрыжова О.И. Информационная интернет-система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX — начала XX в.» как источник для профессиональных исследований // *Историческая информатика*. 2014. № 1. С. 5–15.

REFERENCES

1. Geoinformatics: glossary of key terms. Moscow, 1999, 204 p. (In Russ.)
2. Southall H. Rebuilding the Great Britain Historical GIS, Part 1: Building an Indefinitely Scalable Statistical Database. *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 2011, vol. 44, no. 3, pp. 149–159.
3. Gregory I. Longitudinal Analysis of Age- and Gender- Specific Migration Patterns in England and Wales. *Social Science History*. 2000, vol. 24, no. 3, pp. 471–503.
4. Kennedy L., Ell P.S., Crawford E.M., Clarkson L.A. Mapping the Great Irish Famine: A Survey of the Famine Decades. 1999.
5. Fotheringham A. S., Kelly M.H., Charlton M. The demographic impacts of the Irish famine: towards a greater geographical understanding. *Transactions of the Institute of British Geographers*, pp. 1–17.
6. Ell P.S., Gregory I.N. Demography, Depopulation, and Devastation: Exploring the Geography of the Irish Potato Famine // *Historical Geography*. 2005, vol. 33, pp. 54–77.
7. Beveridge A.A. Immigration, Ethnicity, and Race in Metropolitan New York, 1900–2000. *Past time, past place: GIS for history*. Redlands: ESRI Press, 2002, pp. 65–77.
8. Lukhmanov D.N. Historical and geographical study of the resettlement: problems and methods. *Vestnik istoricheskoi geografii*. 1999, no. 1, pp. 75–88 (In Russ.)
9. Silina I.G. External migration in the Altai district in 1865–1905 years.: sources and research methods. The thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2002, 230 p. (In Russ.)
10. Vladimirov V.N., Koldakov D.V., Silina I.G., Tokarev V.V. Spatial aspects of the history of the Altai: the value of computer mapping. *Krug idei: traditsii i tendentsii istoricheskoi informatiki*. Moscow, 1997, pp. 92–107 (In Russ.)
11. Vladimirov V.N., Chibisov M.E. Application of GIS for the reconstruction of Orthodox parishes Kolyvan-Voskresensky (Altai) mountain district the first half of the XIX century. *Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii "Istoriya i computer"*. 2006, no. 34, pp. 91–92. (In Russ.)
12. Vladimirov V.N., Silina I.G., Chibisov M.E. Parishes of the Barnaul spiritual directorate in the 1829-1864 (based on the clergy accounts), 140 p. (In Russ.)
13. Gregory I.N., Ell P.S. Analysing spatio-temporal change using national historical GISs: Population change during and after the Great Irish Famine. *Historical Methods*. 2005, no. 38, pp. 149–167.
14. Hooke D. The role of the historical geographer today. *Norsk Geografisk Tidsskrift–Norwegian Journal of Geography*. 1999, vol. 53, pp. 57–70.
15. Gruber S. Occupational migration in Albania in the beginning of the 20th century. *Humanities, Computers and Cultural Heritage Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing 14–17 September 2005*. Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences. Amsterdam. 2005, pp. 136–142.
16. Bryukhanova E.A. Space-geographical analysis of professional data of the 1897 census on the basis of international classification systems of professions. *Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii "Istoriya i computer"*. 2012, no. 38, pp. 135–136 (In Russ.)
17. Bryukhanova E.A., Vladimirov V.N., Ivanov D.N., Chekryzhova O.I. Internet information system “Professions and Employment of Population in the Russian Empire in the late XIX-early XX century” as a source for studying the professions. *Istoricheskaya informatika*. 2014, no. 1, pp. 5–15 (In Russ.)

Статья принята редакцией 29.10.2015

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20150419
УДК 94(470):316.624+392.85

Д.П. ЖЕРЕБЧИКОВ

**ПЬЯНСТВО В ГОРОДАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)***

Дмитрий Павлович Жеребчиков,
кандидат ист. наук, старший научный сотрудник,
Тамбовский государственный технический университет,
РФ, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106,
e-mail: ditrich87@mail.ru

Статья посвящена проблеме пьянства городских жителей в Тамбовской губернии в период модернизационных изменений второй половины XIX – начала XX в. Приведен обзор работ современных отечественных исследователей, интересовавшихся указанной проблемой. Алкоголизация городского социума изучена с помощью данных статистики, архивных источников, материалов прессы в исследуемый период. Цель статьи – рассмотрение пьянства как одного из главных факторов девиации, анализ его связи с другими проявлениями отклоняющегося поведения – суицидом, хулиганством, убийствами. Освещены формы контроля алкогольной проблемы со стороны государства и церкви.

Ключевые слова: пьянство, алкогольная статистика, алкогольная смертность, суицид, хулиганство, драка, убийство, государственный контроль, общества трезвости

D.P. ZHEREBCHIKOV

**DRUNKENNESS OF URBAN POPULATION IN THE TAMBOV PROVINCE
(SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)**

Dmitry P. Zherebchikov,
Candidate of Historical sciences, Senior Research Fellow,
Tambov State Technical University,
106, Sovetskaya Str., Tambov, 392000, Russian,
e-mail: ditrich87@mail.ru

The article deals with the problem of alcoholism among the urban population of the Tambov province during the period of modernization in the second half of the XIX – early XX centuries. The article reviews contemporary Russian scholarship on this problem. The author studies alcoholism of the urban society based on the statistical data, archival sources, and press materials. Drunkenness is considered as a form of deviation, interconnected with other manifestations of deviant behavior – suicide, bullying, murder. The article discusses the forms of control over drinking exercised by the state and church. During the period under study drunkenness being one of the most common social ills remained a big problem for the post-reform urban society and required serious attention from the government and public institutions. Drunkenness of urban residents hampered the normal development of urban environment and often served as a catalyst for more serious manifestations of deviant behavior and crime. In the cities of the Tambov province, much more affected by modernization as opposed to the villages, the problem of alcoholism was sharper than in the uyezds. As compared to other regions of Russia, the Tambov province suffered much from the problem of drunkenness among its urban residents. The scale of

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–01–00117

alcohol abuse in this case also correlated with the degree of penetration of the modernization of the urban life in society. The problem of drinking in the Tambov province was much more serious than in the neighboring cities of agrarian provinces, however the situation was even worse in the cities of central regions that were more affected by modernization. The growth of population's alcoholization is inevitable during the periods of modernization. It was a price to pay for the increase in the urban population, the influx of workers to the cities. However, it did not relieve the State and the society of their responsibility to fight against this evil.

Key words: Drunkenness, alcohol statistics, alcohol mortality, suicide, bullying, fighting, killing, state control, temperance societies.

Пьянство является одной из самых распространенных форм девиантного (т.е. отклоняющегося) поведения в обществе. Изучение социальных аномалий прошлого востребовано как в научном, так и в практическом значении. В настоящей статье ставится цель – выяснить роль пьянства как фактора девиантности в городах типичной аграрной губернии Центральной России – Тамбовской в период масштабных модернизационных изменений в жизни России (вторая половина XIX – начало XX в.). Методологический арсенал статьи сочетает два основных научных подхода современной социальной истории. Один из них – социоструктурный, в рамках которого применяется сравнительный анализ социальных категорий, норм и процессов с помощью статистического метода. В настоящей статье на основе социоструктурного подхода рассматривается такой социальный феномен, как алкогольная смертность. Сведения из местных и общероссийских дореволюционных статистических источников позволяют раскрыть масштаб алкоголизации в тамбовском городском социуме. Другой подход – социокультурный, в его рамках проблема пьянства анализируется с помощью микроисторического анализа, который подразумевает изучение обыденной жизни рядовых людей, ее контекстов. В рамках социокультурного подхода рассматриваются «практики питья» отдельных городских обывателей. Изучение материалов первичного характера, извлеченных из архивных документов и местной губернской прессы, позволяет выяснить, существовала ли связь пьянства с другими видами социальных аномалий – самоубийствами, хулиганством, преступностью. Особое внимание уделяется вопросу о том, как на упомянутые «вызовы» социальной деструкции пьянства и алкоголизма реагировали городская власть и православная церковь.

Историография алкогольной проблемы в России довольно обширна. Однако, как отмечает А.Г. Быкова, алкогольный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX в. как самостоятельная проблема не являлся предметом специального исследования отечественных ученых-историков. Вместе с тем, дореволюционные исследователи (чаще всего не историки, а медики, юристы, служители церкви) посвятили значительное число своих работ таким проблемам, как производство и реализация алкогольной продукции, потребление алкоголя и его последствия, формы и способы участия государства и общества в деалкоголизации населения, трезвенническое движение.

В советское время работы по алкогольной тематике носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер [1, с. 4–5]. Импульс к изучению пьянства и алкоголизма в постсоветское время дало новое направление в отечественной исторической науке – социальная история. Но лишь некоторые современные исследователи изучали пьянство в дореволюционной России в контек-

сте происходивших модернизационных изменений и разрушения традиционной культуры. На наш взгляд, анализ социальных девиаций именно в таком контексте должен стать парадигмой современных работ по данной проблеме. В должной мере не нашло своего отражения изучение пьянства во взаимосвязи с другими проявлениями девиантного поведения. Обойден вниманием современных исследователей и вопрос о специфике алкогольной проблемы в российских городах.

Прежде всего, при анализе современной историографии рассматриваемого вопроса следует выделить работы, в которых исследование осуществлялось на основе того или иного исторического подхода (социально-исторического, антропологического и т. д.). Так, докторская диссертация, а позднее монография А.Г. Быковой посвящена изучению обширной проблематики алкогольного вопроса в России. Пьянство рассмотрено ею как своеобразная форма уродливой социализации личности в условиях модернизации, ломки патриархальных устоев, возросшей социальной мобильности населения [2]. Анализ «народного пьянства» на Европейском Севере России в конце XIX – начале XX в. позволил сделать Т.И. Трошиной вывод о том, что «под влиянием урбанизации и модернизации, в связи с ростом народного благосостояния этот порок развился и стал приобретать угрожающие масштабы и формы» [3].

Фактором, повышающим размеры потребления спиртного, исследователь И.А. Шевченко считает «неземледельческий отход, когда сельские обыватели, оказавшиеся на заработках в чужой социокультурной среде без общинного контроля, становились регулярными потребителями алкогольных напитков» [4]. Интересуясь проблемами пьянства и алкоголизма, А.В. Николаев, особое внимание уделяет явлению «уличного пьянства», деятельности обществ трезвости, питейной политике государства и др. По его мнению «крестьяне, приходя в город, сливались, в основном, с маргинальными “низами”, алкоголь становился для них и средством “ухода” от гнусной реальности, и средством адаптации к новым условиям. Установление государственной винной монополии не улучшило положение: крестьяне, “отходники”, рабочий люд городов — все они быстро стали заложниками винной лавки» [5]. В.Б. Безгин полагает, что урбанизация и модернизация способствовали распространению пьянства в деревне, росту девиантного поведения крестьян [6]. Указанные авторы приходят к схожим выводам о том, что модернизация, урбанизация, миграция и разрушение традиционной культуры способствовали росту пьянства и алкоголизма, особенно в городской среде.

В 2011 г. группой ученых-демографов было выполнено исследование алкогольной смертности в Российской империи в 1870–1894 гг. По их данным, в Тамбовской губернии коэффициент мужской алкогольной смертности составлял

в 1870–1894 гг. около 15,1 на 100 000 чел., что превосходило общий коэффициент внезапной смертности мужчин от пьянства за тот же период в Европейской России – 10,4 на 100 000 чел. По величине коэффициента Тамбовская губерния была впереди своих южных соседей – Курской (около 7,5) и Воронежской (около 8,5) губерний, уступая более северным соседним – Пензенской (около 19) и Рязанской (около 17) губерниям. Авторы исследования пришли к выводу, что максимум внезапной смертности мужчин от пьянства из 50 губерний Европейской части Российской империи приходился на центр Европейской России, при этом показатели на западе и юге были существенно ниже, чем в центре. Как на одно из возможных объяснений этого факта, в статье указывается на различие в стилях потребления алкоголя в различных частях России¹. Видимо, народонаселение Тамбовской губернии было более склонно к «центральному» типу потребления спиртного (по типу потребления в Рязанской и Пензенской губерниях), чем к более «южному» (как в Воронежской и Курской губерниях). Авторы исследования не рискнули проводить расчеты отдельно для населения городов и уездов.

Используя те же источники, можно выяснить масштаб смертности от алкоголя в городах Тамбовской и соседних губерний. На 10 000 чел. городского населения России в 1875–1887 гг. умирало от пьянства 0,71 жителей обоого пола,² а в городах Тамбовской губернии за тот же 13–летний период было 1,5 умерших от пьянства³. По числу умерших от пьянства в расчете на 100 чел. умерших насильственной и случайной смертью в 1875–1887 гг. города Тамбовской губернии (14,6 умерших от пьянства на 100 умерших насильственно и случайно) превосходили города Воронежской (11,2) и Курской (12,3) губерний, уступая городам Рязанской (15,4) и Пензенской (19,5) губерний. В городах Европейской России средний показатель составлял 11,9 умерших⁴. Как видно, результаты настоящего исследования почти полностью коррелируют с выводами из вышеуказанной работы. Следовательно, разница в статистических показателях алкогольной смертности в городах Тамбовской губернии и в городах соседних губерний может объясняться различиями в типе потребления спиртного.

На наш взгляд, кроме вышеуказанной причины, нужно учитывать роль факторов модернизации и урбанизации. Степень урбанизации аграрной Тамбовской губернии характеризует доля городских жителей – 8,4 % в 1897 г. Однако Тамбовская губерния по доле горожан в общем населении опережала Воронежскую (6,7 %), при этом отставала от Пензенской (9,5 %) и Рязанской (9,4 %) губерний. При более высокой степени урбанизации Курской губернии (9,3 %)⁵ та-

кой важный показатель при модернизационных изменениях, как процент не местных уроженцев (т.е. пришлого населения, мигрантов), в городах Тамбовской губернии был выше, чем в курских городах, – 36,4 %⁶ и 22,2 % соответственно. Таким образом, данные об алкоголизации горожан, рассмотренные выше, вполне отражают интенсивность модернизационных и урбанизационных процессов: по масштабам проблемы пьянства тамбовские города опережали города соседних аграрных губерний, менее затронутые модернизацией, уступая городам центрального района, затронутым модернизацией в большей степени.

Не может вызывать сомнения, что интенсивность модернизационных процессов в городах была выше, чем в уездах. Соответственно, этот фактор должен был повлиять на различия в показателях алкоголизации населения в городах и селах губернии. Одно место питейной торговли (казенное и частное) в 1901 г. в тамбовских городах приходилось на 286 чел., а в тамбовских уездах – примерно на 1026 чел.⁷ Смертность горожан от пьянства, по сравнению со смертностью в деревне, была выше. Во второй половине XIX в., с 1870 по 1901 г., по неполным данным статистики (без 1896 и 1899 гг.), в Тамбовской губернии число умерших от пьянства составило 6142 чел. Из них в городах умер от пьянства 731 чел., т.е. 11,9 %, что превышало долю горожан в общем населении губернии (в 1897 г. – 8,4 %). Проблема городского пьянства стояла острее, чем сельского, если рассматривать женскую смертность от алкоголя. Если в уездах женская смертность от пьянства составляла 9,1 % (из 5411 умерших 493 были женщины), то в тамбовских городах – 21,9 % (из 731 умерших от пьянства – 160 женщин)⁸. Нужно учитывать и то, что данные статистики не могли отразить всех масштабов проблемы злоупотребления спиртным, поскольку учет умерших, вероятно, был занижен. Таким образом, данные местной статистики Тамбовской губернии подтверждают факт более высокой степени алкоголизации города по сравнению с деревней.

В местной хронике губернской газеты довольно часто появлялись сообщения о смертях городских жителей,

разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. I. Таблица: пространство, число наличного населения и плотность. Число наличного населения в городах. С. 2, 4.

⁶ Подсчитано по: Там же. Таблица VI: Распределение населения по сословным группам и месту рождения – в городах. С. 102.

⁷ Подсчитано по: Обзор тамбовской губернии за 1901 год. Тамбов, 1902. С. 32–35. Ведомость о числе мест питейной торговли и о числе выданных патентов на продажу напитков в 1901 г. Для подсчета взята примерная численность городского населения губернии за 1901 г. – 241 000 чел., сельского – 2 734 000 чел.

⁸ Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. Серия II, вып. 19: Насильственные и внезапные смерти с распределением по губерниям в период 1870–1874 годов. СПб., 1882. С. 28; Временник ЦСК МВД. № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. СПб., 1894. С. 58; Временник ЦСК МВД. № 41. Умершие насильственно и внезапно в Российской империи в 1888–1893 гг. СПб., 1897. С. 50; Обзор Тамбовской губернии 1894–1901 гг. (без 1896 и 1899 гг.). Тамбов, 1895–1902. 6 кн. Ведомости о насильственных и случайных смертях за 1894–1901 гг.

¹ Андреев Е.М., Боговявленский Д.Д., Стикли А. Алкогольная смертность в Российской империи в 1870–1894 годах. // Демоскоп Weekly. 2011. № 461–462. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0461/analit01.php> (дата обращения 03.10.2015 г.)

² См.: Временник ЦСК МВД № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. СПб., 1894. С. V.

³ Подсчитано по: Там же. С. 58. Для подсчета взята примерная численность городского населения губернии за 1881 г. – 160 000 чел.

⁴ Подсчитано по: Там же. С. 16, 28, 40, 48, 58.

⁵ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. I: Общий свод по Империи результатов

произошедших вследствие неумеренного питья алкоголя. Например, корреспондент газеты «Тамбовские губернские ведомости» сообщал, что в г. Тамбове в доме мещанки Набоковой в 1880 г. умер «без исповеди и святого причастия» мещанин Михаил Набоков, 30 лет. Набоков, «будучи слабого телосложения и жалуясь на боль и удушье, злоупотреблял спиртными напитками, отчего и умер»⁹. В 1881 г. зимой 23 января на тротуаре вблизи конюшен коннозаводства был найден мертвым 40-летний тамбовский мещанин Савелий Михайлов. Как сообщалось, «Михайлов постоянно вел жизнь нетрезвую»¹⁰.

Другая распространенная форма девиации – суицид – нередко была связана с алкогольной проблемой, так как горожане часто совершали самоубийства именно в состоянии опьянения. В 1874 г. в Моршанске 40-летний купец 2-й гильдии Семенов находился в городской больнице и лечился от пьянства. При нем постоянно находился больничный смотритель. Воспользовавшись его временным отсутствием, Семенов удавился¹¹. В Тамбове в 1874 г. «покушался на свою жизнь» отставной прапорщик Михайлов. «Будучи нетрезвым», он нанес рану себе ножом в грудь¹². В Шацке в 1879 г. повесился в своем доме «в пьяном виде» 30-летний крестьянин Василий Аватков¹³. В Елатье в 1878 г. повесился дьякон Соборной церкви Иван Леонтьев в «припадке тоски от пьянства»¹⁴.

Хулиганское поведение, спровоцированное пьянством, на улицах городов губернии было явлением заметным и угрожающим. Корреспондент из Шацка писал в заметке «Тамбовских губернских ведомостей», что часто запоздалые пешеходы в праздничные дни всецело отдаются на волю разгулявшихся слобожан или рекрутов, которые с криками «зарезу», «убью» свободно носятся от одного трактира к другому¹⁵. Вот что писал корреспондент губернской газеты из г. Козлова в 1881 г.: «На самых лучших улицах вы то и дело видите драки и слышите пьяный шум и самую неприличную ругань, особенно к вечеру... Я положительно нигде не видел таких пьяных, неприличных женщин, которые попадались здесь на самой главной улице. Пока я пишу эти строки, под моим окном с бранью и визгом дерутся две бабы, бросаются камнями, разлили молоко, разбили посуду... Вечером опасно даже ходить по улицам»¹⁶. Данные полицейской статистики подтверждали негативный отзыв корреспондента о нравах в Козлове. В рапорте козловского пристава о содержащихся под арестом в течение суток с 5 ноября по 18 декабря 1899 г. доносилось, что за указанный период практически не было дня без задержания людей за пьянство. За пьянство в течение суток арестовывали от 1 до 7 чел., были среди них и женщины¹⁷.

⁹ Тамбовские губернские ведомости. 1881. № 3. С. 2.

¹⁰ Там же. № 10. С. 2.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 35. Д. 1309. Л. 79об.–80.

¹² Там же. Л. 95об.

¹³ Там же. Оп. 40. Д. 598. Л. 150об.

¹⁴ Там же. Оп. 39. Д. 864. Л. 86об.

¹⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1897. № 6. С. 3.

¹⁶ Там же. 1881. № 86. С. 3-4.

¹⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 1023. Оп. 1. Д. 32.

Такие нетяжкие виды преступлений против личности, как драки и оскорбления, в тамбовских городах были обычным явлением. В драку горожане в большинстве случаев вступали в состоянии опьянения. В Тамбове в 1871 г. крестьянин Дмитрий Толмачев, «будучи в нетрезвом виде», ранил мещанина Сергеева, ударив его ножом в голову. В Моршанске в пригородной Громовской слободе в 1879 г. крестьянин Парамонов, «идя по улице в пьяном виде, с гармоникой», встретил толпу крестьян из ближайших к городу селений, шедших с волостного схода. Кто-то из толпы обозвал его жуликом, и Парамонов начал драку. Ему было нанесено ножевое ранение в бок¹⁸.

Городские власти относились строго к правонарушениям против общественного порядка и нравственности и стремились их пресекать. Существовала практика ночного патрулирования тамбовских городов, так называемых ночных обходов, силами полиции и военных. Очень часто горожане в состоянии опьянения оказывали сопротивление патрулю, и тогда патруль становился объектом нападения. В Тамбове в 1878 г. ночной обход из 4 чел. следовал по Дубовой улице. Обходом был задержан в состоянии опьянения слесарь, служащий на железной дороге. Он оказал сопротивление патрулю, причем к нему на помощь присоединился вышедший из трактира его товарищ – мещанин Костиков. Слесарь нанес ножевые раны унтер-офицеру и явившемуся на помощь городовому¹⁹. В Липецке в 1872 г. во время Владимирской ярмарки помощник полицейского пристава Болотов, совершая обход, заметил позднюю торговлю в питейном заведении мещанина Зиновьева. Болотов предложил виноторговцу мещанину Александрову закрыть кабак. Но он и находившиеся там посетители – двое липецких мещан Сидоров и Раков – оказали сопротивление обходу. Александров нанес удар рядовому и сорвал у него штык с пояса, а Раков бросал камнями в солдат и кричал: «Бей их!»²⁰.

Склонные к чрезмерному употреблению спиртного горожане становились жертвами уличных преступников. Городская базарная площадь являлась повышенной криминальной опасностью. Базар в народе называли «толкучкой». Об атмосфере подобной «толкучки» в Тамбове рассказывалось в заметке «Тамбовских губернских ведомостей» 1897 г. под названием «Тамбовский базар». Корреспондент отмечал, что на базаре царил шум, гам, толкотня²¹. В Тамбове в 1881 г. в «толкучке» был ограблен коллежский ассessor П.Я. Сперанский, «который при этом был пьян до бессознательности». С пострадавшего были сняты визитка, пальто, брюки, сапоги, жилет. Подозревать в ограблении Сперанский по причине своего состояния заявить ни на кого не мог. Его визитка была найдена у тамбовского мещанина Соколова, а жилет – у крестьянина Грекова. Все эти вещи куплены были у крестьянина с. Кривая Поляна Верещагина²².

В семейно-бытовой сфере алкоголь также играл разрушительную роль. Жители городов в состоянии алкоголь-

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 40. Д. 598. Л. 29об.-30.

¹⁹ Там же. Оп. 39. Д. 864. Л. 224об.–225.

²⁰ Там же. Оп. 33. Д. 367. Л. 58–58об.

²¹ Тамбовские губернские ведомости. 1897. № 131. С. 2–3.

²² Там же. 1881. № 106. С. 4.

ного опьянения иногда совершали убийства своих близких родственников. В пригороде Моршанска в 1871 г. произошли два таких случая. В Барашевской пригородной слободе крестьянин Павел Ханин «в пьяном виде» убил по неизвестной причине свою жену Татьяну. Крестьянин Захар Голяев, житель той же слободы, возвращаясь вечером из гостей в нетрезвом состоянии «с теткою своей Варварой», столкнул ее в прорубь «неизвестно за что»²³. Случались в тамбовских городах убийства сразу нескольких родственников по причине винопития. В Лебедяни в 1877 г. в пригородной Стрелецкой слободе крестьянин Дмитрий Кошкаров «в пьяном до бессознания виде» убил жену Анну и тещу Ольгу Малахову²⁴. В Козлове в 1874 г. мешанка Попова была пьяна и поссорилась по неизвестной причине с родной сестрой Натальей. Во время драки она сильно толкнула Наталью, отчего та упала и от удара умерла²⁵.

Введение в начале XX в. винной монополии и создание попечительств о народной трезвости, занимавшихся пропагандой трезвого образа жизни, стало ответом государства на пьянство и алкоголизм. Не только государство, но и церковь были озабочены высокой степенью алкоголизации населения. Среди негативных моментов в обзорах состояния нравов городских жителей в отчетах благочинных городских округов указывалось на неумеренное пьянство, сопровождавшееся сквернословием и разгулом²⁶. Если государство искало истоки пьянства в социально-экономических причинах, то православная церковь – в «недостаточном развитии христианского самопознания и нравственности» в народе²⁷. В исследуемый период появляются общества трезвости при церковных приходах (после указа Священного Синода 1889 г. о возможности священнослужителям создавать церковно-приходские общества трезвости). По сведениям Тамбовской епархии за 1892 г., в городах губернии обществ трезвости, созданных церковью, было немного, число их членов обычно не превышало 30 чел.²⁸ Самое крупное городское церковное общество трезвости в то время действовало в Борисоглебске при приходе Часовенной церкви, состояло оно из 150 чел.²⁹

На наш взгляд, проблема пьянства в городах Российской империи стояла значительно острее, чем в деревне. Частое употребление спиртного входило в уклад жизни обывателей, а кабак и винные лавки становились одними из главных форм досуга. Анализ данных статистики показал, что в масштабах Российской империи проблема городского пьянства в Тамбовской губернии стояла довольно остро. Степень алкоголизации в данном случае также можно сопоставить со степенью охвата модернизацией городского социума. Тамбовские города по алкоголизации опережали города соседних аграрных губерний, уступая городам центрального района, затронутым модернизацией в большей степени.

Но не государство, не церковь, и не общество в целом не могли кардинально изменить ситуацию с пьянством в городах. Платой за увеличение городского населения стало усиление алкоголизации. Анализ архивных документов и местной губернской прессы свидетельствовал о негативной роли пьянства в повседневной жизни городского социума Тамбовской губернии. Пьянство горожан мешало нормальному развитию городской среды и нередко служило катализатором для более серьезных проявлений девиантного поведения и преступности. На наш взгляд, в исследуемый период пьянство низших городских слоев было неизбежным злом, что, впрочем, не отменяло посильную борьбу с ним со стороны городских властей и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быкова А.Г.* Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис... д-ра ист. наук. Омск, 2012. 51 с.
2. *Быкова А.Г.* Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX вв.: из истории проблемы (монография). Омск, 2006. 136 с.
3. *Трошина Т.И.* Народное пьянство на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 28(2). С. 19–28.
4. *Шевченко И.А.* Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне Центра России в конце XIX – XX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Липецк, 2015. 24 с.
5. *Николаев А.В.* Русское пьянство: от традиции к политике. Тольятти, 2007. 151 с.
6. *Безгин В.Б.* Алкоголь в обыденной жизни русского села (конец XIX – начало XX в.) // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. С. 421–453.

REFERENCES

1. *Bykova A.G.* The Issue of Alcohol in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century: Abstract of dissertation of Doctor of Historical Sciences. Omsk, 2006, 51 p. (In Russ.)
2. *Bykova A.G.* Alcoholism and drunkenness in Russia in XIX – early XX centuries: history of problems (monograph). Omsk, 2006, 136 p. (In Russ.)
3. *Troshina T.I.* Popular drunkenness in the European North of Russia (the end of XIX – early XX centuries). *Novyi istoricheskiy vestnik*. 2011, no. 28 (2), pp. 19–28 (In Russ.)
4. *Shevchenko I.A.* Alcohol consumption and the struggle for sobriety in the village of Great Central Russia in the late XIX – XX century: abstract of dissertation of the candidate of historical sciences. Lipetsk, 2015, 24 p. (In Russ.)
5. *Nikolaev A.V.* Russian drunkenness: from tradition to politics, Toliatty, 2007, 151 p. (In Russ.)
6. *Bezgin V.B.* Alcohol in Everyday Life of the Russian Village (Late XIX – Early XX centuries). *NB: Problems of Politics and Society*. 2013, no. 3, pp. 421–453 (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.11.2015

²³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 1583. Л. 31об. –32, 217.

²⁴ Там же. Оп. 38. Д. 1314. Л. 221–221об.

²⁵ Там же. Оп. 35. Д. 1309. Л. 21–21об.

²⁶ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2266. Л. 151об., 187

²⁷ Там же. Л. 153.

²⁸ См.: Справочная и памятная книжка по Тамбовской епархии на 1893 г. С. 20–318

²⁹ Там же. С. 228.

DOI: 10.15372/HSS20150420
УДК 94(47+571).084.6

В.В. ВВЕДЕНСКИЙ

ЭЛЕМЕНТЫ СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-е гг.*

Владимир Викторович Введенский,
инженер, Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: vvedenskiyv@yandex.ru

В статье проанализировано влияние элементов сельской среды и сельского образа жизни на состояние социальной сферы и образа жизни в городах Западной Сибири в 1930-е гг. Привлечены данные о социальном составе городского населения в указанный период, свідельства о реакции населения на непривычные условия жизни, а также сведения о действиях региональных и городских властей по организации городского пространства. Показано, что бывшие сельские жители транслировали в повседневной городской жизни традиционные для селян модели поведения, что выступало одним из механизмов адаптации к непривычным для них условиям. В свою очередь, руководство стремилось адаптировать некоторые рудиментарные, в условиях индустриального города, элементы к потребностям осуществления индустриального строительства в городах.

Ключевые слова: Западная Сибирь, индустриализация, урбанизация, повседневная жизнь, городское пространство, рурализация, социальные трансформации.

V.V. VVEDENSKIY

ELEMENTS OF RURAL ENVIRONMENT IN THE URBAN SPACE OF WESTERN SIBERIA IN THE 1930s

Vladimir V. Vvedenskiy,
Engineer, Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: vvedenskiyv@yandex.ru

The author aims at revealing how the elements of rural environment and the rural way of life influenced the social sphere and lifestyle in the cities of Western Siberia in the 1930s. Within the stated period a number of industrial urban settlements in Western Siberia increased significantly. As conceived by the country's leaders and theoreticians of urban development the formation and development of the new industrial cities was to be in accordance with a clear plan. While carrying out these projects the authorities faced a number of difficulties that prevented the full implementation of the projects. The difficulties lay in the lack of material resources for the projects, as well as in the fact that citizens were unprepared for such work. A significant percentage of the new city dwellers were born in the rural areas.

Migrants from the rural areas that had settled in the West Siberian towns tried to adapt to the new living conditions and to the emerging urban environment while reproducing their usual behavior patterns. Moreover, the former peasants influenced the formation of the urban area and social relationships in the new cities. In their turn, the authorities both at the regional and national levels attempted to adapt the behavior patterns of the «new urban citizens» so as to solve the tasks of economical and social modernization according to the plans of industrial development. Upon that, the authorities not only stimulated modernization factors affecting population, but also strove to take control of the «chaotic» elements of the traditional style of life and to incorporate them into the space of the emerging industrial towns. As a result, urban space included elements of social environment, extraneous for the industrial cities. Some of these elements were the legacy of the rural way of life, others were the product of rapid urban growth.

Key words: Western Siberia, industrialization, urbanization, daily life, ruralization, urban space, social transformation.

В период первых пятилеток советским обществом решались масштабные задачи в экономической и социальной

сферах. Задача осуществления индустриальной модернизации народного хозяйства была продиктована необходимостью преодолеть отставание страны от крупнейших мировых держав. Задача модернизации общества основывалась на необходимости качественно изменить человека, его образ жизни.

*Исследование выполнено за счет гранта РГНФ, проект № 14-01-00068а

Полигоном модернизации народного хозяйства и общества должны были стать города и поселения городского типа. Количество городских поселений в изучаемый период существенно увеличилось, именно в них в первую очередь происходили качественные изменения в социальной сфере.

На состояние социальной сферы и образа жизни населения в городах и городских поселениях оказывали влияние три основных фактора: во-первых, принципы и нормы традиционного общества; во-вторых, процесс становления индустриального общества и, в-третьих, задачи и программные установки, исходившие от правящей партии [1, с. 246]. При этом следует учитывать, что процесс становления индустриального общества и программные установки были логически связаны: программные установки являлись теоретическим практико-ориентированным обеспечением трансформации общества. Принципы и нормы традиционного общества, будучи выработанными в предыдущий период жизни народа и закрепленными в коллективном сознании, в логику социальных трансформаций не укладывались. Влияние указанных факторов распространялось в том числе и на формирование пространства городов – той среды, в которой должны были жить и работать советские граждане.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР разрабатывались проекты организации городского пространства, осуществление которых должно было повлиять на изменение образа жизни людей и способствовать трансформации социума. Авторы проектов учитывали необходимость развития народного хозяйства в индустриальном ключе, а также руководствовались идеологическими установками и основанным на них пониманием вектора трансформации общества. Можно выделить ряд общих положений у приверженцев разных взглядов на развитие городов в Советском Союзе. Устройство нового социалистического города должно было способствовать формированию нового образа жизни и соответствовать хозяйственным функциям поселения: численность населения должна соответствовать потребностям производственного сектора, планировка городских улиц и кварталов способствовать быстрому передвижению жителей к местам работы и отдыха, сеть учреждений коммунально-бытового обслуживания удовлетворять большую часть повседневных бытовых потребностей жителей, застройка жилых кварталов производиться капитальными многоквартирными домами с подключением к системе коммунальных сетей. Концепция соцгорода не ограничивается озвученными положениями, но в данном случае нас интересуют именно они. Эти положения содержатся в работах Л.М. Сабсовича, Н.А. Милюткина и других теоретиков [2; 3].

На практике в формировании городской среды в Западной Сибири сложилась несколько иная ситуация. Даже к концу 1930-х гг. районы одного и того же города существенно отличались по типу жилой застройки, степени развитости системы коммунально-бытового обслуживания, благоустроенности. Наиболее приближенными к модели современного индустриального города были центральные районы городов. Эти районы застраивались капитальными многоквартирными зданиями, присутствовала четкая планировка улиц и кварталов, в первую очередь здесь развивали коммунальные сети. В центральной части города находилась большая часть общественных учреждений и учреждений культуры, обще-

ственного питания и торговли. В обустроенное капитальное жилье в первую очередь заселяли руководящих работников и ударников производства.

Несмотря на «элитарный» характер центральных городских районов, уровень их благоустроенности оставался недостаточно высоким. В 1934 г. при обследовании нового жилого фонда предприятий Омска, уже сданного в эксплуатацию и частично заселенного, были отмечены разного рода недостатки: отсутствие электроэнергии, водопровода, канализации, теплых уборных, центрального отопления¹. Отмечалось, что в отдельных случаях холод в квартирах капитальных домов заставлял рабочих «убегать из новых каменных домов во временные бараки к строителям»². Подобного рода недостатки и недоделки фигурируют в документах, исходящих как от профсоюзов, так и от партийных органов. Эти недоделки по мере возможности старались исправлять, выделяли субсидии на ремонт.

В то же время имелись и тенденции иной направленности, связанные как с нехваткой средств на социальную и коммунальную сферы, так и с особенностями формирования населения сибирских городов. Население новых и старых городов Западной Сибири в указанный период формировалось в значительной степени за счет мигрантов из сельской местности. С 1926 по 1937 г. численность городского населения Западной Сибири увеличилась на 72,2 %. Причем, среди вновь прибывших в города доля выходцев из сельской местности составляла 68,5 % [4, с. 95]. В начале указанного периода в отдельных районах края темпы миграционного прироста численности городского населения были еще более высокими: с декабря 1926 г. по январь 1931 г. численность городского населения Кузнецкого каменноугольного бассейна увеличилась на 162 % [5, с. VIII]. Таким образом, среди населения сибирских городов в 1930-е гг. существенную часть составляли носители традиционных норм жизни.

Обилие сельских мигрантов в совокупности с отставанием темпов создания городской инфраструктуры оказывало влияние на формирование городского пространства. В городах сложилась практика самовольного строительства жилья (в обиходе того времени – «самострой»). Эта практика рассматривалась в качестве значительной проблемы в партийных органах края. В докладной записке о мероприятиях по развитию жилищно-коммунального и социально-бытового строительства в г. Сталинске (Новокузнецке) в 1932 г., поступившей на имя Р.И. Эйхе, «самостроям» была дана следующая характеристика: «Земляночный сектор, обложивший 10 тысячным кольцом дерновых халуп с населением в 50–70 тыс. человек, Соцгород и площадку комбината, выросший за год на 50 %, настолько крупное социально-политическое явление, что игнорирование его, которое характерно для данного момента, дальше не терпимо»³.

Несмотря на стремление партийных и хозяйственных органов ликвидировать самовольную застройку, она сохранялась и к концу 1930-х гг. Примечательно, что к борьбе с этим явлением подключились и сами жители, проживав-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 627. Оп.1. Д.1069 «а». Л. 59, 60.

² Там же. Л. 66.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 384. Л. 58.

шие в непосредственной близости с самовольно возведенными «кварталами». В мае 1937 г. один из жителей г. Омска жаловался в редакцию газеты «Омская Правда» на появившийся недалеко от центра города «самострой»⁴. В июле того же года в редакцию газеты вновь поступило письмо со схожей жалобой, которое было переправлено из редакции в городской совет Омска. После обследования «самостроя» техником жилфонда и инспектором горсовет передал дело в народный суд⁵.

Партийные органы и рядовые городские жители расматривали кварталы самовольно возведенного жилья как источник потенциальной угрозы городу и его жителям. Так, автор упомянутого выше письма в газету прямо указывал на опасность распространения пожаров, антисанитарию и наличие «непрописанного темного элемента», т. е. угрозу криминального характера⁶.

Одновременно с ликвидацией самовольно возведенных индивидуальных жилых построек в городах велась работа по строительству капитальных индивидуальных домов, изначально не предусмотренных генеральными планами. На постройку и приобретение индивидуальных домов горожанам выделялись денежные средства и строительные материалы. К примеру, в Сталинске (Новокузнецке) в 1935 г. ФЗК металлургического комбината добился выделения рабочим кредита в 50 тыс. руб. на покупку индивидуальных домов, а также материалов для ремонта уже имеющихся⁷. В целом в городах Сибири доля индивидуальной жилой застройки составляла на 1931 г. 72,8 % от всего жилого фонда. К концу 1930-х гг. доля индивидуальной застройки в общем объеме прироста жилплощади хотя и снизилась до 40–50 % [6, с. 75], но фактически индивидуальный сектор составлял значительную часть городского жилого фонда. Показательны данные по отдельным городам региона. В Кемерове 76 % всего жилищного фонда составляли избы крестьянского типа и землянки, в Ленинске-Кузнецком на каменные капитальные строения приходилось лишь 7 % всего городского фонда [7, с. 13].

Значительная доля на территории городов индивидуальных домов с усадьбами, в совокупности с проблемами в снабжении городских жителей продуктами питания, возрождала в промышленных городах еще один элемент сельского пространства и сельского образа жизни. Горожане, проживавшие в индивидуальных домах, имели возможность содержать подсобное хозяйство. В материалах обследований жилищ и опросов рабочих-ударников содержатся сведения о наличии при частных домах огородов, возделываемых на них культурах, содержании в хозяйстве скота. Набор возделываемых культур не был велик и включал культуры (картофель, морковь, капуста), не требующие особых энергозатрат при их возделывании, что было существенно в условиях складывавшегося городского образа жизни. Однако и этот скудный набор, по оценкам самих жителей, существенно дополнял «продовольственную корзину» семьи⁸.

Роль огородничества в пополнении продовольственных запасов была оценена не только на низовом уровне, но и руководством страны. В начале 1930-х гг. была организована работа по развертыванию индивидуального рабочего огородничества, затронувшая не только жильцов индивидуальных усадеб, но и граждан, проживавших в бараках и капитальных городских домах. Постановлением СНК от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального рабочего огородничества» был установлен план по охвату индивидуальным огородничеством в Западно-Сибирском крае – 100 тыс. рабочих семей. По данным на 1 апреля 1934 г. план был перевыполнен – профсоюзные организации привлекли к участию в программе 167 167 семей⁹ (в данном случае были учтены только пригородные огороды, приусадебные хозяйства горожан в эту статистику не попали, вероятно, потому, что создание приусадебных хозяйств было инициативой самих граждан, а не результатом деятельности профкомов).

К 1935 г. по сведениям, указанным в докладной записке Краевого совета профессиональных союзов в Крайком ВКП(б), 35–40 % всех рабочих Западно-Сибирского края имели свои огороды, а в промышленных районах эта цифра достигала 55–60 %. Автор записки подчеркивал, что индивидуальное огородничество становится «крупным хозяйственным фактором, с одной стороны, и мощным источником улучшения материально-бытового положения трудящихся – с другой»¹⁰. Другой докладчик отмечал побочный эффект развития подсобных хозяйств – благотворное влияние на уменьшение текучести кадров¹¹.

По степени влияния на повседневную жизнь стоит различать два типа огородничества, существовавших в городах Западной Сибири. Горожане, обрабатывавшие пригородные огороды, соприкасались с элементами сельского образа жизни на поверхности. После работ на таком огороде люди возвращались в городскую квартиру или барак и в любой момент могли отказаться от своего надела. Члены городских семей, имевших приусадебное хозяйство, уделяли хозяйственным заботам значительное количество свободного времени. Такая включенность способствовала не только консервации крестьянских представлений об укладе жизни у старших поколений, но и передаче этих представлений и навыков сельской жизни поколению людей, родившемуся уже в городской черте.

В местной периодической печати можно найти интересное сочетание деклараций создания нового города с фиксацией рудиментарных элементов. Автор статьи о городе Прокопьевске «Жемчужина Кузбасса» в журнале «Профработник» воспроизводит один из принципов социалистического города: «Мощные дома необходимы в социалистическом городе, – никаких куриных избышек!...» [8, с. 32]. Вместе с тем, в том же номере журнала другой автор в статье «Прокопьевск стал иным» [9, с. 27–29], начав повествование с достижений в сфере благоустройства города и описания жизни ударников, получивших квартиры в капитальных городских домах, заканчивает статью указанием цифр об уве-

⁴ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 799. Л. 611–612.

⁵ Там же. Л. 336–342.

⁶ Там же. Л. 611–612.

⁷ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1136 «а». Л. 116 об.

⁸ Там же. Д. 1120. Л. 131, 137, 149, 154–156,

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 467. Л. 268.

¹⁰ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1136 а. Л. 43.

¹¹ Там же. Л. 117.

личении посевных площадей и разведении кроликов и крупного рогатого скота.

Обобщая процессы, протекавшие в городских поселениях Западной Сибири в период первых пятилеток, можно констатировать, что образ жизни горожан как система форм жизнедеятельности объединял новые и старые элементы. На процесс формирования городского пространства значительное влияние оказывали элементы традиционного сельского уклада жизни. Наличие и консервация этих элементов выпадали из логики модернизационных процессов, но оказывали влияние на социально-экономическую сферу и образ жизни значительной части городского населения. В результате спутником модернизации и урбанизации в Западной Сибири стал процесс «рурализации» или «одеревенщивания» городов [10, с. 100].

По замыслу руководства страны, формирование городского пространства в 1930-е гг. должно было носить плановый характер и включать в себя так называемые социальные элементы. В реальной жизни помимо плановой составляющей в формирующееся городское пространство включались инородные для индустриального города элементы организации социальной среды: одни из них были характерны для сельского образа жизни и привнесены в город бывшими селянами, другие не имели до того времени аналогов ни в сельской, ни в городской культуре и стали порождением бурного роста городов.

Мигранты, осевшие в городах Западной Сибири, старались адаптироваться к формирующейся среде и условиям жизни, используя привычные способы жизнедеятельности. В свою очередь, власти как на региональном, так и на общегосударственном уровнях, для решения задач модернизации экономики и общества стремились не только стимулировать воздействие модернизационных факторов, но и взять под контроль «хаотичные» проявления традиционных элементов, встроить элементы традиционного уклада жизни в пространство формирующегося индустриального города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исаев В.И.* Изменения социальной сферы в городах Западной Сибири в период форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х – конец 1930-х гг.) // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 246–265.

2. *Сабсович Л.М.* Социалистические города. М., 1930. 124 с.

3. *Милютин Н.А.* Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л., 1930. 85 с.

4. *Население Западной Сибири в XX в.* / под ред. Н.Я. Гущина, В.А. Исупова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.

5. *Солоницин Н.* Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс. Результаты переписи городского населения. 1931 г. Новосибирск, 1931. С. V–XVIII.

6. *Букин С.С., Исаев В.И.* Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е годы). Новосибирск: Параллель, 2009. 198 с.

7. *Ефимкин М.М.* Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации населения Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 3–45.

8. *Николаев К.* Жемчужина Кузбасса // Профработник. 1934. № 1. С. 30–34.

9. *Гречица И.В., Мицихин В.Л.* Прокопьевск стал иным // Профработник. № 1. 1934. С. 26–29.

10. *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 2010. 433 с.

REFERENCES

1. *Isaev V.I.* Changes in social sector in the cities of Western Siberia in the period of accelerated industrialization (the second half of 1920 - the end of the 1930s.). *Regional'nye aspekty civilizatsionnogo razvitiya rossijskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii.* Novosibirsk: Parallel, 2013, pp. 246–265 (In Russ.)

2. *Sabsovitch L.M.* Socialist Cities. Moscow, 1930, 124 p. (In Russ.)

3. *Milutin N.A.* Sotsgorod. Problem of construction of socialist cities. Moscow; Leningrad, 1930, 85 p. (In Russ.)

4. *The population of Western Siberia in the XX century* / ed. N.Ja. Gushhin, V.A. Isupov. Novosibirsk: SB RAS, 1997, 170 p. (In Russ.)

5. *Solonicin N.* Dynamics of the number and the social composition of the population of cities of Kuzbass. *Kuzbass. Rezul'taty perepisi gorodskogo naselenija.* 1931 g. Novosibirsk, 1931, pp. V–XVIII (In Russ.)

6. *Bukin S.S., Isaev V.I.* Housing problem in cities in Siberia (1920s–1960s). Novosibirsk: Parallel, 2009, 198 p. (In Russ.)

7. *Yefimkin M.M.* Housing factor in the process of industrial adaptation of the population of Siberia in the XX–XXI centuries. *Opyt resheniya zhilishhnoy problemy v gorodakh Sibiri v XX – nachale XXI vv.* Novosibirsk: Parallel, 2008, pp. 3–45 (In Russ.)

8. *Nikolaev K.* Pearl of Kuzbass. *Profrobotnik.* 1934, no. 1, pp. 30–34 (In Russ.)

9. *Grechitsa I.V., Mischihin V.L.* Prokopievsk became another town. *Profrobotnik.* 1934, no. 1, pp. 26–29 (In Russ.)

10. *Vishnevsky A.G.* Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR. Moscow, 2010. 433 p.

Статья принята
редакцией 04.11.2015

DOI: 10.15372/HSS20150421
УДК 94(47)''1920/1935''

А.А. ПЛЯСУЛЯ

УПРАВЛЕНИЕ СОВХОЗАМИ СИБИРИ В 1920-е – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.*

Антон Александрович Плясуля,
аспирант,
Институт истории ИИ СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: anto252@rambler.ru

В статье предпринята попытка реконструировать становление и развитие советской системы управления совхозами в Сибири в 1920-е – середине 1930-х гг. Показано, что данная система отличалась многоступенчатостью, параллелизмом и перманентными преобразованиями. Эффективность совхозов, по мнению руководства страны, была низкой, и оптимизация системы управления должна была ее увеличить. Вновь созданные управленческие структуры кардинально ситуацию не меняли, в связи с чем следовала очередная перестройка.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, нэп, коллективизация, сельское хозяйство, совхозы, система управления, земельные органы, тресты, Сибирь.

A. A. PLASULA

STATE FARM MANAGEMENT IN SIBERIA IN THE 1920s – MID 1930s

Anton A. Plasula,
postgraduate,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: anto252@rambler.ru

During the civil war the state agricultural enterprises were subordinate to the independent provincial directorates of state farms. In 1920 these directorates were transferred to the jurisdiction of local agrarian authorities. During the NEP period large state farms were incorporated into the regional trusts. The transition to collectivization was marked by the intensive state-farm construction. Regional trusts were abolished. State farms were merged into specialized trusts. Management of trusts was transferred to the Narkomat of Agriculture of the Soviet Union established at the end of 1929. The system of state farm management was radically changed in late 1932. Trusts of state farms were transferred from Narkomat of Agriculture to the newly created Narkomat of State Farms. This was by no means the end of reforms. The country's leadership referred to the poor performance of state farms and hoped to raise it through optimization of management. The newly created administrative structures didn't radically change the situation, therefore, the next reorganization followed. The end of 1935 was marked by abolition of the state-farm trusts that were considered as inefficient administrative structures. Each state farm was transferred directly to the Narkomat of State farms of the Soviet Union which also could not provide the day-to-day management of numerous state farms located across the vast territory. Therefore, in 1936 Narkomats of State Farms were established in each republic which was followed by re-establishment of the large specialized trusts.

Key words: the agrarian policy of the Soviet state, NEP, collectivization, agriculture, state farms, system of management, land authorities, trusts, Siberia.

С момента прихода к власти в 1917 г. большевики стремились к организации в деревне крупных коллективных хозяйств, а также совхозов – «крупных социалистических экономий». При этом совхозы признавались более совершенным (последовательно-социалистическим) типом сельхозпред-

приятия. Система управления совхозами с момента ее становления имела вертикальную иерархическую структуру с жесткой соподчиненностью. Высшей инстанцией, в ведении которой находилось сельское хозяйство вообще и совхозы в частности, являлся Наркомат земледелия РСФСР. Вопросами совхозного строительства в Наркомземе первоначально ведал подотдел культурных имений отдела текущей земельной политики. В середине 1918 г. он был пере-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00100.

именован в подотдел советских хозяйств и включен в отдел обобществления. На местах для непосредственного управления государственными сельхозпредприятиями создавались губернские и районные (фактически уездные) управления социалистическими хозяйствами, которым подчинялись хозяйства, находящиеся в ведении Наркомзема РСФСР, горсоветов, а также совхозы, приписанные к промышленным объединениям [1, с. 504, 505].

Губсовхозы и райсовхозы до начала 1920 г. фактически существовали независимо как от местных земельных отделов, так и от губернских и уездных исполкомов и парткомов, подчиняясь непосредственно Центру. Ситуация изменилась в начале 1920 г., когда на основании предложений VIII Всероссийской партийной конференции и VII Всероссийского съезда советов губсовхозы и райсовхозы были включены в состав областных, губернских и уездных земельных отделов на правах их подотделов. В марте 1920 г. в качестве центрального всероссийского органа управления совхозами, осуществлявшего общее руководство, вместо подотдела советских хозяйств было создано Главное управление совхозов (Главсовхоз) Наркомзема РСФСР. В 1921 г. Главсовхоз сливается с управлением коллективов (Центроколхоз) в Главсовхозколхоз [1, с. 505, 511; 2, с. 65].

Становление системы управления совхозами в Сибири фактически началось после реставрации советской власти в регионе. В конце 1919 г. в Челябинске при Сибревкоме было учреждено представительство Наркомзема РСФСР, преобразованное затем в земельный отдел Сибревкома. 3 апреля 1920 г. при Сибземотделе был создан отдел обобществления, в который входило отделение совхозов¹. Параллельно с областным земельным отделом создавались губернские, а затем уездные земотделы, при которых учреждались отделения (подотделы) обобществления и советских хозяйств. В Омской губернии, где находилась половина всех совхозов Сибири, отделение совхозов существовало как самостоятельное губернское управление советскими хозяйствами. В Новониколаевском уезде секция «советских имений» входила в подотдел сельского хозяйства².

В 1920 – 1921 гг. содействие совхозному и колхозному строительству являлось одним из приоритетных направлений в деятельности земельных органов Сибири. По мере развертывания новой экономической политики основное внимание земорганов переносилось с колхозов и совхозов на обслуживание крестьянских хозяйств. При этом совхозы снимались с государственного финансирования и переводились на хозяйственный расчет. Значительная часть хозяйств, организованных в 1920 – начале 1921 г. была ликвидирована вследствие их убыточности.

Изменялась система управления совхозным строительством. Ранее самостоятельные центральное, губернские и уездные управления совхозов и колхозов включаются в управления (отделы) земледелия (сельского хозяйства) в качестве структурных единиц. В декабре 1921 гг. Главсовхозколхоз Наркомзема РСФСР вошел в состав Централь-

ного управления земледелия и советских хозяйств³. В марте 1922 г. из Сибземотдела самостоятельный отдел обобществления был переведен в управление сельского хозяйства на правах отдела советских и коллективных хозяйств. В августе 1922 г. Сибземотдел был преобразован в областное земельное управление. Во второй половине 1922 г. входящий в отдел обобществления подотдел коллективных хозяйств был ликвидирован с соответствующим изменением названия отдела в отдел совхозов⁴.

С января 1922 г. крупные совхозы начинают объединяться в сельскохозяйственные тресты – областные и губернские, которые вели свою работу на основе полного хозяйственного расчета и подчинялись губернским земельным органам лишь в общих вопросах. Летом 1922 г. был создан Всероссийский государственный сельскохозяйственный синдикат (Госсельсиндикат), координирующий на договорных началах хозяйственную, производственную, финансовую и торговую деятельность местных сельтрестов. Процесс трестирования совхозов в основном закончился к 1924 г. [1, с. 515]. С образованием трестов были ликвидированы отделы (подотделы) совхозов земельных органов. Во второй половине 1920-х гг. стали создаваться общесоюзные объединения совхозов. Одним из первых (в 1926 г.) было учреждено Всесоюзное акционерное общество (ВАО) «Овцевод». Помимо крупных трестированных хозяйств в годы нэпа продолжало функционировать большое количество совхозов, которые подчинялись губернским (окружным) и областным/краевым земорганам, другим ведомствам или были приписаны к синдикатам и промышленным трестам.

В Сибири в 1922 г. был создан подведомственный Сибирскому земельному управлению Сибирский сельскохозяйственный трест, в который входило 16 совхозов⁵. Затем из него выделился Омский сельскохозяйственный трест. Основной специализацией «Сибсельтреста» являлось меринское овцеводство, а специализацией «Омсельтреста» – производство чистосортных семян зерновых культур⁶. В 1926 г. хозяйства «Сибсельтреста» передали в ведение сибирской краевой конторы ВАО «Овцевод»⁷. В 1928 г. В Сибирском крае функционировал 61 совхоз, причем 16 были крупными трестированными хозяйствами⁸.

В конце 1920-х гг. направленность аграрной политики правящей партии резко меняется. Состоявшийся в конце 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял курс на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Важная роль в реализации этого курса отводилась совхозам, которые должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалисти-

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 18. Д. 68. Л. 38 – 43.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 816. Л. 53; Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 950. Л. 150–150 об.

⁵ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 746. Л. 9.

⁶ В середине 1926 г. в «Сибсельтрест» входило 4 совхоза, в Омсельтрест – 14 хозяйств (Там же. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 77. Л. 85).

⁷ Там же. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.

⁸ 11 трестированных совхозов находились в ведении «Сибсельтреста», 5 – «Овцевода», одно свекловичное хозяйство, а именно торгово-промышленного объединения «Сахаротрест». К концу 1929 г. число трестированных совхозов в регионе увеличилось до 32 (17 «Госсельтреста», 8 «Овцевода», 6 «Зернотреста», 1 «Сахаротреста» [3, с. 237–238, 241].

¹ Государственный архив Новосибирской обл. (ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 682. Л. 2.

² Там же. Д. 59. Л. 28; Д. 135. Л. 81–81 об.

ческого типа», доказывая на деле крестьянам близлежащих селений преимущества крупного общественного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств.

На июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) было признано необходимым ускоренное развитие прежде всего зерновых совхозов с тем, чтобы к концу первой пятилетки последние могли произвести 100 млн пуд. хлеба и заменить собой кулаков в производстве зерна [4, с. 354]. Зерновые хозяйства объединяются во Всесоюзный трест зерновых совхозов «Зернотрест». В Сибирском крае управление уполномоченного «Зернотреста» было создано в сентябре 1928 г.⁹ Зимой 1928/29 г. в регионе развернулось строительство шести крупных зерносовхозов.

В августе 1929 г. с целью централизации управления совхозными трестами был ликвидирован Госсельсиндикат и учрежден Совхозцентр (Всероссийское центральное объединение трестированных советских хозяйств)¹⁰. В его задачи входило административно-хозяйственное и плано-оперативное руководство совхозтрестами, налаживание снабжения и сбыта, организация нового совхозного строительства. Система Совхозцентра включала в себя все трестированные совхозы РСФСР, за исключением хозяйств общесоюзного значения, принадлежащих «Зернотресту» и «Овцеводу».

7 декабря 1929 г. был организован Народный комиссариат земледелия СССР с сохранением ранее существовавших наркомземов союзных республик. Целью нового наркомата провозглашалось «внесение единства в планирование и руководство сельскохозяйственным производством в масштабах СССР» [2, с. 140–41]. В его ведение перешли все крупнейшие объединения совхозов, в том числе Совхозцентр РСФСР.

В начале 1930-х гг. одновременно с коллективизацией развернулось интенсивное совхозное строительство. При этом ставка была сделана на дальнейшую специализацию совхозной системы. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 20 апреля 1930 г. Совхозцентр РСФСР, а также вся система соответствующих трестов, включая «Сибсельсовхозтрест», были ликвидированы¹¹. Их совхозы передавались вновь организованным трестам республиканского и союзного значения, в том числе имевшим свою сеть предприятий в Сибири: Всесоюзному государственному объединению мясных совхозов («Скотовод»), Всесоюзному молочно-масляному тресту совхозов («Маслотрест»), Всесоюзному государственному тресту свиноводческих совхозов («Свиноводтрест»), Всесоюзному тресту льноводческих и коноплеводческих совхозов («Льноконоплеводтрест»), Всесоюзному государственному объединению коневодческих и конезаводческих совхозов («Госконеводтрест»). В регионе учреждались конторы центральных трестов во главе с уполномоченными, причем уполномоченные назначались правлениями трестов и имели аппарат управления. Разделение Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края в конце июля 1930 г. привело к соответствующему переформлению

контор совхозных трестов в новые административно-территориальные рамки¹².

В июне 1931 г. конторы управляющих всесоюзных совхозных трестов были реорганизованы в их региональные (краевые) отделения¹³. В декабре 1931 г. в целях укрепления регионального уровня управления совхозная система была децентрализована. Общесоюзные тресты преобразовывались в общесоюзные объединения трестов с сетью соответствующих республиканских, краевых и областных трестов. В Западно-Сибирском крае были организованы союзные тресты зерновых, мясных, молочно-масляных, овцеводческих и свиноводческих совхозов («Запсибсоюззернотрест», «Запсибсоюзскотоводтрест», «Запсибсоюзмаслотрест», «Запсибсоюзсвиноводтрест», «Запсибсоюзовцеводтрест»)¹⁴.

Результатом интенсивного совхозного строительства в начале 1930-х гг. стало значительное увеличение удельного веса совхозов в сельскохозяйственном производстве. С 1929 по 1932 г. в Западно-Сибирском крае доля совхозного сектора аграрной экономики в площади посевов увеличилась с 0,7 до 18,7 %, в поголовье крупного рогатого скота – с 0,1 до 16,1 %, численности овец – с 1,4 до 14,8 %, свиней – с 0,2 до 16,5 %¹⁵. Однако совхозы не оправдали возложенных на них ожиданий. Производительность труда в них была относительно низкой. В хозяйствах не соблюдались элементарные агротехнические и зоотехнические правила, что негативно сказывалось на урожайности полевых культур и продуктивности животных. Производственные планы систематически не выполнялись. При этом себестоимость производства сельскохозяйственной продукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство тратило значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. В связи с этим программу расширения совхозной сети свернули, а основное внимание направили на ее рационализацию и оптимизацию. Часть низкоэффективных совхозов была ликвидирована, часть – разукрупнена. Из узкоспециализированных хозяйств они преобразовывались в многоотраслевые.

Продолжалась оптимизация системы управления. В связи со сложностью управления громоздким хозяйством «Запсибсоюзмаслотреста» из одного центра и необходимостью повышения оперативности управления (в начале 1932 г. в него входило 58 совхозов) трест приказом по Союзмаслообъединению от 31 мая 1932 г. был разукрупнен на семь союзных маслотрестов: Тюкалинский, Омский, Сибиро-Татарский, Барабинский, Кузбасский, Горно-Алтайский и Новосибирский. В целях координации работы маслотрестов края с краевыми органами власти было организовано Западно-Сибирское от-

¹² Соответственно были образованы Западно-Сибирские и Восточно-Сибирские крайконторы «Зернотреста», «Скотоводтреста», «Свиноводтреста», «Овцеводтреста», «Госконеводтреста». Крайконтора «Маслотреста» функционировала только в Западно-Сибирском крае.

¹³ ГАНО. Ф. Р-375. Оп. 1. Предисловие. С. 3.

¹⁴ Там же. Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. С. 1.; Ф. Р-359. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; Ф. Р-358. Оп. 1. Предисловие. С. 4; Ф. Р-285. Оп. 1. Предисловие. С. 9.

¹⁵ Там же. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 529. Л. 23.

⁹ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ СУ РСФСР. 1929. № 63. Ст. 624.

¹¹ Там же. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 8. Л. 110–112

деление Союзмаслообъединения. Руководство его работой осуществлял управляющий отделением¹⁶.

Осенью 1932 г. последовало разукрупнение «Запсибсоюзскотководтреста» (39 хозяйств) на Новосибирский и Минусинский, в январе 1933 г. – «Запсибсоюзсвиноводтреста» (37 свиновозов) на Омский, Кузбасский и Новосибирский. В январе 1933 г. Новосибирский скотководтрест был расформирован с передачей ранее входивших в него совхозов Новосибирскому, Кузбасскому, Татарскому и Горно-Алтайскому трестам. В январе 1934 г. «Запсибсоюззернотрест» (31 зерносовхоз) разделили на два самостоятельных треста – Новосибирский и Омский¹⁷.

В октябре 1932 г. в СССР была проведена перестройка системы управления сельским хозяйством. 1 октября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление о передаче ранее подчиненных Наркомату земледелия СССР трестов зерновых и животноводческих совхозов под управление созданного тем же постановлением Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР¹⁸.

Входившие в систему НКЗ СССР объединения совхозов реорганизовывались в управления Наркомата совхозов. Деятельностью совхозов на территории РСФСР руководило Управление уполномоченного Наркомата совхозов СССР при СНК РСФСР. Управления уполномоченных Наркомата создавались также в краях и областях, в том числе в Западно-Сибирском крае [1, с. 525]. При этом было ликвидировано Западно-Сибирское отделение Союзмаслообъединения¹⁹.

На основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 22 апреля 1934 г. была проведена реорганизация Наркомата совхозов и его местных органов²⁰. Институт уполномоченных Наркомсовхозов при краевых и областных исполкомах упразднялся как излишнее промежуточное управленческое звено. Эта реорганизация усиливала роль трестов, сближая их с Наркоматом, вместе с тем значительно расширяя права и обязанности местных исполкомов по отношению к совхозам на их территории.

В конце 1935 г. «плохой передаточной инстанцией» были признаны, а затем ликвидированы совхозные тресты. Управление совхозами передавалось в непосредственное ведение Наркомата совхозов. Главные управления Наркомата реорганизовывались в производственно-территориальные

¹⁶ Там же. Ф. Р-357. Оп. 2. Д. 19. Л. 179-180; д. 12. Л. 177, 179-181.

¹⁷ Там же. Ф. Р-285. Оп. 1. Д. 264. Л. 1; Д. 520. Л. 1; Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. С. 15.

¹⁸ На 1 января 1933 г. в Сибири в целом Наркомату совхозов подчинялись 36 зерновых, 210 мясомолочных, 53 свиноводческих, 23 овцеводческих совхозов. Помимо хозяйств, входящих в систему Наркомсовхозов, в регионе функционировали более мелкие совхозы, подчиненные другим ведомствам. В начале 1933 г. в Сибири насчитывалось 8 семеноводческих, 5 льноводческих, 5 коневодческих совхозов НКЗ СССР, 9 свекловичных и 1 махорочный совхозов Наркомпищепрома. Государственный сектор в аграрном производстве был также представлен подсобными сельхозпредприятиями отделов рабочего снабжения (ОРСов). В начале 1934 г. в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях насчитывалось соответственно 145 и 81 подсобное хозяйство ОРСов [5, с. 511, 536-537].

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.

²⁰ СЗ СССР. 1934. № 21. Ст. 167.

управления, которые осуществляли непосредственное руководство совхозами, отнесенными в их ведение²¹.

Однако обеспечить оперативное управление большим количеством хозяйств разбросанных на огромной территории союзному Наркомату не удалось. Поэтому в 1936 г. были образованы республиканские наркоматы, в том числе 19 октября 1936 г. Наркомат зерновых и животноводческих совхозов РСФСР. Управление хозяйствами, оставшимися в подчинении союзного Наркомата, осуществлялось его специализированными управлениями. Для руководства совхозами Наркомата совхозов РСФСР были созданы краевые и областные управления. В конце года принимается решение о воссоздании в рамках Наркомсовхозов СССР крупных специализированных трестов. В Западно-Сибирском крае были, в частности, организованы Новосибирский союзмолтрест и Алтайский зернотрест. Отдельные хозяйства остались в ведении главных управлений Наркомсовхозов СССР²².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР 1917–1936 гг. М., 1962. 750 с.
2. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. 422 с.
3. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму: социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг. Новосибирск, 1973. 520 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. 575 с.
5. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание /отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2011. 608 с.

REFERENCES

1. Nelidov A.A. The History of public institutions of the USSR 1917–1936. Moscow, 1962, 750 p. (In Russ.)
2. Korichina T.P. The Soviet State and Its Institutions: November 1917 – December 1991. Moscow, 1995, 422 p. (In Russ.)
3. Guschin N.Ya. Siberian village on the road to socialism: Socio-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937. Novosibirsk, 1973, 520 p. (In Russ.)
4. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Moscow, 1984, vol. 4, 575 p. (In Russ.)
5. Agrarian policy of the Soviet state and agriculture of Siberia in the 1930s: a documentary-monographic publication / edited by V.A. Ilyinykh, O.K. Causevic. Novosibirsk, 2011, 608 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.11.2015

²¹ Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933—1937гг.). Новосибирск, 1939. С. 67.

²² Там же.

ANTONI KUCZYŃSKI. *Syberia. 400 lat Polskiej diaspory. (Wrocław: Wydawnictwo "Kubajak", 2015. 694 с.: ил.)*

Во Wrocławском издательстве "Kubajak" (Республика Польша) в 2015 г. вышло в свет третье издание знаменитой книги польского историка Антония Кучиньского. Первое и второе издания были опубликованы в 1993 и 2007 гг. соответственно. Переиздание книги, вокруг которой сложилась «школа Кучиньского», само по себе примечательно.

Историческая культурная антропология – так определяет род своих занятий и сферу научных интересов профессор Кучиньский. В представленной работе обращает на себя внимание введение, где автор стремится пояснить читателям суть методологической концепции своего исследования. Он – патриот своей родины. Во вступлении к третьему изданию Кучиньский так поясняет свой авторский замысел: если немцы полагают, что их вклад в историю и культуру поляков велик, то вклад поляков в историю и культуру края за Уралом не меньше (с. 5–6). Кучиньский акцентирует внимание читателя на этом теоретическом посыле в самом начале книги (с. 8–9) и развивает мысль далее, в части первой, именуемой «Судьбы повстанцев». Цивилизационный подход реализуется автором книги «Сибирь. 400 лет польской диаспоры» через описание давних (от участия в экспедиции Семена Аникеевича Строганова, призвавшего Ермака для похода в Сибирь) культурных контактов между поляками и народами, населявшими сибирские земли.

Выходу в свет известной «Сибири» предшествовали монографии Кучиньского «Сибирские тропы» (Вrocław, 1972) и «Люди далекие и близкие» (Вrocław, 1989). Содержание этих двух книг представляет собой свидетельство верности автора своей жизненной позиции, нежелание идти на поводу у политики. В сложные для Польши и СССР периоды международных отношений эти работы Кучиньского называли «мостиком» к взаимопониманию. Отказ от политической ангажированности стоил ученому карьеры: в защите диссертации во времена Польской Народной Республики ему было отказано (собственно, «Сибирские тропы», опубликованные в 1972 г., и есть текст диссертации). В 1960-е гг. А. Кучиньский, будучи аспирантом Wrocławского университета, работал над темой польско-сибирских связей в контексте польского научного наследия в области культуры автохтонных этносов Сибири. Требование изменить тему в контексте «польско-русских революционных связей» было им отвергнуто. Ключевая идея, сформулированная молодым аспирантом Кучиньским, была реализована им во всех последующих работах. Кратко описать ее можно таким образом: Сибирь – это не только место каторги. После каторжных работ ссыльные и заключенные не всегда возвращались на родину. Они занимались предпринимательством, создавали бизнес в сфере услуг, преподавали музыку, участвовали в научных экспедициях по изучению Восточной Сибири, а некоторые трудоустроивались и в царской администрации. Многие ехали в Тобольск и Томск, Иркутск и Владивосток добровольно, стремясь реализовать профес-

сиональные навыки, сделать карьеру, между тем как другие поляки, их современники, отправлялись на поиски счастья в Америку и Бразилию.

На лицевую обложку третьего издания помещен портрет святого Рафаила Калиновского¹, частицы мощей которого покоятся в тюменском католическом храме св. Иосифа Обручника и в иркутском католическом соборе Непорочного Сердца Божьей Матери. На оборотной стороне обложки дан портрет автора – профессора Wrocławского университета Антония Кучиньского (защита диссертации состоялась в 1992 г.).

Третье издание отличается от двух первых не только объемом (694 с. против 435 с. во втором издании), но и жанровой многоплановостью. Книга состоит из трех частей. Первая часть «Судьбы повстанцев» представляет собой классическое монографическое исследование. Добросовестный польский историк не оставил без внимания ни участников походов Стефана Батория, ни барских конфедератов, ни костюшковцев, ни даже легендарно-одиозную фигуру Мауритца Беневского (с. 69). Вместе с тем, при написании «Судеб повстанцев» Кучиньский обращался к работам «Сибирь и каторга» С.В. Максимова, «Открытие Сибири» А.П. Окладникова и др. Самые яркие страницы посвящены тобольскому губернатору польского происхождения – Александру Ивановичу Деспот-Зеновичу (с. 110–112). Завершается первая часть книги революционными событиями в России 1917 г., Гражданской войной и формированием в Сибири 5-й польской стрелковой дивизии (с. 113–124), соглашением Сикорского-Майского (с. 131–132).

Архитектура книги не является классической и традиционной для восприятия российского читателя. «Антология» – так называется вторая часть исследования Кучиньского – понимается автором не как литературный жанр, но как публикация фрагментов исторических источников, что придает тексту работы в новом издании элементы оригинальности. Тексты антологии расположены друг за другом в хронологической последовательности описываемых событий и подобраны таким образом, чтобы наполнить повествование фактологическим, иллюстративным и эмоциональным содержанием. Предмет составленной автором антологии – описание Сибири в воспоминаниях современников, а именно лиц, так или иначе соприкоснувшихся с сибирской действительностью и либо оставивших мемуары, либо передавших свои семейные архивы на хранение в библиотеку Оссолинских². Достоинством авторского замыс-

¹ Рафаил (в миру Юзеф) Калиновский (1835–1907 гг.) – выпускник Инженерной академии в Петербурге, монах, священник ордена кармелитов (рукоположен в 1882 г.). За участие в восстании 1863–1864 гг. был сослан в Сибирь, отбывал ссылку в Усолье и в Иркутске (1865–1872 гг.). В 1907 г. умер от туберкулеза. День его памяти – 20 ноября. Почитается заступником в тяжелых и безнадежных ситуациях.

² Оссолинеум (Национальная библиотека им. Оссолинских) – Национальная библиотека Польши, основана в 1817 г. польским историком и библиографом Юзефом Максимилианом Оссолинским. Изначально она включала в себя польские печатные

ла является популяризация богатого мемуарного наследия «польских сибиряков». Здесь и известные широкому читателю записки Фаустина Цицерского (с. 152–162), Винченца Мигурского (с. 163–177), Агатона Гиллера (с. 223–231), Бронислава Пилсудского (с. 352–362). Менее известные, но не менее интересные, мемуары Станислава Крупского (с. 296–301) с красноречивым названием «Золотой интерес», заметки Феликса Зенкевича (с. 329–336) о пожаре в Иркутске, воспоминания Станислава Мартыновского (с. 397–404) «Разговор каторжника с царем Николаем II». Представленные в антологии тексты описывают дорогу в ссылку, природу сибирского края и людей, поиски золота, карьеристские планы, участие в военных формированиях, встречу с последним российским царем в последние дни его жизни.

Третья часть труда Антония Кучиньского подчеркивает цель исследования и именуется «Сберечь от забвения. Цивилизационный вклад поляков в развитие Сибири». Особое внимание автор обращает на поляков-томичей и иркутян. Большие города открывали большие перспективы. Флориан Оржешко и его сын Винцентий, Альфонс Козелло-Поклевский с сыновьями, Юлиуш Флек и Эдвард Пекарский, Вацлав Серошевский и Бенедикт Дыбовский – наиболее известные имена поляков, сделавших себя имя благодаря Сибири. Отдельные фрагменты или целые параграфы посвящены «людям польской элиты в Томске», участникам строительства

Транссибирской магистрали, польским врачам и ученым, фотографам и успешным фермерам.

Издание богато иллюстрировано, снабжено картами, указателем персоналий. Современные технические возможности, однако, сыграли недобрую шутку с автором и редактором книги. Так, на исторической карте с названием «Российская империя в XIX веке» (с. 26–27) крупным логистическим центром обозначен г. Новосибирск, которого, конечно, еще не существовало.

Отличительной чертой произведения «Сибирь. 400 лет польской диаспоры» является яркая индивидуальность, собственная исследовательская позиция автора. В «Послесловии» Гжегож Пелчинский отмечает: «Кучиньский благодаря своим исследованиям смог доказать, что поляк в Сибири – это не только человек страдавший, но также человек, который был способен к активной деятельности и построению неслыханной карьеры...» (с. 669).

Резюме к новому изданию сделал сам автор – историк из Вроцлава Антоний Кучиньский: «В суверенном государстве, каким сегодня является Польша, есть тенденция к повороту к Западу. Однако центр культурных исследований не уменьшил своего интереса к Сибири» (с. 15).

Канд. ист. наук *Татьяна Геннадьевна Недзельюк*,
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ (конференция, посвященная 85-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Покровского, Новосибирск, 18–20 июня 2015)

18–20 июня 2015 года в новосибирском Академгородке прошла Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии», посвященная 85-летию со дня рождения академика РАН Николая Николаевича Покровского (1930–2013). Конференция, подготовленная при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-14029), была организована Институтом истории СО РАН, где много лет работал выдающийся историк. Участники конференции представляли ведущие научные и образовательные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Томска, Новосибирска. Тема

издания и рукописи. На базе библиотеки был создан и функционировал в 1827–1939 гг. Национальный институт им. Оссолинских, включавший помимо библиотеки издательство и музей. Польское научно-исследовательское общество «Оссолинеум», созданное в институте, считало своей целью сохранение исторического и культурного наследия поляков; результатом деятельности научно-исследовательского общества и одноименной библиотеки явилось создание обширной коллекции мемуарного наследия поляков, в том числе «сибирских поляков».

тика докладов соответствовала широте и главным направлениям научных интересов Н.Н. Покровского. Работало две секции: «История православия и книжная культура» и «Проблемы историографии и источниковедения». Всего заслушано 47 докладов.

На открытии конференции с приветственным словом выступили директор Института истории СО РАН, д-р ист. наук, член-корреспондент РАН В.И. Ламин и доктор богословия, протоиерей о. Борис Пивоваров. Источниковедческому аспекту работ Н.Н. Покровского в области феодальной истории России был посвящен пленарный доклад д-ра ист. наук Е.Н. Швейковской (Москва). Она показала важную роль архивных источников, в частности, судебно-следственных материалов XVI–XVIII вв., в научном творчестве ученого. Ею было отмечено, что Н.Н. Покровский в своих трудах предвосхитил ряд методов и направлений современной мировой науки, среди которых – антропологический подход, изучение повседневной жизни человека Средневековья и др.

Большой интерес вызвал пленарный доклад д-ра ист. наук Н.Д. Зольниковой (Новосибирск), обратившей

ся к обширному эпистолярному наследию Н.Н. Покровского. Анализ писем коллег и друзей, среди которых были Д.С. Лихачев, С.О. Шмидт, Н.М. Дружинин, В.М. Панеях, Н.Я. Эйдельман, А.Х. Горфункель и другие знаменитые деятели науки и культуры, позволил не только высветить яркие грани незаурядной личности Н.Н. Покровского, но и уточнить некоторые страницы истории науки в России советского и постсоветского времени.

В пленарном докладе д-ра ист. наук А. В. Сиринова (Санкт-Петербург) были представлены неопубликованные материалы из архива К.Ф. Калайдовича. Изучение записей и рисунков, сделанных во время экспедиции 1814–1815 гг. во Владимир и Суздаль, свидетельствует о значительном вкладе известного русского историка в развитие отечественной археологии.

Изучению старообрядчества, одного из важных направлений в научной деятельности Н.Н. Покровского, были посвящены два пленарных доклада – д-ра филол. наук Е.М. Юхименко (Москва) и д-ра ист. наук Н.С. Гурьяновой (Новосибирск), а также несколько докладов на секции «История православия и книжная культура». О своем открытии утерянных прежде томов Четиих Миней, составленных в начале XVIII в. книжниками Выго-Лексинского общежития, и о результатах изучения их состава рассказала Е.М. Юхименко. В центре ее внимания – жития русских святых, вошедшие в состав Выговских Четиих Миней.

На материале рукописных полемических сборников начала XVIII в. Н.С. Гурьянова показала связь методов работы старообрядческих книжников с древнерусскими традициями. Она обратила внимание на то, как умело, сохраняя уважительное отношение к текстам предшественников, старообрядцы отстаивали собственную точку зрения. В докладе «Литературная культура выговских старообрядцев и Андрей Белобочкий» д-р филол. наук О.Д. Журавель (Новосибирск) привела аргументы, основанные на кодикологическом изучении ряда рукописей из фондов ГИМ, которые свидетельствуют о прямом влиянии Белобочкого, барочного поэта, ритора и философа, на формирование новой концепции старообрядческой проповеди.

Совместный доклад канд. филол. наук Л.В. Титовой (Новосибирск) и д-ра филол. наук Н.С. Демковой (Санкт-Петербург) был посвящен литературной истории Послания дьякона Федора старшему сыну Аввакума Иоанну о священстве и созданной на его основе компиляции, которая приписывается протопопу Аввакуму. Рассмотрены пути функционирования обоих сочинений в старообрядческой публицистике XVIII в.

Об уникальной традиции ведения дискуссии в старообрядческой среде рассказала канд. ист. наук М.В. Першина (Новосибирск). Основным материалом для анализа послужило специальное регламентирующее пособие, составленное в конце XIX века тюменским филипповским наставником Варсонофием Ивановичем Макаровым, в котором он представил цитатный материал для словесных поединков и в 26 статьях установил правила полемической беседы, длившейся порой на протяжении многих часов. Рукопись сочинения вошла в один из объемных «тюменских» сборников, полученных благодаря экспедициям археологов Института истории СО РАН.

Итогам новейших полевых исследований сектора археологии и источниковедения Института истории СО РАН был посвящен доклад канд. ист. наук Н.А. Старухина (Новосибирск). Он отметил, что приобретенные за последние годы книги и рукописи, включившие оригинальные старообрядческие произведения разных жанров, апокрифическую литературу, позволяют гораздо глубже рассматривать процессы, происходившие в одном из малоизученных направлений русского староверия – белокриницком («австрийском») согласии на рубеже XIX–XX вв.

В докладе д-ра ист. наук В.А. Есиповой (Томск) и канд. искусствоведения Т.Г. Казанцевой (Новосибирск) обсуждалась проблема изучения церковно-певческой единоверческой традиции на рубеже XIX–XX в. Рассматривалась певческая рукопись знаменно-линейной нотации из фондов Научной библиотеки ТГУ. Были выдвинуты две версии причин ее написания пермским «крестьянином» И.А. Лепихиным. Так, по одной из них, данная рукопись служила для изучения знаков знаменной нотации через современную пятилинейную.

В выступлении д-ра филол. наук М.С. Крутовой (Москва) речь шла о «Цветниках» в собрании книжника Д.В. Пересторонина, а также об особенностях именования популярных древнерусских сборников, называвшихся цветниками. О полевых исследованиях московских археологов в Бессарабии, о наиболее интересных находках последних сезонов, о составе библиотек старообрядцев, проживающих на территории Молдавии, сообщалось в докладе канд. ист. наук Ю.С. Белянкина (Москва). О новых книжных находках, связанных с библиотеками промышленников и государственных деятелей Строгановых, рассказала канд. ист. наук Н.А. Мудрова (Екатеринбург).

В ряде докладов говорилось о восприятии старообрядческого движения представителями других конфессий и социальных слоев. В докладе канд. ист. наук Н.Н. Бессоновой (Новосибирск) анализировался «официальный» образ старообрядчества, который создавался во второй половине XIX в. для читателей «толстых» журналов и гимназистов. О том, как в восприятии участника польского восстания Константина Боровского представлена жизнь старообрядцев д. Гуселетовой Ишимского у., рассказала канд. ист. наук Е.Н. Туманик (Новосибирск).

Интересы некоторых докладчиков были связаны с изучением истории Русской Православной Церкви. О гонениях на религию, о методах репрессий против духовенства и верующих в годы Большого террора, привлекая новые архивные источники, рассказал в пленарном докладе д-р ист. наук А.Г. Мосин (Екатеринбург). В докладе канд. ист. наук С.Г. Петрова (Новосибирск) «Петроградский священник М.В. Галкин в годы Первой мировой войны (по документам ЦГИА СПб)» представлена реконструкция преисполненной авантюризма биографии М.В. Галкина, который вошел в историю как ярчайший пример церковного ренегатства в XX в.

Важной частью работы конференции стали доклады медиевистов. Так, д-р филол. наук В.М. Лурье (Санкт-Петербург) познакомил с итогами изучения славянского корпуса псевдоэпиграфов, не известных по византийским источникам, и представил новый взгляд на их происхождение.

ние в свете Коптских фрагментов 2 («славянского») Еноха. Канд. филол. наук В.А. Ромодановская (Санкт-Петербург) в докладе ««Сивиллины пророчества» в Древней Руси и Западной Европе: К постановке вопроса» высказала предположение об общей для русской и европейской средневековых культур типологии словесного и графического изображения сивилл. Объектом ее изучения стали рукописи и старопечатные книги, а также храмовая живопись (европейские фрески и древнерусские иконы).

Записи Годуновских псалтырей конца XVI в. в докладе д-ра ист. наук А.С. Усачева (Москва) были рассмотрены как один из ранних источников распространения теории «Третьего Рима». Д-р филол. наук Л.И. Журова (Новосибирск) рассмотрела основные принципы систематизации авторских рукописных сводов первой половины XVI в.: «Провосветителя» Иосифа Волоцкого, «Соборника» митрополита Даниила и собраний сочинений Максима Грека. Сочинения Евфимия Чудовского в защиту православия послужили источником изучения особенностей полемической литературы в конце XVII века в докладе д-ра филол. наук Т.В. Панич (Новосибирск).

Большой интерес вызвал доклад канд. ист. наук В.И. Байдина (Екатеринбург) об итогах реконструкции «сибирского» этапа жизни Кириши Данилова, связанного с его пребыванием в Томске в 1731 г. и на Колывани в 1732–1734 гг. Источниками стали тексты Сборника Кириши, а также делопроизводственные материалы горнозаводских и сибирских воеводских канцелярий, приходно-расходные книги Колывано-Воскресенского завода, путевые записки Г.Ф. Миллера.

В ряде докладов говорилось о связях литературы Нового времени с древнерусскими и библейскими традициями: христианской символике огня в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» был посвящен доклад д-ра филол. наук Л.С. Соболевой (Екатеринбург), влиянию народной агнографии Русского Севера на творчество Ф.А. Абрамова – доклад канд. филол. наук М.Н. Климовой (Томск), библейским источникам пьесы «Бег» М. Булгакова – выступление канд. филол. наук Т.Н. Апсит (Новосибирск).

На секции «Проблемы историографии и источниковедения» канд. ист. наук Н.В. Соколова (Москва), основываясь на материалах мирской приходно-расходной документации и других источников «крестьянского» происхождения, осветила особенности взаимоотношений общины и крестьянского самоуправления в монастырских владениях Центра России в конце XVII – первой четверти XVIII в. Проблемам конфликтов представителей власти и сибирских народов в XVII в. был посвящен доклад доцента гуманитарного факультета НГУ А.А. Бродникова (Новосибирск).

А.Х. Элерт, д-р ист. наук (Новосибирск), охарактеризовал начальный этап археологического изучения Сибири участниками академических экспедиций XVIII в. Анализ источников позволил сделать вывод о том, что зарождение археологии как науки в России следует связывать с именами Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера и П.С. Пал-

ласа. Особое внимание А.Х. Элерт уделит теоретическим разработкам Г.Ф. Миллера.

Член-корр. РАН, д-р филол. наук А.Е. Аникин (Новосибирск) изложил результаты исследования работ известного лингвиста Е.А. Хелимского о самодийских языках. Как показал докладчик, Е.А. Хелимский, основываясь на данных Миллера, сумел сделать несколько крупных открытий по самодийским языкам, в числе которых описание старовосточного (юрацкого) диалекта ненецкого и тайгийского диалекта маторского языков, не сохранившихся до наших дней.

Путевые описания, составленные представителями вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции – студентами, переводчиками, геодезистами, проанализированы в докладе младшего научного сотрудника сектора археологии и источниковедения И.А. Шипилова как ценные источники этнографических, исторических, естественнонаучных сведений о сибирских регионах и коренном населении.

В докладе канд. филол. наук Д.В. Долгушина (Новосибирск) сделан археографический анализ конспектов занятий В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем по истории, географии и психологии. Доклад основан на неопубликованных архивных материалах из фондов В.А. Жуковского в РГАЛИ и РНБ.

В ряде докладов освещались разные стороны жизни сибирского общества в XVIII–XIX вв. Повседневная жизнь и круг интересов женщин из среды сибирского купечества в конце XVIII – первой половине XIX в. на материале переписки красноярских купцов Ларионовых стали предметом исследования канд. ист. наук Е.В. Комлевой (Новосибирск). Н.П. Матханова, д-р ист. наук (Новосибирск), рассказала о новом источнике – заметке об Алтайской духовной миссии известной путешественницы, писательницы, этнографа А.В. Потаниной – жены Г.Н. Потанина. И.Г. Адоньева, канд. ист. наук (Новосибирск), на основании мемуаров известных русских юристов – М.М. Ковалевского, А.Ф. Кони, Ф.Г. Тернера, Б.Н. Чичерина, И.И. Янжула – восстановила мотивы их сотрудничества в периодической печати.

На конференции были затронуты и вопросы российской истории XX в. Так, канд. ист. наук Т.И. Морозова (Новосибирск) исследовала новый источник по изучению социальной мобильности – личные листки по учету кадров 1920-х – 1930-х гг. В докладе д-ра ист. наук В.А. Ильиных (Новосибирск) определены причины обострения аграрного вопроса в СССР в начале 1960-х гг., осуществлена репрезентация проектов реформирования аграрного сектора, разработанных в середине 1960-х гг. Основное внимание уделено анализу концепции В.Г. Венжера.

Конференция показала актуальность изучения многих проблем отечественной истории, источниковедения и археологии, она стала значимым событием в научной жизни.

Д-р филол. наук О.Д. Журавель,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ (г. КРАСНОЯРСК, 1–3 ДЕКАБРЯ 2015 г.)

Среди проведенных в России в честь 70-летия Великой победы научных конференций особым форматом выделяется Сибирский исторический форум, состоявшийся в Красноярске. Это третий форум историков, в этом году он был посвящен теме «Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне. 1941–1945». Его организаторами выступили Администрация губернатора Красноярского края, Законодательное собрание и Архивное агентство Красноярского края, организационными партнерами – Сибирский федеральный университет, Красноярский педагогический государственный университет им. В.П. Астафьева, Красноярский краевой краеведческий музей, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края.

Форум, проводившийся как международное мероприятие, стал мощным имиджевым событием для Красноярского края, прежде всего для его научно-педагогической, просветительской, музейной и краеведческой общественности. С 25 ноября по 16 декабря в его рамках проводились лекции, мастер-классы, выставки и другие мероприятия на различных площадках города. Работу Форума активно освещали местные СМИ – газеты, радио, телевидение, Интернет-порталы. Без сомнения, он не приобрел бы такого масштаба, если бы в его организации, включая финансовую поддержку, не играли решающей роли краевые власти. Непосредственным организатором всех мероприятий Форума явилось Архивное агентство, безупречную работу которого нужно отметить особо.

Центральным событием Форума стала научная конференция, в которой приняли участие более 220 чел., в том числе ученые, преподаватели вузов и школ, архивисты, краеведы и музеологи из Красноярска, других городов и районов края, Москвы, Новосибирска, Барнаула, Абакана, Читы, Якутска. Зарубежные гости приехали из Эстонии и Польши.

Работа конференции была четко организована и проходила в новом современном здании – Библиотеке Сибирского федерального университета.

Во время открытия Форума были зачитаны приветствия от спикера Государственной Думы Федерального Собрания РФ С.Е. Нарышкина, министра культуры РФ В.Р. Мединского, губернатора Красноярского края В.А. Толоконского.

В приветствиях ректоров ведущих вузов Красноярска подчеркивалось, что Сибирский исторический форум стал площадкой для интеграции науки и образования, апробации новых образовательных технологий, для сотрудничества историков, архивистов, краеведов. Особо следует отметить, что в заключительной части открытия конференции состоялась церемония гашения почтовых карточек, специально выпущенных к Сибирскому историческому форуму и посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Эти почтовые карточки затем вручили на память всем участникам конференции.

На пленарной сессии Форума прозвучали интересные и весьма дискуссионные доклады, а именно:

1. *А.В. Толмачева*, канд. ист. наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета (КГПУ)

им. В.П. Астафьева, – «Соотношение сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте по состоянию на начало Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.);

2. *И.П. Павлова*, д-р ист. наук, профессор Красноярского государственного аграрного университета (КрасГАУ), – «Война и закон: значение правовых решений в СССР в победе над фашистской Германией»;

3. *С.Н. Рубцов*, д-р ист. наук, заместитель директора Красноярского института железнодорожного транспорта, – «Армия как фактор общественной консолидации в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (по документам Государственного архива Российской Федерации)»;

4. *О.О. Тее*, общественный деятель, председатель ветеранской организации RUBIN (Эстония), – «Мемориальная деятельность по увековечению подвига советского народа в Великой Отечественной войне»;

5. *Ежи Тыц*, руководитель Содружества «КУРСК» (Польша), – «Памятники, посвященные Советской армии, в Польше. 70 лет Победы».

Следует особо отметить доклады Олега Тее и Ежи Тыца, которые посвятили себя благородной деятельности по восстановлению и охране памятников советским солдатам, погибшим на полях сражений в Европе. Благодаря ветеранской организации RUBIN в Эстонии и Содружеству «КУРСК» в Польше эта работа получает все больший размах и поддержку местного населения.

Участники конференции продолжили работу на заседаниях секций, где было заслушано свыше 60 докладов. Все доклады, представленные в оргкомитет конференции и прошедшие рецензирование специалистов, будут опубликованы. В данном обзоре анонсируем некоторые из них.

На секции 1 «Сибирские соединения в годы войны» докладчики рассказали о проблемах формирования воинских подразделений, мобилизационных механизмах помощи фронту и т. п.

В.В. Филиппов, сотрудник музея Военно-инженерного института СФУ, проанализировал неизвестные документы о боевом пути 78-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады, сформированной в Красноярске. Ю.А. Орешкова, начальник отдела Национального архива Республики Хакасия, на основе вновь выявленных источников рассказала об особенностях мобилизации жителей Хакасии на фронт. С.В. Кухта, ведущий специалист ГАКК, реконструировала процесс военно-спортивной подготовки молодежи края накануне и в годы войны. Н.В. Барсукова, канд. ист. наук, доцент Гуманитарного института СФУ, раскрыла тему о женщинах Красноярского края на фронте.

На секции 2 «Сибирский тыл в годы войны» докладчики раскрыли особенности жизни сибирского тыла.

В.Н. Тугужекова, д-р ист. наук, профессор, директор Хакасского НИИЯЛИ, всесторонне охарактеризовала вклад тружеников Хакасии в дело Победы над врагом. С.П. Худышкина, учитель истории из Енисейского района Красноярского края, раскрыла особенности экономического развития

г. Енисейска и Енисейского района в годы войны. Ее сообщение дополнил Е.А. Ахтамов (Гуманитарный институт СФУ), осветивший деятельность Енисейского речного пароходства в экстремальных условиях военного времени. Преподаватели КрасГАУ д-р ист. наук, профессор С.Т. Гайдин и канд. ист. наук, доцент Г.А. Бурмакина показали, как использовались природные ресурсы края на военные нужды. А.А. Никочихина, канд. ист. наук, доцент Гуманитарного института СФУ, исследовала организацию детского труда в сельском хозяйстве в военные годы.

В докладах, прозвучавших на секции 3 «*Решение социальных проблем в годы войны*», показано, что, несмотря на тяжелые военные условия, государство находило возможности для социальной помощи населению. К.А. Акман, аспирант КрасГАУ, раскрыла основные направления поддержки семей военнослужащих на территории края. Ю.В. Карюкина, главный хранитель фондов музея «Мемориал Победы», изучала аспекты организации работы по реабилитации инвалидов. Преподаватели СФУ Н.В. Пашина, Т.А. Катцина и Л.В. Мариненко осветили тему материально-бытового положения студентов края в годы войны. Л.Э. Мезит, канд. ист. наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева, охарактеризовала состояние жилищно-бытовых условий жителей края, а Н.В. Пахомова, канд. ист. наук, доцент Гуманитарного института СФУ, показала, как жилищно-бытовая сфера влияла на обеспеченность оборонных предприятий рабочей силой. Л.Н. Славина, д-р ист. наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева, проанализировала влияние войны на брачные отношения в послевоенной восточносибирской деревне.

Доклады секции 4 «*Научно-образовательная сфера в годы войны*» были посвящены деятельности образовательных и научных учреждений в годы военного лихолетья. Е.А. Шушканова, канд. ист. наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетнёва, осветила общие и теоретические вопросы использования инноваций в годы войны. Н.А. Куперштох, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, проанализировала формы участия ученых в решении оборонных задач. Н.В. Гонина, канд. ист. наук, доцент КрасГАУ, и А.П. Дворецкая, канд. ист. наук, доцент Гуманитарного института СФУ, воссоздали историю становления Красноярского медицинского института. Е.А. Лисина и канд. ист. наук, А.С. Хромых (Гуманитарный институт СФУ) рассказали о развитии исторического образования в Красноярске и известных историках-сибироведах. Краевед В.В. Бибилова раскрыла сложные условия реализации Закона о всеобуче в Красноярском крае, а О.А. Полханова, ведущий архивист ГАКК, рассказала о деятельности специальных военных школ, эвакуированных в край.

Доклады секции 5 «*Война как проблема национальной памяти*» были посвящены формам и методам мемориальной деятельности школьников, опыту реализации программ воспитания гражданственности, военно-исторических реконструкций и др.

Доклады секции 6 «*Методологические и историографические проблемы изучения военной истории*» оказались полезными для осмысления причин, хода и последствий Великой Отечественной войны. В.И. Кудашов, д-р филос. наук, профессор СФУ, остановился на проблеме исторической правды и уроков войны. А.Г. Рогачев, д-р ист. наук, профес-

сор Юридического института КрасГАУ, рассмотрел Вторую мировую войну с точки зрения экономики, геополитики, демографии и права. Его коллега из этого же вуза – канд. ист. наук, Р.В. Павлюкевич остро поставил вопрос о качестве разделов по истории Великой Отечественной войны в вузовских учебниках, а другой коллега – д-р ист. наук, профессор В.Н. Шевченко показал, как в зарубежной историографии фальсифицируется речь И.В. Сталина от 5 мая 1941 г. Преподаватели Новосибирского военного института д-р ист. наук, В.Г. Кокоулин, канд. филос. наук В.Ю. Балабушевич, канд. филос. наук А.И. Гурский проанализировали трансформацию образа Великой Отечественной войны в массовом сознании в современной России. В ряде докладов была затронута тема источников для изучения событий военного времени. С.А. Рафикова, д-р ист. наук, профессор Сибирского государственного технологического университета, на примере семейного архива Постниковых–Лурье рассказала о фронтовых письмах как источнике изучения живой истории войны.

В докладах, прозвучавших на секции 7 «*Поисковое движение Красноярского края*» раскрыты направления деятельности, задачи и результаты движения по поиску и увековечению памяти советских воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В них, кроме того, обобщен опыт молодых красноярцев, выезжающих в течение нескольких десятилетий в места боев для поиска останков воинов.

В рамках Форума проведено несколько круглых столов:

– «Сохранение истории Великой Отечественной войны в школьном музее: проблемы, задачи, перспективы»;

– «Нет срока давности у нашей памяти ...»;

– «Вопросы преподавания истории Великой Отечественной войны»;

– «Рассказать о войне. Великая Отечественная война в современной культуре»;

– «Мы – наследники Великой Победы». Эта встреча привлекла особое внимание, так как в ней участвовала молодежь из большинства бывших республик СССР.

Следует отметить и другие мероприятия Форума по патристическому воспитанию молодежи. Школьники и студенты Красноярска активно участвовали в исторической реконструкции «Все на фронт!», флешмобе «День неизвестного солдата», в интеллектуальной игре «Что соединяет Красноярский край и легендарные “Катюши”?», в мастер-классах «Ищу солдата: технология поиска информации об участниках Великой Отечественной войны» и «Художник на войне: визуальная репрезентация войны в работах Б.Я. Рязузова».

Иногородние участники Форума получили возможность познакомиться с достопримечательностями Красноярска и его окрестностей. Были организованы экскурсии в Литературный музей им. В.П. Астафьева, Музей-усадьбу Г.В. Юдина, Мемориальный комплекс В.П. Астафьева в пос. Овсянка.

Проведение Сибирского исторического форума в Красноярске стало традицией. Его организаторы уже приступили к подготовке четвертого Форума.

Д-р ист. наук, профессор Л.Н. Славина,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Н.А. Куперштох,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

ИНСТИТУТУ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН – 25 ЛЕТ!

В 2015 г. коллектив Института археологии и этнографии СО РАН отмечает 25-летний юбилей. На самом деле история археологических и этнографических исследований в Сибирском отделении РАН началась гораздо раньше.

Появление в 1966 г. первого в Новосибирске академического гуманитарного института – Института истории, филологии и философии (ИИФФ) – стало возможным благодаря выдающемуся археологу и историку академику Алексею Павловичу Окладникову (1908–1981).

Под руководством академика А.П. Окладникова сотрудники института изучали фундаментальные проблемы культурно-исторического процесса: первоначальное расселение человека и распространение палеолитических традиций на территории Азиатского материка, происхождение искусства и развитие древнего художественного творчества, этногенез и раннюю историю коренных народов региона, их вхождение в состав Российского государства и др. Новосибирскими археологами открыты и изучены уникальные пещерные стоянки и первобытные поселения, древние захоронения и наскальные изображения в районах Северной, Центральной и Восточной Азии. Многие из этих открытий относятся к выдающимся достижениям отечественной и мировой археологии. Наиболее существенные результаты археологических изысканий обобщены в первом томе пятитомной «Истории Сибири» (1968 г.), удостоенной Государственной премии СССР.

В 1983 г. институт возглавил ученик А.П. Окладникова – Анатолий Пантелеевич Деревянко, специалист в области археологии и первобытной истории, проблем первоначального заселения человеком Северной, Центральной и Восточной Азии. Под руководством академика А.П. Деревянко произошла поэтапная реорганизация структуры ИИФФ. В 1990 г. в Объединенный ИИФФ вошли четыре вновь образованных института: Археологии и этнографии, Истории, Филологии, Философии и права. В 2001 г. Институт археологии и этнографии (ИАЭТ) вышел из объединения и стал самостоятельным научным учреждением.

В относительно короткий срок в институте была создана оригинальная научная школа, в основу которой были положены идеи и методы комплексного подхода в археологических исследованиях с активным взаимодействием с естественными и точными дисциплинами. Крупномасштабные полевые исследования сотрудников института, охватившие гигантскую территорию от Прикаспийского региона до Дальнего Востока, принципиальным образом изменили представления о развитии древних и средневековых культур в Северной Евразии. Научные открытия сотрудников ИАЭТ удостоены самых престижных премий и наград.

Под руководством академика А.П. Деревянко ИАЭТ превратился в научный центр с современной инфраструктурой, мощными междисциплинарными и международными связями. Стационар «Денисова пещера» на Алтае является площадкой для междисциплинарного изучения наиболее

информативных палеолитических комплексов Сибири. Настоящей сенсацией стало открытие популяции гоминидов «денисовцев», которое, по данным журнала «Science», вошло в «десятку» самых главных научных достижений мира в 2012 г. Центр геохронологии кайнозоя создает возможности проведения исследований в палеогеографии, палеоэкологии, палеоэкологии и других областях.

Институт по праву может гордиться музейным комплексом. Украшением Историко-архитектурного музея под открытым небом является Спасо-Преображенская церковь, в музее представлены более 100 каменных изваяний от эпохи бронзы до древнетюркского времени. В собрании Музея истории и культуры народов Сибири собраны экспонаты, которыми могли бы гордиться ведущие музеи мира.

ИАЭТ можно назвать настоящей кузницей научных кадров. Институт создал совместные лаборатории с ведущими университетами Сибири и Дальнего Востока, диссертационный совет ИАЭТ готовит кадры кандидатов и докторов наук по археологии, этнографии, этнологии и антропологии.

Издаваемый институтом международный научный журнал «Археология, этнография и антропология Евразии» обладает самым высоким рейтингом среди профильных периодических изданий нашей страны.

В мае 2015 г. институт возглавил новый директор – доктор исторических наук Михаил Васильевич Шуньков, специалист в области первобытной археологии Сибири. Академик А.П. Деревянко в статусе научного руководителя ИАЭТ СО РАН пожелал своему преемнику «руководствоваться двумя главными принципами: дух товарищества и уважение друг к другу должны быть краеугольным камнем отношений внутри коллектива».

В настоящее время основное научное направление деятельности института – изучение культурно-исторических процессов в древности и Средневековье, Новое и Новейшее время на территории Евразии. Деятельность ИАЭТ строится на следующих принципах: широкий географический и хронологический охват исследований; мультидисциплинарный характер научных разработок; международная кооперация и получение новых знаний; высокая публикационная активность сотрудников; мощная современная инфраструктура; активная популяризация научных знаний; тесная связь с вузами.

В дни празднования 25-летнего юбилея Институт археологии и этнографии СО РАН – один из крупнейших академических институтов в России, лидер среди мировых научных центров, изучающих древнюю историю и культуру человеческой цивилизации, – принимает многочисленные поздравления от отечественных и зарубежных коллег.

Институт истории СО РАН и редакционная коллегия журнала «Гуманитарные науки в Сибири» присоединяются к этим поздравлениям и желают коллективу Института археологии и этнографии СО РАН новых творческих свершений!

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.